

V B I I K K E I E L L A A H H D D

P P E E N N E E L L O O P P E A W U A O P P R D D

ЧЕРТОВ НАХАЛ

L O V E

M O D E R N

18+

Modern Love

Ви Киланд
Чертов нахал

«ЭКСМО»

2015

УДК 821.111-31(73)

ББК 84(7Сое)-44

Киланд В.

Чертов нахал / В. Киланд — «Эксмо», 2015 — (Modern Love)

ISBN 978-5-699-98022-2

Сбежав от нелюбимого жениха, Одри отправляется через всю страну в Калифорнию, чтобы изменить жизнь. На одной из пустынных заправок она встречает чертовски привлекательного мужчину с инициалами Ч.Н. на байке. Их знакомство начинается с перепалки и взаимных насмешек, а впоследствии – вынужденно – перерастает в восьмидневное путешествие, которое приносит им немало неприятностей. Поддавшись магнетизму незнакомца, Одри совершает воистину безумный поступок... Очнувшись на следующий день в одиночестве, она обдумывает случившееся и приходит в ярость. Теперь, чтобы вернуть все на свои места, ей придется отыскать Чертова Нахала во что бы то ни стало!

УДК 821.111-31(73)

ББК 84(7Сое)-44

ISBN 978-5-699-98022-2

© Киланд В., 2015

© Эксмо, 2015

Содержание

Часть I	5
Глава 1	5
Глава 2	11
Глава 3	17
Глава 4	24
Глава 5	30
Глава 6	37
Глава 7	44
Глава 8	51
Глава 9	59
Глава 10	65
Глава 11	71
Глава 12	74
Часть II	77
Глава 13	78
Глава 14	82
Глава 15	85
Глава 16	90
Глава 17	96
Глава 18	100
Глава 19	105
Глава 20	110
Глава 21	114
Глава 22	120
Глава 23	125
Глава 24	131
Глава 25	138
Глава 26	142
Глава 27	146
Глава 28	154
Глава 29	162

Ви Киланд, Пенелопа Уорд

Чертов нахал

Часть I

Глава 1

Интересно, каково это – чувствовать между ног рокочущего зверя? Жаркое полуденное солнце отражалось от хромовой поверхности припаркованного неподалеку «харлея», ослепительно сверкающего под палящими лучами.

Роясь в сумочке в поисках кошелька, я дождалась, пока закончилась звучавшая по радио композиция группы «Maroon Five», но мои мысли были странным образом сосредоточены на этой двухколесной мужской игрушке. Конструкция мотоцикла отличалась простотой – блестящая черная с серебром поверхность, потертое кожаное седло с сумкой, на которой красовался череп с инициалами «Ч. Н.» под ним.

Как, наверное, здорово, нестись по шоссе на такой машине! Я представила: ветер развеивает мои волосы, руки обвивают торс мужчины с какой-нибудь брутальной кличкой, а мотор соблазнительно урчит между бедрами, обтянутыми узкими джинсами. Как его зовут? Жеребец? Бродяга? Стрелок? Нет, не годится. Погодите-ка... Прэз. Точно, моего воображаемого байкера зовут Прэз. И выглядит он точь-в-точь как Чарли Ханнэм в сериале «Сыны анархии».

Я бросила взгляд на свой мобильный, обнаружила полдюжины непрочитанных сообщений от Гаррисона и злорадно усмехнулась. Конечно же, мужчина по имени Гаррисон никогда не будет гонять на «харлее». Швырнув телефон обратно в сумку, я выключила двигатель припаркованного у обочины «БМВ» и, обернувшись, посмотрела на заднее сиденье. Там почти до потолка были навалены коробки с вещами, отчего у меня чуть не случился приступ клаустрофобии.

Автобус, полный пассажиров, медленно вполз на придорожную стоянку. Только этого не хватало! Пойду-ка я куплю что-нибудь поесть, иначе мне отсюда никогда не выбраться. Сейчас, после десяти часов пути из Чикаго в Темекулу в штате Калифорния, я уже находилась где-то в центре Небраски, а впереди еще двадцать с лишним часов езды до места назначения.

После пятнадцатиминутного стояния в очереди за куриными нагетсами в забегаловке «Папай» я заглянула в небольшой магазинчик сувениров. Я очень устала, и мне чуть дурно не сделалось при мысли о том, что придется сидеть за рулем еще часов пять, прежде чем я найду какое-нибудь место для ночлега. Зевнув, я решила немного задержаться на стоянке и порыться в сувенирчиках. Перебрав кучу безделушек, в конце концов я выбрала китайского болванчика в виде Обамы и стояла, бездумно потряхивая его и наблюдая, как голова президента качается взад-вперед с маниакальной улыбкой на лице.

– Берите не раздумывая, – произнес с усмешкой глубокий хрипловатый мужской голос у меня за спиной. Я вздрогнула от неожиданности, резко дернувшись, и нелепая статуэтка выскользнула из моих пальцев и упала на пол. Голова президента оторвалась от пружины, служившей ей шейей, и укатилась под прилавок.

Женщина, стоящая за прилавком, возопила:

– Мэм, извините, но вам придется заплатить. Двадцать долларов, пожалуйста.

– Вот дьявол! – пробормотала я с досадой, прослеживая траекторию укатившейся в угол головы.

Я наклонилась, чтобы поднять ее, и в этот момент снова раздался тот же хрипловатый голос:

– Подумать только, а ведь многие считают, что у этого парня есть голова на плечах.

У него австралийский акцент. Или мне это только кажется?

– По-твоему, это смешно, козел? – процедила я и, резко развернувшись, наконец-то оказалась нос к носу с обладателем этого соблазнительного голоса.

И застыла.

Обалдеть!

– Не стоит проявлять свою стервозную натуру по такому ничтожному поводу. – Кривя губы в ехидной улыбке, парень вручил мне безголовое туловище Обамы. – И, к вашему сведению, мне это вовсе не кажется смешным.

Я сглотнула и почти лишилась дара речи, не веря своим глазам, – передо мной стоял суций Адонис. Мне захотелось вцепиться ему в физиономию, чтобы с нее исчезла эта наглая улыбка, а надо сказать, это была очень красивая физиономия с точеными чертами и трехдневной щетиной, обрамленная густой копной каштановых волос с медным отливом. Твою ж мать! Безумно привлекательный парень! Вот уж не ожидала встретить такого красавчика в подобной дыре. Черт знает что – это же центральная Америка, а не австралийский буш какой-нибудь, в конце-то концов.

Я кашлянула, чтобы прочистить горло.

– Да уж, совсем не смешно.

Он протянул руку:

– Дате-ка мне эту хрень, мадемуазель, я заплачу за нее.

Прежде чем я успела ответить, он выдернул из моих рук части сломанной статуэтки. Вот ведь напасть – от мимолетного касания его руки по моей спине прокатилась волна дрожи. В довершение всего, от него исходил просто умопомрачительный запах.

Я проследовала вслед за незнакомцем к кассе, пытаюсь выудить из сумочки деньги, но он меня опередил, молниеносно оплатив покупку.

Красавчик торжественно вручил мне пластиковый пакет со сломанной безделушкой.

– В пакете – сдача. Купите себе немного чувства юмора.

Ю-Ю-МА-А-РА... Боже, какой акцент.

У меня челюсть отвисла, когда он выходил из магазина.

Вот это задница!

Я не верила глазам – прекрасная, сочная, аппетитная круглая задница, плотно обтянутая джинсами. Черт, у меня действительно слишком давно не было секса, если для меня не имел значения даже тот факт, что этот нахал только что оскорбил меня.

Я простояла несколько минут, уставившись невидящим взглядом на полку с безразмерными майками, исписанными глупым слоганом «Кукурузник из Небраски», а потом мысленно дала себе пинка под зад. Моя реакция на досадное происшествие говорила о том, что усталость берет верх, обычно я не столь вспыльчива. Пора отбросить неприятный осадок от этой странной встречи и двигаться дальше. В животе урчало от голода, и я уже предвкушала, как, сидя за рулем, буду вгрызаться в кусочки куриных наггетсов. Выйдя из магазина, я вытащила аппетитный кусочек из коробочки и с удовольствием сунула его в рот. Однако тут же перестала жевать, увидев своего обидчика неподалеку от моей машины, он сидел на том самом мотоцикле, смелые фантазии о котором одолевали меня совсем недавно.

Я попыталась осторожно пробраться к машине, надеясь, что парень меня не заметит. Не тут-то было. Увидев меня, он расплылся в ослепительной улыбке и приветливо помахал рукой.

Судорожно роясь в сумке в поисках ключей, я закатила глаза и процедила:

– Снова вы...

Он ухмыльнулся.

– Надеюсь, вы все-таки прикупили чувство юмора?

– Нет, я планирую приобрести для вас хорошие манеры.

Усмехнувшись, он покачал головой. Пригладив шевелюру, парень водрузил на голову блестящий черный шлем и запустил двигатель своего «харлея». Рокот мотора эхом отдался в моем теле, пронизывая его до костей.

Я забралась в машину, громко хлопнув дверью, но не смогла удержаться, чтобы не кинуть на незнакомца последний взгляд, будучи уверенной, что больше никогда в жизни не увижу этого типа. Он подмигнул мне сквозь прорези шлема, и сердце мое заколотилось от волнения.

В зеркало заднего вида я наблюдала, как красавчик выводил мотоцикл со стоянки. Я ожидала, что он стрелой рванет с места и мгновенно исчезнет из вида, но почему-то, медленно проехав несколько шагов, он внезапно остановился. Он старательно пытался снова завести мотор, но все усилия были напрасны. В конце концов, заглушив двигатель, парень стянул шлем и, с растерянным видом запустив в волосы пятерню, слез с мотоцикла и принялся осматривать его в поисках причины неполадки. Мне надо было бы уехать, но я не могла оторвать взгляд от парня, наблюдая за безуспешными попытками завести мотор. *Ох, ни фига ж себе!*

Я обмакнула кусочек курицы в горчицу с медом и бросила его в рот, продолжая наблюдать за этой сценой в ожидании увлекательного зрелища. Через пару минут красавчик вытащил телефон и начал кому-то звонить, нервно прохаживаясь взад-вперед. Затем, убрав телефон, парень повернул голову в мою сторону и одарил меня свирепым взглядом. Пойманная с поличным, я издала нервный смешок. Надо сказать, мне вовсе не хотелось насмехаться над ним, просто я не смогла сдержаться. Парень приподнял одну бровь, отчего мне еще больше захотелось рассмеяться. Наглый тип медленно направился в мою сторону, локтем прижимая шлем к боку. Он постучал в окно машины, и я вынуждена была его опустить.

– Думаешь, это очень смешно, мадемуазель?

– Ну, может, не очень... – фыркнула я.

– Ну что ж, я рад, что ты, в конце концов, овладела чувством юмора.

Ю-Ю-М-А-РА.

Черт, какой сексуальный акцент!

Он вытянул шею, чтобы рассмотреть, что творилось у меня на заднем сиденье, и, разумеется, заметил кучу коробок.

– Ты что, бездомная? Живешь в машине?

– Во все нет. Я в процессе переезда – через всю страну на другое побережье.

– И куда направляешься?

– В Темекулу.

– В Калифорнию? – Он понимающе кивнул. – Надо же, я тоже туда еду.

Я бросила взгляд в сторону его «харлея».

– Похоже, ты не скоро сможешь продолжить путь. Думаю, это расплата за то, что обозвал меня стервой.

– Да, похоже, так и есть.

– Что именно? Признаешь, что это расплата?

– Нет. Что ты стерва.

– Очень смешно.

– А знаешь, что хуже расплаты? – спросил он, еще ниже склоняясь к окну. Запах его туалетной воды сводил меня с ума.

– Что именно?

Он игриво подвигал бровями.

– Карма.

– Что ты имеешь в виду?

– Выйди-ка и погляди, что творится сзади у твоего бумера.

БУ-У-МЕ-РА

Я поспешно выскочила, обошла машину и увидела, что заднее правое колесо полностью спущено.

Что? Этого просто не может быть!

В отчаянии прижав ладонь ко лбу, я уставилась на нахала. Вид у него был крайне самодовольный.

– Ты что, издеваешься? Значит, все это время ты знал, что у меня спущено колесо?

– Конечно. Я заметил это в тот самый момент, когда ты лопала курицу и ржала надо мной.

Поверь, нелегко было сохранять невозмутимый вид.

Разумеется, я не сумела бы самостоятельно поменять колесо, даже если бы речь шла о спасении собственной жизни. Неужели придется просить этого гнусного типа оказать мне услугу?.. Нет, это просто невозможно!

– Ты умеешь менять колесо?

– Конечно. Какой мужчина не умеет менять колесо?

– Ты мне поможешь? Я знаю, едва ли тебе захочется оказывать мне услугу... после нашей перепалки... но я в безвыходном положении. Не хотелось бы застрять в этой дыре на всю ночь.

– А можно нескромный вопрос?

– Спрашивай.

Он потер заросший щетиной подбородок.

– Насколько сильно ты хочешь поменять это колесо?

Я отпрянула от него.

– На что ты намекаешь?

– Оставь грязные мысли, красотка. Я вовсе не пытаюсь затащить тебя в постель, если ты это имеешь в виду. Ты не в моем вкусе.

– И кто же в твоём вкусе?

– Ну, мне нравятся женщины, которые при первой встрече не шипят на меня рассерженной гусыней.

– Спасибо за комплимент.

– Не стоит благодарности.

– Итак, что ты хочешь?

– Ну, как я понял из твоего хохота, ты в курсе, что в настоящий момент мой «харлей» испытывает технические трудности. Нужна деталь, которой у меня нет. Я только что вызвал эвакуатор. Но я ужасно тороплюсь, как и тебе, мне срочно надо попасть в Калифорнию.

– То есть ты намекаешь, что...

– Да, именно на это я и намекаю. Я меняю тебе колесо, а ты позволяешь мне поехать с тобой.

– Поехать со мной?

– Ну да, поехать с тобой.

– Что ты только что сказал?

– Ты не глухая.

Я тряхнула головой, чтобы отогнать образы, пронсящиеся в моих мыслях. Может, я ослышалась в силу усталости, или он просто издевается надо мной?

– Я не могу пуститься в путешествие на несколько сот миль в компании с совершенно незнакомым человеком, – возразила я.

– Между прочим, это гораздо безопаснее, чем путешествовать в одиночестве.

– Пожалуй, если только ты не маньяк.

– Подумать только, от кого я это слышу? От террористки, обезглавившей американского президента!

Я не смогла сдержать смех. Ситуация приобретала оттенок безумия.

– Черт побери, мадемуазель, неужели ты смеешься?

– Ты меня вынудил.

Он протянул мне руку.

– Вижу, ты согласна?

Я проигнорировала его жест, скрестив руки на груди.

– Разве у меня есть выбор?

– Ну, в конце концов, ты могла вот его попросить поменять тебе колесо. – Он кивнул в сторону огромного, устрашающего вида типа, который с интересом наблюдал за нашей перепалкой. И выглядел он точь-в-точь как Герман Мюнстер из «Семейки монстров»¹.

Издав глубокий вздох, я наконец сдалась.

– Я не против. В общем, согласна!

– Я знал, что ты это скажешь. А теперь вопрос – запаска у тебя есть?

– Конечно. Но, чтобы до нее добраться, придется вытащить некоторые из этих коробок.

Он просто взорвался от смеха, когда увидел груды вещей в моем багажнике.

– Черт возьми, что это за барахло?

Я взглянула ему в глаза и честно ответила:

– Здесь вся моя жизнь.

Мне пришлось выгрузить бесконечные коробки на асфальт. Мой невольный попутчик вытащил запасное колесо и тут же приступил к работе.

Когда он трудился над колесом, белая майка задралась, открыв загорелый мускулистый живот и тонкую полоску волос, уходящую под джинсы. Я невольно почувствовала возбуждение. Черт, срочно надо отвлечься. Я прошла к его мотоциклу и села на него, ухватившись за ручки и представляя, каково это – нестись с дикой скоростью, когда ветер развеивает твои волосы... Но это не помогло – перед глазами стоял только торс красавчика, и это не спасало меня от наваждения.

Его мускулистое тело выскользнуло из-под моей машины.

– Осторожней, мадемуазель. Это не игрушка.

Я соскочила с седла мотоцикла и провела пальцем по буквам на седле.

– А что означают буквы Ч. Н.?

– Это мои инициалы.

– Дай-ка, угадаю. Чертов Нахал?

– Послушай... Я бы назвал свое имя, но, раз ты такая умная, пожалуй, позволю тебе теряться в догадках.

– Как хочешь, Нахал.

Он снова лег на землю.

– Вот сейчас только подкручу болт, и можно будет ехать.

– Болт? Ха!

– Гайку на колесе, грязная ты девчонка.

– Ох. Понятно.

Он вскочил, задрал майку и вытер ею вспотевший лоб.

– Готово.

Вот черт!

– Как-то уж слишком быстро сработано, однако. Уверен, что колесо не отвалится?

– У меня действительно кое-каких шариков не хватает, в чем ты очень скоро будешь иметь возможность убедиться, но с твоим колесом все в порядке. – Он подмигнул, и я заметила

---

¹ «Семейка монстров» – сериал о приключениях жутковатого, но добродушного семейства Мюнстеров. Глава семьи Герман – полный аналог франкенштейновского монстра, его жена Лили и тесть – вампиры со стажем, а младший сын Эдди – оборотень. (Здесь и далее прим. пер.)

симпатичные ямочки на его щеках. – Завтра нам, возможно, придется сделать остановку, чтобы раздобыть новое колесо. Эта запаска долго не выдержит.

Завтра? Вау. Неужели это все происходит со мной?

– Пора ехать, – бодро заявила я. – Сама поведу. Мне надо контролировать ситуацию.

– Как будет угодно, – покладисто согласился он.

Выезжая со стоянки, я чувствовала, как напрягается моя шея. По крайней мере, скучно, видимо, не будет. Между тем попутчик не терял времени даром, с удовольствием поглощая мои куриные нагетсы.

Я шлепнула его по руке.

– Эй, руки прочь от моего обеда.

– О, горчица с медом? А я предпочитаю соус барбекю.

Он облизал пальцы, а я мысленно обругала себя, потому что меня это чертовски возбудило. А ведь путь предстоял долгий.

Загадочно усмехнувшись, мой нахальный попутчик схватил целлофановый пакет из магазина сувениров.

– Ты туда уже заглядывала? – спросил он, потрясая им у меня перед носом.

– Какой смысл? Там всего лишь сломанная безделушка.

– Ты так думаешь?

С этими словами он передал мне пакет.

Одной рукой держась за руль, другой я вытащила из пакета вполне себе целую статуэтку.

– Что за... Это твоя работа?

– Мне показалось, эта хрень тебе понравилась, поэтому купил тебе еще одну, целую. Ты тогда была слишком занята – рылась в кошельке.

Я покачала головой, но не смогла сдержать улыбку.

– Ну, на-а-до же. Вот я и заслужил искреннюю улыбку. – Он протянул мне руку. – Лучше отдай мне это от греха подальше.

Я протянула ему статуэтку, и он оторвал от нее клейкую ленту, чтобы прикрепить фигурку к передней панели. Голова Обамы моталась взад-вперед в такт движению автомобиля.

Я смущенно рассмеялась, осознавая нелепость ситуации, но все же не могла не отметить, что меня захлестнула теплая волна благодарности за столь милый поступок. Может, он вовсе и не такой уж наглец?

Мы некоторое время молчали. Мой спутник откинул голову на подголовник и прикрыл глаза. Где-то в районе шоссе I-76, когда закатное солнце озарило ярким оранжевым светом далекий горизонт, он повернулся ко мне.

– Меня зовут Чэнс, – произнес он сонным голосом.

– Обри, – произнесла я после нескольких секунд молчания.

– Обри, – повторил он с придыханием, словно пробуя мое имя на вкус, потом снова закрыл глаза и отвернулся.

Чэнс², значит. Интересненько!

---

² Chance – шанс (англ.).

Глава 2

– Ты, похоже, собираешься записывать все это на голосовую почту? – Прищурившись, он глянул на мой мобильный телефон, жужжащий на передней панели. Проклятая трубка звонила примерно каждые полчаса, но теперь перерыв между вызовами сократился до десяти минут.

– Ага. – Трезвон прекратился, и я не стала вдаваться в дальнейшие объяснения, понадеявшись, что Чэнс не придаст этому значения.

Как бы не так. Минут через пять снова раздался звонок, и прежде чем я сообразила, что происходит, Чэнс схватил телефон.

– Звонит некий Гарри.

Чэнс поигрывал трубкой между большим и указательным пальцами, пока я не вырвала ее.

– Это Гаррисон. И не твоего ума дело.

– Поездка долгая. Быть может, мы это обсудим?

– Нет никакого желания.

– Посмотрим.

Прошло несколько минут, и раздался очередной звонок. Прежде чем я успела отреагировать, телефон снова оказался в руке Чэнса. Ему удалось от меня увернуться. Хитро блеснув глазами, он поднес трубку к уху.

– Алло.

У меня от такой наглости чуть глаза на лоб не полезли. В результате я едва не вылетела с дороги на обочину, притормозив в последний момент и буквально онемев.

– Привет, Гарри, Как поживаешь, дружище?

Легкий австралийский акцент, прежде едва заметный, неожиданно проявился отчетливее. В трубке послышался голос Гаррисона, но слов я не различила. Я взглянула на Чэнса. Он передернул плечами, улыбнулся и откинулся на спинку сиденья, явно находя ситуацию забавной. В этот момент я решила, что наше совместное путешествие пора заканчивать. Только бы добраться до следующего съезда, и он получит такой пинок под зад, что вылетит из машины. Пусть этот козел со своей идеальной круглой задницей катится пешком через всю чертову Небраску, и плевать я на него хотела.

– Ага, конечно. Она рядом. Но в данный момент мы в некотором роде заняты.

Следующий вопрос я услышала, он прозвучал громко и ясно. Чэнс отвел трубку в сторону, когда Гаррисон прорычал:

– Кто это, черт возьми?

– Меня зовут Чэнс. Чэнс Найтмен. Некоторые друзья называют меня Нахалом. – Чэнс выдал все это с такой безупречно вальяжной интонацией, что я живо представила, как багровеют вены на шее Гаррисона.

– Передай. Обри. Этот. Чертов. Телефон. – Каждое слово он будто выплевывал со злостью. Неожиданно я обнаружила, что прекратила беситься, и уже не возмущалась, что Чэнс ответил на звонок. Теперь я была в ярости, но по другому поводу. Что за наглость! Какое право Гаррисон имеет вообще на чем-то настаивать?

– Никак не могу, Гарри. Она сейчас... не может подойти.

В трубке послышался очередной поток ругательств.

– Послушай, Гарри, поговорим как мужик с мужиком, потому что ты, похоже, неплохой парень. Обри не отвечала на твои звонки из вежливости. Дело в том, что она просто не желает с тобой разговаривать.

Я буквально разрывалась, не зная, на кого из этих двух идиотов злюсь больше. И все-таки... О-БРИ-И. Я была готова придушить Чэнса, но в то же время мне хотелось вновь услышать, как он произносит мое имя. Что, черт возьми, происходит со мной? Я не слышала, что

ответил Гаррисон, полностью поглощенная мыслями о том, как сексуально звучит мое имя, произносимое с австралийским акцентом. От того, как этот самоуверенный нахал выговаривал даже простейшие слова, меня охватывал трепет и мурашки бежали по коже. Время на мгновение остановилось, когда я представила глубокий хрипловатый голос, шепчущий мне на ухо: «О-БРИ-И».

В реальность меня вернул притворный вздох, который Чэнс издал в трубку.

– Ну, ладно, Гарри. Лучше уймись прямо сейчас. Мы тут приятно путешествуем и не собираемся возвращаться, а твои навязчивые звонки действуют на нервы нашей девочке. Поэтому будь разумным мужиком и перестань нас беспокоить.

Подумать только, «нашей девочки». Очевидно, вена на шее Гаррисона вот-вот лопнет.

Чэнс не стал ждать ответа и прервал разговор.

Минут пять мы просидели в полном молчании. Видимо, он ожидал моей гневной реакции.

– Ты не собираешься кидаться на меня за то, что я не удержался и поболтал с Гарри? – насмешливо спросил он.

Костяшки моих пальцев, сжимавших руль, побелели.

– Я в процессе обработки информации, – сквозь зубы пробормотала я.

– Обработки информации? – повторил он все с той же насмешкой.

– Именно. Обработки информации.

– И что это значит, черт возьми?

– Это значит, что я не привыкла высказывать первое, что приходит мне на ум. Не то что некоторые невоспитанные придурки. Я осознаю свои эмоции и только после этого подбираю правильные слова.

– То есть фильтруешь дерьмо?

– Вовсе не так!

– Именно так. Если ты в бешенстве, скажи об этом. Выкрикни, если нужно. Стань стервой, но только на время, и покончи с этим раз и навсегда. Не надо оставаться стервой постоянно.

Дорога была абсолютно свободной, поэтому мне не составило особого труда нажать на тормоза и свернуть к обочине. Я пересекла три полосы движения и резко остановилась. Наступившую темноту нарушал только свет передних фар моей машины и автомобилей, проезжающих мимо. Я вышла, обогнула машину и встала со стороны пассажирского места, всем своим видом показывая, что жду, когда он выйдет. А затем, собрав всю свою злость и подбоченясь, заявила:

– Ты, чертов нахал! Я подбираю твою задницу на остановке, спасаю из затруднительного положения, а ты мало того, что влезает в мой автомобиль, сжираешь половину еды и переключаешь музыку под свой вкус, так в довершение всего еще и отвечаешь на мои телефонные звонки! Для твоих ушей не предназначенные!

Он скрестил руки на груди.

– Ты вообще на спасала мою задницу. Я съел всего пару кусочков курицы с попкорном. От твоего музыкального вкуса меня тошнит, а звонки этого напыщенного мудака Гарри тебя явно расстраивали.

Я испепелила его взглядом.

Чэнс не остался в долгу.

О, Боже! Свет фар проезжающей мимо машины упал на его лицо, и тут я вспомнила. Номер тринадцать. Его выразительные глаза были именно того цвета. Мой любимый серосиний оттенок, из упаковки мелков «Crayola». Именно он заканчивался у меня раньше всего, когда другие шестьдесят три едва успевали затупиться. Я обожала этот цвет, для меня это был не просто оттенок, которым я раскрашивала небо. В моей жизни был целый год, когда все

лица в моих раскрасках имели этот прекрасный голубой оттенок с таинственным сероватым отливом. Я никогда не встречала предметов такого редкого цвета в жизни, и уж тем более глаз.

Честное слово, я позорно выпала из реальности, но Чэнс сумел спасти положение.

– О-о-бри, – примирительно произнес он.

О-О-БРИ.

Что б ему провалиться. Я промолчала. Я была в процессе... обработки информации.

– Я всего лишь пытался помочь. Гарри получил по заслугам. Я не знаю, кто он для тебя, но, кем бы он ни был, очевидно, что он обидел тебя. И ты не желаешь выслушивать его извинения. Так пусть он пострадает какое-то время, думая, что ты в машине с другим мужчиной. Он должен знать, что вокруг такой женщины, как ты, мужики ходят толпами. И пусть всегда об этом помнит.

Такой женщины, как я?

Я изо всех сил пыталась сохранить возмущенный вид, но злость куда-то исчезла.

– Ну, просто на будущее, не хватай мой телефон без спроса.

– Слушаюсь, мэ.

Я благосклонно кивнула, пытаюсь ощутить хотя бы слабый вкус победы. Не могла же я перестать злиться только потому, что у него такой сексуальный голос и глаза цвета мелка номер тринадцать. Или могла?

– Не возражаешь, если я ненадолго сяду за руль?

Я не могла похвастаться хорошим ночным зрением, глаза от напряжения уже начали затуманиваться.

– Ладно, садись.

Он открыл дверцу, подождал, пока я села на пассажирское сиденье, закрыл ее и обошел машину с другой стороны. Прежде чем сесть за руль, Чэнс наклонился, подобрал что-то с земли и бросил в сумку на заднем сиденье, а затем поправил кресло так, чтобы ему было удобнее.

– Что это ты там подобрал?

– Ничего. – Ну конечно, плевал он на мой вопрос. – Водитель выбирает музыку, – объявил Чэнс и отъехал от обочины.

– Ты переключал каналы каждые пять минут, когда я была за рулем.

Он пожал плечами и улыбнулся.

– Правила изменились.

Сидя на пассажирском сиденье, я могла незаметно изучать его, пока он сосредоточился на дороге. О, Боже, эти ямочки на щеках! На четко очерченном подбородке заметно проби- валась легкая щетина, и мне это нравилось. Действительно нравилось. Только бы он сидел за рулем подольше.

Спустя три часа, почти в полночь, мы решили остановиться на ночлег. Мы проехали достаточно много, почти столько, сколько я и планировала, несмотря на то, что несколько часов были потрачены на смену колеса.

Женщина за стойкой гостиницы так погрузилась в игру на своем смартфоне, что едва бросила на нас рассеянный взгляд, когда мы подошли, и тут же снова уткнулась в экран, с гораздо большим интересом.

– Могли бы мы снять номер на одну ночь? – спросил Чэнс.

– Хм, пожалуйста, два номера, – уточнила я.

– Зачем? Я собираюсь снять один номер с двумя кроватями.

– А я не собираюсь делить с тобой комнату.

– Поступай, как знаешь. – Чэнс пожал плечами и снова переключил внимание на адми- нистратора гостиницы. – Она просто боится, что если окажется со мной в одном номере, то не удержится и начнет ко мне приставать. – Нахал подмигнул женщине, и даже ее темная кожа не смогла скрыть румянца смущения.

Я только закатила глаза, потому что слишком устала для новой перебранки, и обратилась к служащей:

– Не могли бы вы дать мне номер с окнами на запад, только не на первом этаже. И четное число, если можно.

– А мне с кроватью и туалетом, если такое возможно. – Чэнс ухмыльнулся, решив, что уел меня.

– Я могу предложить вам номера двести семнадцать и двести восемнадцать. Они как раз по соседству.

– Прекрасно. Она ведь на самом деле хочет быть ко мне поближе.

Не знаю, что подействовало на меня больше – его идиотские шуточки или то, что я очень устала, проведя столько часов в дороге, но я только засмеялась, не пытаюсь возражать или пререкаться.

Чэнс выглядел при этом немного удивленным.

Женщина протянула каждому из нас ключи и шоколадное печенье.

– Если хочешь, можешь съесть мое. Я стараюсь не есть на ночь.

– О да, я бы с радостью съел тебя.

– Что ты сказал?

Он недоуменно обернулся.

– Я сказал, что с радостью съел бы твоё печенье.

Боже. Да мне просто необходимо выспаться! А еще принять холодный душ.

Чэнс разнес наши вещи по номерам, и я не могла не отметить, что он пропустил меня вперед, когда мы выходили из лифта. Несмотря на всю его бесцеремонность, у засранца были хорошие манеры.

– Доброй ночи, вредина.

– Пока, нахал.

Я была рада, что он не произнес моего имени; мне и так было не по себе от того, что придется спать через стенку с таким горячим парнем.

Минут через пятнадцать я закончила все приготовления ко сну и с удовольствием юркнула в постель. Сделав глубокий вдох, я позволила себе расслабиться и насладиться приятной мягкостью матраса.

Внезапный стук в дверь заставил меня подпрыгнуть.

Я с раздражением вылезла из кровати и, стоя на цыпочках, посмотрела в дверной глазок. И почему эти штуки всегда находятся так высоко? С удивлением я обнаружила, что с другой стороны никого не было.

Стук раздался снова.

Я включила свет. Звук шел не от входа, но от внутренней двери, которую я поначалу даже и не заметила.

Дверь, которая вела в комнату Чэнса.

Я отодвинула задвижку и приоткрыла дверь ровно настолько, чтобы можно было узнать, что ему нужно и тут же захлопнуть ее перед его наглым носом. Со скучающим видом Чэнс стоял, облокотившись о стену.

С голым торсом.

На нем были только темно-серые боксерские трусы, которые облегли его как вторая кожа.

С минуту я пыталась понять, что ему нужно, и не решалась задать вопрос. Он же всего лишь поигрывал в руках зубной щеткой и вел себя довольно мирно.

– По-моему, мы уже установили, что я не серийный убийца.

Я открыла дверь пошире.

Чэнс одарил меня улыбкой.

О, Господи. Пусть это прекратится, и немедленно.

– Должно быть, я оставил зубную пасту в дорожной сумке. Она в машине.

– Вот как? – Я судорожно сглотнула.

Чэнс склонил голову набок, его брови сошлись на переносице.

– Одолжишь пасту?

– Ну... да, конечно.

Он протиснулся мимо меня в номер и направился в ванную. Я осталась ждать у двери.

– Для одной ночи у тебя здесь слишком много женских штучек, – произнес он со ртом, полным зубной пасты, и зачитал вслух всю информацию на этикетке моих духов от Эсте Лаудер: – Париж, «Private Collection Tuberoze Gardenia».

Я слышала, как он чистит зубы и полощет рот. Значит, воспользовался моим ополаскивателем. Да и пожалуйста, мне не жалко.

Чэнс вышел и выключил свет в ванной комнате.

– Тубероза – это роза?

Я покачала головой, все еще сбита с толку происходящим.

– Теперь понятно, – пробормотал он.

– Что тебе понятно?

– Я весь день гадал, чем от тебя пахнет. Не думаю, что прежде мне приходилось нюхать туберозу. – Он пожал плечами и направился к себе в номер, но у двери обернулся. – Даже твои крошечные черные трусики пропахли этим запахом.

От возмущения я вытаращила глаза. Я и забыла, что, скинув лифчик и трусики, оставила их в ванной.

– Ты... ты...

– Расслабься. Я шучу. Неужели я похож на бельевого фетишиста?

Да.

Ладно, это глупость. Конечно же нет. Но что, если?..

– Спокойной ночи, Обри. – Чэнс улыбнулся, предсказуемо сразив меня своей невероятной улыбкой, и скрылся за дверью.

О-ОБРИ-И. Черт его побери!

Я закрыла дверь и дважды проверила надежность запора, непонятно только, для чьей безопасности, Чэнса или моей. Его голос, произносивший мое имя, все еще звучал в голове, становясь, по мере того как я погружалась в сон, все тише и тише с каждым вдохом, словно убаюкивающая колыбельная.

Пока в дверь снова не постучали.

Должно быть, я действительно успела провалиться в сон на несколько секунд перед тем, как встать и открыть дверь. Снова.

– Не хочешь посмотреть какой-нибудь фильм?

В моей комнате было абсолютно темно, а в его номере ярко горел свет. С минуту мои глаза привыкали к нему. А когда я смогла видеть, то уставилась на нижнее белье Чэнса. Вместо того, чтобы отказаться и захлопнуть дверь, я начала с ним спорить. Снова.

– Я не собираюсь смотреть кино с малознакомым парнем, который заявился ко мне в одном белье.

Чэнс взглянул на свой пах и затем снова на меня.

– Почему это? Не похоже, чтобы у меня была эрекция.

На минуту я впала в ступор из-за его наглого комментария... и тут же начала представлять его с эрекцией. Я почувствовала, что мне некуда девать глаза. Стоило опустить взгляд, как он тут же упирался в его впечатляющее достоинство. А если поднять – Чэнс тут же догадался бы, о чем я думаю.

Негодяй понимающе усмехнулся.

– Так и быть, я, пожалуй, надену шорты.

Понятия не имею, с чего я затеяла эту дискуссию, когда в действительности не имела ни малейшего желания смотреть кино. Чэнс исчез, но уже через минуту вернулся, в свободных шортах, из которых все еще виднелся поясок его боксеров, на котором красовался лейбл Calvin Klein. Но теперь, когда можно было не смущаться видом его облегающего белья, оказалось, что свободные шорты еще хуже. Теперь, когда его крепкие ягодицы оказались прикрыты, я невольно обратила свое внимание на потрясающие мышцы груди. И живота... Чуть приспущенные на узкие бедра шорты обнажали рельефные мышцы, формой напоминавшие букву V.

– Твоя очередь, – потребовал Чэнс.

Я бросила на него непонимающий взгляд.

– Если я не могу ходить в нижнем белье, то и ты не можешь сидеть тут в ночной рубашке.

– А что не так с моей рубашкой? – спросила я с вызовом.

Чэнс скользнул взглядом по моей груди, и его губы изогнулись в очаровательной плутовской усмешке.

– Все в порядке. Ради бога, оставайся в ней, я не возражаю.

Я опустила глаза и обнаружила, что надела белую рубашку без лифчика. Соски выпирали так явно, словно желали проткнуть тонкую ткань.

Минут двадцать мы спорили, какой фильм посмотреть, и остановились на фильме ужасов, смотреть который на самом деле у меня не было ни малейшего желания. А пятью минутами позже я уже спала, накинув свитер поверх рубашки, а Чэнс сидел рядом на моей двуспальной кровати.

Когда я проснулась на следующее утро, Чэнс был в своем номере, а дверь, соединяющая наши комнаты, была открыта. Я слышала, как он говорил по телефону, рассказывая кому-то о своих планах на день. При этом он явно лгал, так как я была уверена, что он и не собирается проводить весь день в Лос-Анджелесе.

Глава 3

Позавтракать мы решили в придорожной забегаловке неподалеку от гостиницы.

Я решила сразу же заказать напиток.

– Мне, пожалуйста, тройной ванильный латте с обезжиренным молоком. Очень горячий и с небольшим количеством пены.

Чэнс посмотрел на меня, сощурившись, а затем повернулся к официантке.

– Вы поняли, что она сказала?

Берта – именно это имя было обозначено на бейджике официантки – не являла собой образец любезности.

– У нас тут просто кофе – обычный или без кофеина, – монотонно сообщила она, подавая кофейник.

– Ну, тогда мне черный кофе.

– Мне тоже, – произнес мой спутник.

Официантка налила кофе в чашки.

– Сейчас вернусь и приму у вас заказ.

Чэнс засмеялся, тряся пакетиком с сахаром. Интересно, что его так рассмешило? Я скрестила руки на груди.

– И что тут смешного?

– Ты.

– А что со мной не так?

– Ты действительно думаешь, что можешь заказать свой мудреный напиток в подобном заведении?

– Латте есть везде. Даже в «Макдональдсе».

– Давай закажем тебе на завтрак «Хэппи Мил» – с маленькой игрушкой внутри. Тогда ты будешь довольна?

Покачав головой, я принялась изучать меню. Там не обнаружилось ничего, что я могла бы съесть.

– Тут все такое жирное...

– М-м-м... бекон. Небольшое количество жира тебя уж точно не убьет.

– Я уже потребила месячную норму жира... вчера. Помнишь куриные наггетсы?

– Месячную норму жира?

– Именно. – Я не смогла сдержать тяжелый вздох. – В этом меню практически нет здоровой еды. Серьезно, я даже не знаю, что заказать.

– Не беспокойся. Я сам закажу.

– Что? Нет, не надо.

Чэнс поднял палец.

– Берта, милая, мы готовы сделать заказ.

Боже, он способен заставить покраснеть даже эту угрюмую официантку.

– Что вы хотите заказать?

Чэнс ткнул пальцем в меню.

– Лично я буду вот это холестеринное и очень аппетитное, судя по описанию, блюдо. Его название, «Сердечный приступ», меня пленило. А даме – тост из ржаного хлеба, только без масла, пожалуйста.

– Сию минуту.

– Значит, все, что мне полагается, – это пустой тост?

– Нет, конечно, можешь присоединиться к моему «Сердечному приступу». Ты просто еще не разобралась в себе. Заказав тост, я всего лишь хотел показать тебе, что на самом деле

ты вовсе не хочешь его, хоть и настаиваешь на здоровой пище. А то, что ты считаешь вредным, желаешь больше всего – где-то там, глубоко в душе.

– Да неужели...

– Конечно. Чем сильнее ты стараешься быть хорошей и правильной, тем больше в глубине души стремишься к тому, что считаешь порочным. А поэтому ты не просто попробуешь мою нездоровую жирную пищу, но еще и будешь уплетать ее с огромным количеством моего петушиного соуса, и, уверяю, тебе это понравится.

– Прости... С каким, каким соусом?

Чэнс захохотал и, склонив голову, расстегнул карман куртки. Потом со стуком плюхнул на стол маленькую красную пластиковую бутылочку. И в самом деле – на этикетке в центре красовалось изображение петуха.

– Вот, петушиный соус. Известен также под названием сирача. Это тайская разновидность соуса чили. Как попробовал его однажды, так всюду теперь таскаю с собой, обалденная вещь, ты наверняка оценишь.

Берта принесла большое овальное блюдо, на котором лежала целая гора из кусков омлета, жареного картофеля, сосисок, бекона, канадской ветчины и хэша из соленой говядины. Она поставила блюдо перед Чэнсом, а передо мной – маленькую тарелочку с тостом.

Чэнс, не долго думая, начертил на всем этом великолепии красную сеточку из соуса, а потом запустил туда вилку, едва ли не облизываясь и в то же время с хитрецей наблюдая за моей реакцией.

Одарив его презрительным взглядом, я откусила большой кусок тоста, твердо намереваясь воздержаться от пиршества. По правде говоря, я просто умираю от голода.

Упорно стараясь не смотреть на блюдо с вредной едой, я подняла глаза и уставилась на бейсболку Чэнса. Он приобрел ее в сувенирной лавочке при гостинице и надел козырьком назад. Из-под нее в беспорядке выбивались каштановые волосы, и, надо сказать, выглядел он весьма привлекательно. Сквозь окно, у которого мы сидели, струились солнечные лучи, отчего его синие глаза оттенка номер тринадцать казались еще ярче.

Черт бы его побрал!

Звук его голоса выдернул меня из мечтаний.

– Ты же действительно этого хочешь, Обри.

Что? Чэнс заметил, что я его разглядываю, или же он говорит о еде?

Он разрезал сосиску пополам, нанизал на вилку и попытался скормить мне, сверкнув зубами в соблазнительной улыбке.

– Ну, давай же! Всего один кусочек.

От сосиски исходил пикантный и безумно аппетитный запах... Не в силах противостоять соблазну, я открыла рот и позволила Чэнсу это сделать.

– М-м-м... – только и могла промычать я, медленно жуя сочную сосиску с закрытыми от удовольствия глазами, смакуя каждый кусочек. Когда я открыла глаза, то увидела, что взгляд Чэнса прикован к моим губам.

– Хочешь еще? – произнес он хрипловатым голосом.

Мой рот наполнился слюной.

– Давай.

На этот раз Чэнс взял кусочек бекона и скормил его мне рукой. Я не могла не признать, что он был прав насчет тайского соуса. Он подходил решительно ко всему.

– Еще?

Я облизала губы.

– Да.

Чэнс скормил мне еще три кусочка. Когда я застонала от удовольствия, он уронил вилку, которая со звоном упала на стол.

– Черт возьми! Еда, конечно, вкусная, но не до такой же степени!

Мой рот был набит беконом, и я с трудом произнесла:

– Что ты имеешь в виду?

– Когда тебе в последний раз было действительно хорошо?

– Что-о?

– Черт возьми, принцесса. Я имею в виду, когда ты как следует с кем-нибудь трахалась?

Я почувствовала, что краснею. Да что у него за вопросы?

– И какое отношение это имеет к завтраку?

– Такая реакция на еду может быть только при крайней степени сексуальной озабоченности. – Чэнс игриво пошевелил бровями. – Принц Гарри был явно не на высоте, не так ли?

– А вот это уже не твоё дело!

– Твоё лицо сейчас краснее соуса. – Чэнс подался ко мне и прошептал: – Обри, когда в последний раз ты испытывала оргазм во время секса?

– Какая тебе разница?

Но он продолжал допытываться ещё настойчивее:

– Нет-нет, скажи. Как давно это было?

– Ну, допустим, в колледже, – буквально выдавила я из себя.

Какого черта я с ним разоткровенничалась?

– Поверить не могу, что я это сказала.

Мне было очень неловко, и это ещё слабо сказано.

Он глубоко вздохнул.

– Не стоит смущаться. Хотя буду откровенен – я в шоке. Такая женщина, как ты, должна быть с мужчиной, который умеет доставить удовольствие.

– А тебе-то какое дело? Ты все твердишь «такая женщина, как ты», и прочее бла-бла, но что-то не похоже, чтобы ты был от меня в восторге.

Чэнс откинулся на спинку стула и некоторое время смотрел в окно, а потом снова взглянул мне в глаза.

– Ну, почему же, я в восторге... как от занозы в заднице... Понимаешь, на самом деле ты мне очень нравишься, Обри. Ты такая забавная. Нет, я, пожалуй, неточно выразился... Хотя, ну да, ха-ха – забавная. Такая вся из себя правильная. Хотя и не лишена остроумия. Быстро соображаешь. И чертовски хорошенькая, – Чэнс опустил взгляд, словно не решаясь продолжить. – Что же случилось у тебя в жизни?

– Что ты имеешь в виду?

– Почему ты пытаешься сбежать от этого типа, Гаррисона? – Я медлила с ответом, и Чэнс жестом подозвал Берту. – Можно нам ещё кофе?

Я так и не поняла, что на меня нашло. Возможно, все дело в остром соусе. Какая-то часть меня вдруг возжаждала выплеснуть все, что накопилось на душе. После того, как Берта наполнила наши кружки, я пустилась в откровения.

– Гаррисон – глава юридической фирмы в Чикаго, где я работала. В отделе патентного права и товарных знаков. Мы жили вместе чуть больше года. Сняли квартиру. А пару месяцев назад я узнала, что он изменяет мне с одной из практиканток. Поэтому я и...

– Съехала с квартиры?

– Ну да. И ушла с работы. Каждый день в течение последних нескольких недель Гаррисон пытался убедить меня, что я совершаю большую ошибку, что порчу себе карьеру, потому что он готов сделать меня партнером по бизнесу гораздо раньше, чем я бы этого достигла собственными силами. Но я бросила все и устроилась на первую попавшуюся работу в небольшой начинающей фирме в Темекуле. Признаюсь честно, мне страшно. Я никого не знаю на Западном побережье и сомневаюсь, что приняла правильное решение. Не уверена даже, что по-прежнему хочу работать юристом. Я чувствую себя полностью потерянной.

От этого признания у меня на глазах даже слезы выступили. Чэнс смотрел на меня пристально, с необычно серьезным выражением лица, которое я раньше у него не замечала.

– А что тебе на самом деле больше всего интересно?

После минуты размышлений мне на ум пришло только одно. Я нервно хихикнула.

– Ничего особенного... За исключением, пожалуй, животных. Мне нравится все, что с ними связано. Когда-то я хотела быть ветеринаром, но отец – он был адвокатом – настоял на том, чтобы я пошла по его стопам.

– Не значит ли это, что тебе приятнее иметь дело с животными, чем с людьми?

– Пожалуй. Иногда мне действительно так кажется.

Он поскреб подбородок и улыбнулся.

– Ты обязательно найдешь свой путь в жизни. Я в этом уверен. Неприятности, приключившиеся с тобой в Чикаго, еще слишком свежи в памяти, чтобы как следует все обдумать и принять правильное решение. Когда ты окажешься в Калифорнии, смена обстановки пойдет тебе на пользу. Там можно не спеша разобраться в себе и понять, что ты действительно хочешь, а потом составить план действий по достижению новой цели. Ты же хозяйка своей судьбы – правда, за исключением ближайших двадцати четырех часов. Сейчас командовать буду я. – Чэнс подмигнул мне и лукаво улыбнулся, сверкнув белоснежными зубами. – Мы с тобой в одной связке, хочешь ты этого или нет.

– Полагаю, ты прав, – улыбнулась я в ответ. Чэнс притягивал меня все больше и больше, и от этого мне становилось не по себе. Я же ничего о нем не знаю. – Ну, теперь твой черед. Кто ты на самом деле, Чэнс Найтмен? Как давно ты живешь в Соединенных Штатах?

– Ну вообще-то, я здесь родился. Но переехал в Австралию, когда мне было пять лет. Мой отец, профессиональный футболист, подписал контракт с местной командой и играл за нее, а потом перешел на тренерскую работу. Я вырос в особом мире, среди спортсменов, потрясающей австралийской природы и без особых забот о будущем.

– Звучит нереально круто.

– Так и есть... вернее, было какое-то время. А потом все изменилось. – Он сглотнул и неожиданно помрачнел.

– Что ты имеешь в виду?

– Ну, это долгая история...

Тут зазвонил мой телефон, и разговор прервался. Это, разумеется, был Гаррисон. Вот дерьмо.

Кисло улыбнувшись, я развернула телефон, чтобы показать Чэнсу имя надоедливого абонента.

Уже отработанным движением он выхватил у меня телефон.

– Привет, Гарри! – сказал он в трубку. – Ты полный придурок.

Я услышала приглушенный голос Гаррисона:

– Немедленно передай телефон Обри!

– Мы с Обри только что перемыли тебе кости. Сидим тут, завтракаем. Она взяла крошечную сосиску и говорит мне: «Видишь? Точь-в-точь такой размер, как у Гарри».

По звукам, доносившимся из телефона, было ясно, что Гарри пришел в крайнее бешенство:

– Ах ты, мерзкий ублюдок! Передай Обри, что если она свяжется с такой швалью, как ты...

Чэнс хмыкнул и нажал на сброс.

– Ну что, готова ехать?

– Это было весело. – Подняв руки, мы хлопнули друг друга по ладоням. – Да, готова.

– Пока, Берта! – Чэнс помахал официантке.

– Пока, горячий парень.

Я закатила глаза, но не смогла сдержать смех.

Он шел впереди меня, и я с удовольствием рассматривала его широкую спину. Было прекрасное, ясное утро. Я заявила Чэнсу, что на этот раз сама сяду за руль. Честно говоря, мне просто необходимо было передохнуть и отвлечься от лицемерия его ясных глаз и красивого лица. Я испытывала сильное влечение к Чэнсу, и от этого мне было не по себе. А еще, будучи водителем, я завладела возможностью контролировать радиоприемник.

– Майкл Болтон? Неужели это твой выбор, Обри? И ты думаешь, я буду сидеть спокойно, слушая эту порнуху?

– Что-о? Зануда! Да он просто прекрасен! У него такой глубокий голос.

Чэнс принялся голосить, повторяя слова песни «Когда мужчина любит женщину». Это было ужасно. Импровизированный дуэт Чэнса и Майкла все же заставил меня переключиться на другую радиостанцию.

Вскоре мы сделали остановку, чтобы заправиться. Наполнив бак, Чэнс пошел в мини-маркет, чтобы взять нам что-нибудь перекусить.

Когда он вернулся в машину с большим бумажным пакетом в руках, я посмотрела на него и застыла, пораженная до глубины души и так и не повернув ключ зажигания.

Под носом у него были явные следы порошка. Белого порошка.

Вот дерьмо! Неужели Чэнс сидит на коксе? Поверить не могу, что он ходил в уборную нюхнуть дорожку...

– Ты собираешься заводить машину или нет? – проворчал он.

Мне стало тяжело дышать, внутренне я уже приготовилась к разочарованию.

– Скажи мне правду.

– Хм. О'кей, – он растерялся. – Ты о чем?

– Ты нюхал кокс в туалете?

Его глаза потемнели.

– Обри, какого черта? – Он явно впал в ступор. – Почему ты спрашиваешь меня об этом?

– У тебя белый порошок под носом!

Чэнс закрыл глаза и разразился громким хохотом. Он ни разу так не смеялся за все время нашего путешествия. Пытался что-то сказать, но снова давился от смеха и хватался за грудь. Взглянув на себя в зеркало на солнцезащитном щитке, Чэнс смахнул порошок над губой. А потом, все еще смеясь, поднес палец к моим губам и уверенно произнес:

– На. Попробуй.

Я оттолкнула его руку.

– Ну уж нет!

– Пробуй-пробуй!

Я нерешительно слизнула порошок с его пальца. На вкус он напоминал что-то вроде виноградного «Кулэйда»³.

– Сладкий.

Чэнс открыл бумажный пакет, извлек из него конфеты «Пикси Стикс», заполненные сладким белым порошком, и швырнул их мне с усмешкой.

– Вот ваш кокаин, мадам.

Я облегченно вздохнула, но почувствовала себя при этом полной идиоткой.

– «Пикси Стикс»? Господи, неужели тебе это в самом деле нравится?

– Да я от них просто без ума.

– Ты как ребенок. Это ж сахар в чистом виде. Я их в рот не брала с самого детства.

– Мне больше нравятся с начинкой из жележных конфеток, но эти тоже ничего, – вдохновенно поведал Чэйс, ничуть не чувствуя себя смущенным. Но затем он опустил глаза. – Пове-

---

³ Порошок для приготовления фруктовых прохладительных напитков.

рять не могу, что ты вообразила, будто я нюхаю кокс. Да, я далек от совершенства, но никогда в жизни не баловался наркотой.

Было видно, что его всерьез задели мои подозрения. Я сидела пристыженная и так и не завела мотор.

– Прошу прощения за то, что сделала скоропалительные выводы. Просто... Я же тебя совсем не знаю...

– Ну что ж, пришла пора познакомиться как следует, – произнес он уже более мирным тоном.

После нескольких минут молчания я заговорила снова:

– Зачем ты едешь в Калифорнию?

– Вообще-то, я там живу.

Я знала, что хотела спросить на самом деле, вот только никак не могла понять, почему это так важно для меня. Сердце мое отчаянно колотилось.

– А с кем ты разговаривал утром?

Казалось, мой вопрос озадачил Чэнса.

– Что?

– Из своей комнаты я случайно услышала разговор. Ты кому-то рассказывал про свои планы на день. Солгал, заявив, что ты сейчас в Лос-Анджелесе.

Он ответил не сразу.

– Все очень сложно, Обри, – тихо произнес он и замолчал, отвернувшись к окну. Казалось, он полностью погрузился в свои мысли.

– Какой содержательный разговор. Я довольна, что задала этот вопрос, – с горечью произнесла я и, нажав на газ, двинулась в сторону шоссе.

Мы долго ехали в полном молчании. Чэнс выглядел напряженным и сидел, поедая одну конфету за другой. Примерно через полчаса я все же решила разрядить атмосферу.

– Как тебе удастся сохранять такую прекрасную форму при таком неправильном питании?

– Таким образом ты даешь понять, что находишь мое тело привлекательным? Признайся, тебе нравится то, что ты видишь перед собой?

– Я вовсе не это имела в виду...

– Конечно, нет, но намек я понял.

– Козел.

– Много-много секса, Обри. Вот как мне это удастся.

– Неужели?

– Шучу, конечно. Мне просто страшно захотелось увидеть, как твое личико от смущения покрывается очаровательным розовым румянцем. – Он гнусно ухмыльнулся. – Что касается ответа на твой вопрос, могу сказать, что я просто много занимаюсь физическими упражнениями, да и лопаю не так уж часто. Но во время путешествий все правила здорового питания можно послать куда подальше. Надо есть то, что хочется, чтобы сохранить душевное равновесие.

– Ну, судя по тому, что я вижу, ты полный псих, так что это твое правило не срабатывает.

Он одарил меня озорной улыбкой, и я улыбнулась в ответ. Неприятный осадок от нашего недавнего разговора полностью улетучился.

– Подай мне, пожалуйста, пакетик с солеными крендельками.

Он вытащил крендельки из бумажного пакета и протянул мне, а затем бросил взгляд на заднее сиденье, заваленное коробками.

– Кстати, интересно, что там у тебя в этих коробках?

– Руки прочь от моего добра!

– Я думаю, среди этого барахла найдется немало сокровищ, которые расскажут мне о твоей жизни.

Он принялся наугад вытаскивать вещи из моих сумок.

– О, надо же, какая любопытная книга. «Счастливая стерва: откровенное пособие для женщин, которые хотят оставить все беды в прошлом, жить в свое удовольствие и чувствовать себя королевой».

Я поперхнулась воздухом. Он то и дело заставлял меня чувствовать себя идиоткой.

– Немедленно положи книгу назад и не прикасайся больше к моей сумке!

– Хорошо. Интересно, что ты все-таки там прячешь?

Вот черт. Чэнс продолжал копаться в сумке.

– А это что такое?

О, нет, только не это!

Он извлек на свет вибратор телесного цвета, очень реалистичный.

– Принцесса... Что я вижу? Силиконовый член в коробочке со стразами? Не удивительно, что тебя не сильно беспокоило, что Гарри не справляется со своими обязанностями. Взяла дело в свои руки?

– А ну отдай!

Чэнс меня, конечно, не послушал. Он вытащил вибратор из коробочки.

– Боже, как ненадежно он выглядит. Мы могли бы найти лучшую замену этому прибору.

– Чэнс... Ну, серьезно. Я не шучу. Немедленно отдай мне гребаный вибратор!

– Обри, тебе нечего стыдиться, – заявил он. – Мы все хотим получать удовольствие.

Все произошло мгновенно. Чэнс продолжал дурашливо размахивать вибратором, а я пыталась выхватить его из чужих рук. Машина виляла из стороны в сторону. Водитель грузовика заметил нашу возню и принялся гудеть. А потом я заметила ЭТО. Животное застыло в свете фар посреди дороги, уставившись на нас полными ужаса глазами. Я изо всех сил рванула руль вправо и врезалась в ограждение, так и не поняв, сбита я бедняжку или нет.

Глава 4

– Он дышит?

От волнения говоря шепотом, я заглянула через плечо Чэнса и увидела, как вздрагивает животик нашей жертвы. Это был совсем маленький козленок, с лохматой, пестрой, как у коровы, шкуркой и выпученными, словно у лягушки, глазами. И этого несчастного малыша я едва не переехала, устроив дурацкую свару в машине из-за чертовой сексуальной игрушки.

Вначале мне показалось, что козленок не пострадал. Но потом он вдруг упал на спину. Его ноги взмыли вверх, как у окоченевшего трупа в дурном фильме ужасов. Мы в растерянности замерли над ним, ожидая, что будет дальше, и совершенно не представляя, что следует предпринять.

Внезапно, козлик дернулся, и не успели мы оглянуться, как он уже снова стоял на всех четырех ножках. От неожиданности мы отпрянули назад. Чэнс загородил меня, широко разведя руки, словно пытаясь защитить от ужасного чудовища.

Малыш сделал несколько неуверенных шагов, а затем пошел прямо на мой «БМВ», словно не замечая двухтонную стальную махину.

– Боже, наверное, я повредила ему голову. Смотри, бедняга полностью дезориентирован. – Я протянула было руку, чтобы потрогать бедное животное, но Чэнс перехватил ее, останавливая мой порыв.

– Что ты делаешь?

– Я просто хотела взять его на руки. Только посмотри на бедняжку. Он ранен. – Я обошла вокруг Чэнса, опустила на одно колено и осторожно прикоснулась к козленку. – Это ты во всем виноват.

– Почему это?

– Конечно, виноват. Если бы ты меня не отвлекал, я бы больше внимания уделяла дороге и несчастья бы не произошло. – Козленок потыкался носом в мою руку. – Боже мой! До чего же он хорошенький. – Я погладила малыша по головке, и он еще теснее прижался мордочкой к моей руке.

– Я тут ни при чем. Если бы ты не была тайно помешана на сексе, то не взбесилась бы так, когда я нашел твою волшебную палочку.

Я перестала гладить козленка и выпрямилась.

– И вовсе я не помешана на сексе.

Чэнс скрестил руки на груди.

– Признайся, что ты любишь доставлять себе удовольствие таким образом. Ну же, я хочу услышать, как ты это производишь.

– И не подумаю.

– Сексуально озабоченная.

– Извращенец.

– Извращенец – это тот, чье сексуальное поведение неестественно или неприемлемо. Вот в этом и состоит твоя проблема. Ты считаешь, что подобное развлечение – это запретное удовольствие. А я считаю, что это совершенно нормально. На самом деле мне даже нравится представлять тебя забавляющейся с этой волшебной палочкой.

Кажется, при этих словах мои глаза вылезли из орбит, как у бедного козлика. В тот же момент мимо нас на дикой скорости промчался грузовик. Это была одна из этих громадных машин с двойным прицепом, к которым я всегда боялась приближаться на дороге. Он пронесся с таким свистом, что мы сразу вспомнили, что стоим совсем рядом с шоссе.

– Поехали отсюда. Здесь может быть опасно, – сказал Чэнс.

– А что будем делать с Эсмеральдой⁴?

– С кем?

– С козленком. – Я поскребла ногтями за ухом животного, и козлик тихонько проблеял, как будто произнес: «мма-мма».

– Отпусти его. – Чэнс махнул рукой на заросший деревьями участок за спиной. – Путь идет туда, откуда пришел. С ним все в порядке.

– Нет, не в порядке.

– А на мой взгляд, он совершенно здоров.

– А я думаю, у него травма головы.

Чэнс тряхнул волосами.

– С ним все в порядке. Вот, смотри. – Он хлопнул в ладоши и принялся причмокивать, как будто подзывал собаку. – Ну, малыш. Иди сюда.

Так называемая Эсмеральда даже не пошевелинулась, продолжая прижиматься головкой к моей груди. Тельце козлика оказалось между моими ногами, и всем видом он показывал, что ему и так хорошо.

– Тебе придется его отпустить.

– А я его и не держу.

– Я имею в виду не в физическом смысле. У него голова упирается тебе в декольте, а туловище зажато между ногами. Какой мужик добровольно захочет уйти?

– Все ясно. Именно это я и говорю – ты полный извращенец.

По дороге промчался еще один грузовик. На этот раз он резко прогудел, проносясь мимо нас, и я, по-прежнему сидевшая на корточках, от испуга шлепнулась на задницу. Что касается козлика... он сделал шаг и повалился на землю – одеревеневшие ножки малыша снова взметнулись в воздух. Я была в отчаянии от того, что покалечила такое очаровательное существо.

– Вот видишь – он ранен. Мы не можем оставить его здесь.

– А что нам с ним прикажешь делать? Привязать ремнями безопасности на заднем сиденье и тащить к ветеринару для полного обследования?

* * *

Два часа спустя мы съезжали с шоссе в Стерлинге в штате Колорадо, чтобы отвезти нашего маленького пассажира в ветеринарную лечебницу. Чэнсу пришлось потратить почти полчаса, чтобы выгрузить и переложить мой багаж на заднем сиденье, освобождая место для пострадавшего. Надо сказать, Чэнсу это очень не нравилось.

– Ну что, назовем его Снежинкой?

– Вот уж нет.

– Так звали козочку в детской книжке...

– Точно. Про Хайди. Я в курсе.

– Неужели?

– Что? Ты считаешь меня недостаточно образованным только потому, что я не выпендриваюсь, как этот твой гребаный Гаррисон?

– Я вовсе не это имела в виду.

– Да неужели? В таком случае почему ты решила, что я не знаком с классическим литературным произведением⁵?

– Даже не знаю. Просто ты не производишь такого впечатления.

---

⁴ Эсмеральда – героиня романа Виктора Гюго «Собор Парижской Богоматери», у которой была козочка. Кстати, козочку звали Джали.

⁵ Речь идет о книге «Хайди, или Волшебная долина» авторства Йоханны Спири.

– В таком случае стоит отказаться от привычки судить о людях по внешности. Далеко не все вписываются в узенькие рамки твоего восприятия.

На некоторое время в машине воцарилось молчание, только женский голос в моем GPS периодически давал указания, в каком направлении нам ехать.

– Каракуль.

– Что, прости?

– Предлагаю имя для козлика.

– Только не каракуль! Звучит по-садистски.

В течение последнего часа мы только и делали, что спорили насчет имени для нашего маленького пассажира. Мне нравились имена из греческой мифологии или классической литературы, в то время как Чэнс все пытался перечислять названия блюд, которые можно было бы приготовить из несчастного малыша.

Мы, наконец, подъехали к ветеринарной лечебнице и заняли свободное место на парковке прямо рядом со входом. Я заставила Чэнса нести козленка на руках, хотя пройти надо было всего три метра. С малышом Эсмеральдой на руках Чэнс выглядел таким... неотразимым.

Я что, действительно выжила из ума? Ведь я и в самом деле подумала, что он кажется еще сексапильнее, неся на руках козла.

Когда мы вошли внутрь, оказалось, что безумие распространяется не только на меня, но и на женщин в регистратуре. Когда Чэнс нес пострадавшего к регистрационной стойке, они просто пожирали глазами его мускулистые руки. Да, это было... зрелище. Пока Чэнс не открыл рот.

– Моя подруга сбила на своем «БМВ» этого козленка, когда пыталась схватиться за вибратор. – Чэнс ухмыльнулся и подмигнул сотруднице ветклиники. Та отчаянно покраснела, а мне захотелось дать ему кулаком в нос.

– Я хочу, чтобы его обследовали. Не знаю, пострадал он или нет, но он кажется таким... дезориентированным.

Чэнс ухмыльнулся и тихо пробормотал:

– И не он один.

Через пятнадцать минут мы наконец-то попали на прием к доктору. Он невозмутимо осмотрел козлика, как будто ему каждый день приходилось иметь дело с такими пациентами. Одной рукой прижимая бедное животное к столу, другой сначала пощупал животик, потом проверил глаза и потряс за ножки. Мне показалось, что доктор весьма добросовестно подошел к делу.

– Кажется, с ним все нормально. У него обычная врожденная дистрофическая миотония, возможно, какое-то время он страдал от недостатка витамина В₁. Но эти симптомы никак не могут быть следствием травмы, нанесенной столкновением с автомобилем. На самом деле я не вижу никаких признаков того, что этот малыш был сбит машиной. Возможно, он просто упал в обморок.

– Козел? Упал в обморок? Вы серьезно?

Доктор добродушно усмехнулся.

– Существует такое явление, как козлиный обморок. Это следствие генетического нарушения. Кстати, весьма распространено в здешних краях. Некоторые фермеры даже устраивают целые шоу. Козлы при испуге действительно падают в обморок. Все мышцы у них коченеют, и они опрокидываются на спину. Приступ длится около десяти секунд. При этом они не испытывают боли, но, надо сказать, это довольно необычное зрелище, когда сталкиваешься с этим первый раз.

– Но... он еще и дезориентирован. Когда он поднялся на ноги, то пошел прямо на мою машину. И все время натывается на что-нибудь...

– Наверное, это потому, что он слепой.

– Слепой?

– Полагаю, все из-за того же недостатка витамина В₁. К сожалению, эта проблема сейчас становится весьма серьезной. Неправильное кормление, слишком много злаков и недостаток клетчатки. Фермеры от жадности стараются побыстрее откормить животных. Одним из побочных явлений при этом является слепота.

– Нет уж, давайте внесем ясность в этот вопрос, – скептически произнес Чэнс. – Значит, мы козла не сбивали, но при этом он падает в обморок от испуга, и к тому же он слепой.

– Совершенно верно.

Чэнс громко, безудержно расхохотался. Второй раз за день я видела, как он хохочет. Его грудь содрогалась, а глубокий грудной смех эхом отдавался в комнате. Это было так заразительно, что я не удержалась и тоже принялась истерически хохотать. Мы смеялись от души, так, что слезы покатались из глаз.

– Ну и что нам прикажете с ним делать? – спросил Чэнс, обращаясь к доктору и все еще продолжая посмеиваться.

– Полагаю, все, что вам будет угодно.

– И куда нам его везти?

– Везти?

– Ну да. Есть ли здесь поблизости какой-нибудь приют для животных, куда можно было бы его поместить?

– Для козлов? Не слышал о таком. Хотя здесь в округе полно фермеров. Может, уговорите одного из них принять бедняжку в свое стадо.

– Это те самые фермеры, которые в погоне за скорой наживой стараются раскормить животных, и бедняжки от этого слепнут?

– Ну, здесь есть хорошие фермеры и плохие фермеры. Впрочем, как и везде.

– А как отличить одних от других?

– Никак. Боюсь, это неразрешимая задача.

* * *

Мы провели в дороге уже почти десять часов. Чэнс вел машину, а новообретенный пассажир спал на заднем сиденье и мирно похрапывал. Вот уж не знала, что козлы храпят во сне.

– Скоро надо сделать остановку. Нам придется потратить время, чтобы найти гостиницу, которая принимает постояльцев с животными.

Брови Чэнса поползли вверх.

– Что? С животными? Ты хочешь сказать, что в этой дыре можно найти гостиницы, которые принимают козлов?

– А что, у нас есть выбор?

– Он будет ночевать в машине, Обри.

– Только через мой труп. – Я сложила руки на груди. – Он не может оставаться ночью запертым в машине.

– Почему бы и нет?

– Потому что... – Я была зла, как черт, из-за того, что он собирался оставить слепого малыша в машине. – Что, если он испугается?

– Тогда он упадет в обморок, – усмехнулся Чэнс.

– Это вовсе не смешно.

– Конечно, не смешно. Послушай, Обри. Выше нос. Между прочим, мы угодили в эту ситуацию прежде всего из-за твоих комплексов.

Не знаю, почему это произошло, но с языка, помимо моей воли, сорвалось признание:

– Да, я иногда удовлетворяю себя. Ну и что тут такого? Доволен, что это услышал?

Чэнс ухмыльнулся.

– Признаюсь, да. – Он пожал плечами. – Я и сам этим иногда балуюсь. В следующий раз, когда буду мастурбировать, наверняка вспомню про тебя.

Не может быть, чтобы он сейчас сказал это!

Я была в ужасе. Но, надо признаться, меня это возбудило. Я открыла было рот, чтобы сказать какую-нибудь гадость... потом закрыла... и снова открыла.

Чэнс мельком взглянул на меня.

– Вот видишь, крошка Обри. Что и требовалось доказать. Ты только что представляла меня, занимающегося этим грязным делом, прямо перед твоим хорошеньким носиком.

– Неправда.

– Ты меня не обманешь.

– Нет, нет и нет.

Увы, он прав, так оно и было.

Как ни странно, но Чэнс не стал продолжать этот разговор. Он съехал с дороги на большую парковку рядом с супермаркетом, напоминающим улучшенную копию «Уолмарта»⁶. Это был громадный оптовый магазин, напоминающий деревянный склад, – только фасад был у него каменным. На нем красовалась гигантская надпись: «Cabela's – лучший в мире магазин товаров для охоты, рыбалки и путешествий».

– Для чего мы здесь остановились?

– Надо пополнить запасы. – Чэнс припарковал машину. – Я вернусь через десять минут. А ты сторожи Малыша Билли⁷, чтобы его, не дай Бог, не украли.

Я стояла у машины, потягиваясь, когда Чэнс вернулся с большими пакетами в руках. Я делала наклоны вбок, заканчивая комплекс для растяжки, и изогнулась вправо, приветствуя Чэнса.

– Что это такое?

Он ответил не сразу. Я попрыгала на месте, снова сделала несколько наклонов и посмотрела ему в лицо, чтобы понять, почему это он так подозрительно притих. Оказывается, он глазел в вырез моей рубашки. Это была не его вина. Я сама выставила свои прелести напоказ. Рубашка расстегнулась, выставляя на обозрение все, что, по идее, должно быть скрыто. Я перестала прыгать. В конце концов Чэнс поднял взгляд и увидел, что я наблюдаю за ним. Мы стояли, глядя друг другу в глаза. Я узнала это выражение, я уже видела его раньше. В зеркале, после того, как любовалась его сексапильной задницей.

Чэнс тряхнул головой и несколько раз моргнул.

– Вот. Купил снаряжение.

– Что еще за снаряжение?

– Палатку, фонарь, дрова для растопки, спальные мешки. – Он пожал плечами. – Основное снаряжение для кемпинга.

– Для чего?

– Для кемпинга! Для отдыха на лоне природы.

– Ты собираешься отдыхать на лоне природы?

Он тряхнул волосами и сунул пакеты туда, где нашел свободное место. Когда я начинала это путешествие, багажник и заднее сиденье были заполнены до предела. А теперь у меня в машине, вдобавок ко всему, был пассажир, козел... да еще и туристическое снаряжение.

– Мы собираемся.

– М-м-м... Я не хожу в туристические походы.

---

⁶ Walmart – сеть универсальных магазинов, торгующих широким ассортиментом товаров по ценам ниже средних.

⁷ Персонаж британского комедийного фильма ужасов «Мечь Малыша Билли» о козленке, который возвращается с того света, чтобы расправиться с убившим его человеком.

– Ну, тогда Карри, – он указал на заднее сиденье, – будет спать в машине. – Чэнс закрыл багажник и подбоченился с вызывающим видом. – Что выбираешь, Обри? Ночи на природе, или пусть козлик спит в машине один?

Разумеется, я выбрала ночи на природе. В конце концов, все в жизни бывает в первый раз.

Глава 5

– Смею предположить, что тебе приходилось заниматься этим прежде. – Мы прибыли на место для кемпинга только полчаса назад, а Чэнс уже развел костер и заканчивал устанавливать первую палатку.

– Каждое лето с семьей. Отец ежегодно брал нас с сестрой в путешествие по бушу, и мы жили в палатках где-нибудь в дикой местности. Это лучшие воспоминания моей жизни. Разумеется, мы останавливались не в таком бутафорском лагере, как здесь.

– Бутафорском?

– Никаких пронумерованных площадок, туалетов, душевых кабинок и охраны. Мы разбивали настоящий лагерь посреди дикой природы. А как насчет тебя? Ты что-то имеешь против кемпингов?

– Ничего. Я просто никогда не жила в них.

Чэнс закончил устанавливать первую палатку и отступил на несколько шагов, чтобы полюбоваться результатом.

– Очень вместительная палатка.

– Слышал это не однажды, – усмехнулся он.

Я с сомнением покачала головой.

– А зачем тебе такие большие палатки?

– Вот, дьявол! – вскрикнул Чэнс, прихлопнув на лице москита. Внезапный вопль испугал бедного Эсмеральду-Снежинку, он застыл на месте, повалился на землю и потерял сознание. Мы просто не смогли удержаться от хохота.

Чэнс подбросил дров в костер и сел.

– А как быть со второй палаткой? – спросила я, разглядывая Чэнса через пламя костра. Я очень надеялась, что Нахал не ожидает, что я установлю ее сама.

– Какой второй палаткой? – с невинным видом спросил он.

– Ты что, купил только одну?

Чэнс вынул упаковку «Пикси» из бокового кармана и запрокинул голову, чтобы ссыпать сладкий порошок из пакетика прямо в рот.

– В палатке два отделения, разделенные перегородкой. Ты со своим подопечным будешь спать с одной стороны, а я – с другой.

Что ж, я не имела права жаловаться, ведь он выполнил всю работу и за все заплатил. Поэтому на этот раз я прикусила язык – так, для разнообразия.

Мы уничтожили запас еды, который означал для меня месячную норму углеводов, и уселись возле костра. Чэнс карманным ножом выстрогал палочку и нанизал на ее конец зефир, потом протянул мне. Здорово же все это у него получалось!

– Итак, сегодня ночью я делю с тобой одну палатку, мы завели домашнее животное, а я при всем при этом даже не знаю, чем ты зарабатываешь на жизнь?

– Можешь считать, что я на пенсии.

– На пенсии? В каком возрасте? Двадцать шесть, двадцать семь?

– Двадцать восемь, – уточнил Чэнс.

– Вот как? Это, конечно, многое объясняет. – Было очень темно, особенно за пределами круга, освещенного пламенем костра. Я подняла поджаренный зефир, чтобы проверить его готовность. Он хорошо подрумянился с одной стороны, а с другой остался белым. – А чем ты занимался до пенсии?

– Футболом.

– Ты играл в профессиональной команде?

– Да, какое-то время. В Австралии.

- И что случилось потом?
- Порвал связку.
- Это неизлечимо?
- Меня оперировали несколько раз, но она снова порвалась.
- Извини. А как долго ты играл, прежде чем это случилось?
- Один матч.
- Один матч? Ты порвал связку в первой же профессиональной игре?
- Да. Моя первая и последняя профессиональная игра. И все в один день.
- Сколько времени прошло с тех пор?
- По контракту я оставался в реестре еще три года. Прошел через несколько операций... но так и не смог вернуться к прежней форме. Ушел в двадцать четыре.
- Черт, это ужасно. Полный отстой.
- Чэнс только улыбнулся.
- И чем ты теперь занимаешься?
- Я до сих пор получаю лицензионные выплаты, так что мне нет необходимости просиживать на работе с девяти до пяти. К тому же я увлекся созданием произведений искусства из отходов.
- Из отходов?
- Некоторые называют это скульптурами из вторичного сырья.
- Я ходила на такую выставку в музее Гуггенхайма. Мне понравилось. Хотелось бы когда-нибудь увидеть твои работы.
- Чэнс кивнул, но ничего не сказал.
- Могу я полюбопытствовать?
- Имеется в виду – еще больше полюбопытствовать?
- Ты сам сказал, что я должна получше познакомиться с тобой. Это было как раз перед тем, как я налетела на бедную Эсмеральду-Снежинку.
- Ты даже не коснулась бедолаги. И его зовут не Эсмеральда-Снежинка.
- Мой зефир загорелся. Я дунула на него, затем сняла с палочки и откусила. Он был почти жидким и очень горячим. М-м-м.
- Я заметила, что Чэнс внимательно наблюдал за мной.
- Хочешь попробовать?
- Он лениво покачал головой.
- Почему нет? Ты же сластена.
- Для меня большее удовольствие – наблюдать за тем, как ешь ты, чем есть самому. – При этих словах он сглотнул, а меня бросило в жар, к которому костер не имел никакого отношения.
- И все-таки. Как ты можешь жить на выплаты, если контракт был только на три года?
- Чэнс отвел взгляд в сторону.
- Ну, знаешь, постеры и все такое...
- Постеры с твоим портретом?
- Не слишком ли много мы говорим обо мне? Что-то Гарри сегодня никак не проявлялся, ты заметила?
- Не получится, даже не надейся. Один раз ты меня уже продинамил, и я позволила тебе соскочить с крючка, но только не сейчас.
- Как выяснилось из его рассказа, не я одна находила Чэнса Найтмана до обалдения горячим парнем. Даже годы спустя после того, как он покинул профессиональный спорт, легионы женщин в Австралии все еще активно покупали постеры и майки с его изображением, что приносило кое-какой доход, на который он и жил.
- Просидев еще несколько часов у костра, мы решили, что пора поспать. Чэнс разложил мой спальный мешок и застегнул молнию на перегородке нашей двуспальной палатки.

Моя одежда пропахла дымом, поэтому я скинула ее. Было что-то возбуждающее в том, что я стояла в чем мать родила, и между нами был только легкий кусок нейлоновой ткани. Постояв так с минуту, я натянула чистое белье и забралась в спальник. Когда приготовления ко сну были закончены, я немного отстегнула молнию снизу и протянула Чэнсу фонарь.

Он лукаво улыбнулся и снова застегнул перегородку. Моя сторона палатки погрузилась во тьму. Но когда я залезла в спальник, то обнаружила, что мне видно все, что происходит на освещенной половине Чэнса. Это была только тень, но с очень пикантными деталями.

Он стоял лицом ко мне, совершенно неподвижно. Я не была уверена, но казалось, что он смотрит прямо на меня. На самом деле видеть меня через виниловую перегородку он не мог, и все-таки я ощущала на себе его взгляд. Чэнс взялся за края рубашки и медленно стащил ее через голову. Тень его была широка в плечах и сужалась к талии. Я не различала деталей, но живо могла представить то, что видела однажды. Эффектные мускулы живота, спускающиеся вниз в форме буквы V. У меня внезапно перехватило дыхание и пересохло во рту.

Постояв еще некоторое время неподвижно, Чэнс стал очень медленно снимать джинсы. От звука расстегивающейся молнии волосы у меня на затылке встали дыбом. Его бедра были выразительно мускулисты, и боксерские трусы обтягивали их как вторая кожа. Я затаила дыхание, когда он потянулся к поясу и стал неторопливо стягивать трусы, словно счищал кожуру с апельсина. Чэнс наклонился, чтобы снять их, и затем снова выпрямился.

Мама дорогая, храни меня от всех чертовых нахалов на свете! Вот это я понимаю – мужское достоинство! Что и говорить, природа одарила его щедро. Я шумно всхлипнула, поняла, что он может услышать, и зажала рот ладонью. Так и пролежала с зажатым ртом, опасаясь не сдержать стоны, пока он полностью не переоделся.

Забравшись в спальник, Чэнс повернулся на бок, лицом ко мне. Интересно, смотрел ли он при этом на меня. Затем он выключил свет.

– Доброй ночи, Обри.

О-ОБРИ-И

Возможно, мне только почудилось, но в его хрипловатом глухом голосе прозвучало то же желание, которое терзало и меня.

– Доброй ночи, Чэнс.

Я глубоко вздохнула и закрыла глаза, пытаясь прийти в себя. И тут меня осенило... – ведь он наблюдал за мной точно так же, как и я за ним... и я устроила ему показательные выступления со стриптизом. Уж не вернул ли он мне должок в качестве ответной любезности?

* * *

Где я? Это была первая мысль, посетившая меня при пробуждении. Через несколько секунд память ко мне вернулась. Солнечные лучи робко пронизывали ткань палатки. Я похлопала рукой по краю спальника, пока не почувствовала под ладонью голую землю, и тут меня словно молнией поразило.

Где козленок?

Я, как ошпаренная, выскочила из спального мешка.

– Чэнс!

– Хм-м, – сонно пробормотал он из-за перегородки.

– Козленок! Его нет. – Меня охватила паника. – Пропал!

Я, не долго думая, рванула молнию.

– Успокойся. Он здесь, со мной.

– Бе-е-е. – Козленок подал голос, словно хотел подтвердить, что я зря паниковала. Я с облегчением прижала руку к груди, чувствуя, как сердце, которое только что бешено колотилось, постепенно успокаивается.

– Слава Богу!

Чэнс сел и провел рукой по спутанным волосам. Сонно моргая, он взглянул на меня и замер, словно оцепенев.

– Боже правый. Ты что, хочешь доконать меня?

Я опустила взгляд и прикрыла грудь руками. Я в такой панике выскочила из спальника, что не успела подумать о том, что спала только в лифчике и трусиках.

– Черт. Прости. Я так испугалась! Мне просто не пришло в голову что-нибудь накинуть на себя.

Отчаянно смутившись, я перебралась на свою половину и спросила из-за перегородки, одновременно натягивая одежду:

– Как получилось, что он оказался с тобой?

– Ты мгновенно вырубилась. Он начал метаться, пытался прорваться на мою половину. Шельмец не успокоился, пока я не пустил его к себе. Продрых у меня под боком всю ночь. В жизни не приходилось спать с такой вонючей тварью.

Я не сдержалась и прыснула от смеха.

– Тебе смешно, юмористка?

– На самом деле да.

Полностью одевшись, я снова расстегнула молнию перегородки. Чэнс стоял передо мной полуобнаженный, одетый только в облегающие боксерские трусы. Он сердито глянул на меня из-под спутанных волос.

– Нарушение личного пространства? Что, если бы я вот так ввалился к тебе несколько секунд назад?

Вздохмаченный после сна, с сердитым взглядом – он никогда еще не выглядел столь сексуально. Мои глаза бесстыдно скользили по его торсу, все ниже к полоске волос, выбивающейся из-под трусов, и остановились на... свидетельстве его сильнейшего возбуждения.

Господи, понятно, отчего у него вдруг проснулась скромность.

Несколько раз кашлянув, чтобы прочистить горло, я промямлила:

– Ты... ты...

– Что, возбужден?

– Да.

– Это называется «утренний стояк», – буркнул он. – Я не несу ответственность за то, каким просыпаюсь... особенно в таких условиях.

– То есть, когда ты проснулся рядом с козлом? Это тебя так завело? – Я рассмеялась.

– Я имел в виду твой недавний импровизированный стриптиз. И теперь ты снова ворвалась сюда, даже не дав мне времени успокоиться.

– Ну, извини.

Чэнс натянул штаны и снова посмотрел на меня. Его взгляд прожег меня насквозь. Сейчас красавчик показался мне еще сексуальнее, поскольку джинсы не скрывали его возбуждения. И хотя мне было немного не по себе от того, что я поставила его в неловкую ситуацию, мысль о том, что именно я вызвала его желание, была приятна. Сказать по правде, моя способность контролировать свое влечение к нему очень быстро таяла. С каждой секундой мышцы в промежности сводило все сильнее только от одного его красноречивого взгляда. Иногда я все же была благодарна судьбе за то, что родилась женщиной – по крайней мере, мне проще скрывать вожделение. Да, испытание не для слабонервных. Надо было срочно разрядить обстановку.

Еще раз откашлявшись, я спросила:

– Ну, так какие у нас планы на сегодня?

Он натянул рубашку.

– Нужно поесть.

– Так мы идем завтракать? – Идиотский вопрос!

– Естественно, завтракать. Не обедать же.

Ой...

– Да, конечно, – сказала я, запинаясь на каждом слове. – Позавтракать не мешает. Я проголодалась. А ты?

– Голоден как волк. – Судя по его взгляду, думал он вовсе не о еде.

Что ж, я тоже чертовски голодна.

– Ну, тогда порядок, – брякнула я и отползла на свою половину, чтобы немного остыть.

У нас ушло около часа на то, чтобы разобрать палатку и упаковать все в машину. Мы решили остановиться и позавтракать на скорую руку в забегаловке, которая как раз находилась перед выездом на автомагистраль. Чэнс зашел внутрь, чтобы заказать буррито и кофе, а я, воспользовавшись случаем, достала телефон и набрала в «Гугле»: *Чэнс Найтмен, Австралия*.

Ага, вот и он. Выскочила длинная вереница фоток. Среди них была одна, на которой Чэнс был изображен вполоборота, без рубашки, вернее, вообще без одежды, только белая футболка была наброшена вокруг шеи. И при этом виднелась самая соблазнительная верхняя часть его аппетитных ягодиц. На фото он демонстрировал свою фирменную сексуальную ухмылку, от которой я буквально заерзала на месте. *Та самая нахальная ухмылочка*. Провалиться мне на месте, если он не был потрясающе хорош собой. Эта картинка попадалась особенно часто. Именно она продавалась в виде постера почти за двадцать долларов, плюс перевозка и доставка. Была даже фотка с какой-то девицей, стоящей у постера и как бы пытающейся укусить изображение за задницу. Я подозревала, что вполне могли быть и другие извращения, например, желающие для прикола прилепить Чэнсу хвост.

Зная, что он может в любую минуту вернуться, я пробегала старые статьи и сообщения на форумах так быстро, что у меня заболели глаза. Было очевидно, что Чэнс прославился в роли травмированного дебютанта и красавца, а не за что-либо еще. Я невольно почувствовала гордость за то, как он сумел повернуть эту неудачу себе на пользу. Прокручивая изображения, я наткнулась на фото, где он позировал на разных мероприятиях в компании какой-то привлекательной модели с копной светлых волос. Пайпер Рэмси. Внезапная волна – да нет, не волна – целый ураганный шквал ревности ударил мне прямо поддых.

Стук в окно заставил меня вздрогнуть. Я отбросила телефон, и он отлетел на водительское сиденье. Ну, ладно, сойдет. Пусть думает, что я просто кинула его туда.

– Опusti окно, я подам тебе кофе, – услышала я сквозь стекло голос Чэнса. Я взяла свой стаканчик, а Чэнс обошел машину и сел на водительское сиденье. – Что ты там рассматривала?

– М-м-м. Да ничего такого. Я просто...

Черт! Кажется, я влипла.

Чэнс взял телефон и, не оставив мне ни единого шанса на объяснения, прокрутил большим пальцем все фото. Затем он швырнул трубку на переднюю панель.

– Что ж, теперь ты видела все, не так ли?

– Да... и это... очень забавно.

Он сердито хмыкнул.

– Забавно?

– Да!

– Объясни-ка мне, Обри, что забавного в том, что вкалываешь всю жизнь ради одного-единственного момента, а потом видишь, как с первой же попытки все усилия превращаются в пепел? Что забавного в том, чтобы приобрести известность благодаря провалу, а не успеху? А знаешь ли ты, что действительно приятное было в нашем с тобой путешествии до этого момента? Ты не смотрела на меня как на того самого парня, которого знает каждая собака. Или думает, что знает. Теперь и ты так думаешь.

Вот черт. Я действительно расстроила его.

– Прости! Мне очень жаль, но я вообще об этом не думала.

– О чем же ты тогда думала?

– Я думала, как замечательно, что ты смог так достойно держаться перед лицом невзгод и до сих пор продолжаешь делать себе имя благодаря своей внешности. Я думала о том, какой ты потрясающий, если тебя это действительно интересует.

Чэнс тяжело вздохнул и тихо сказал:

– Давай просто поедем.

Я чувствовала себя ужасно из-за того, что обидела и расстроила его. Несмотря на общедоступность Интернета, мне казалось, что я вторглась в его частную жизнь. Больше всего я переживала, что причинила Чэнсу боль, и эта боль отзывалась в моем сердце, хотела я признавать это или нет. А еще я понимала, что запала на него, и это меня пугало.

Неловкое молчание повисло в воздухе, и так продолжалось около часа. Чэнс убирал руки с руля только для того, чтобы покормить Эсмеральду-Снежинку темно-коричневой котлеткой из гамбургера, смоченной в «петушином» соусе. Даже козленку пришлось по душе этот соус.

В конце концов Чэнс нарушил молчание первым.

– Извини, что наехал на тебя.

– Все нормально. Мне правда очень жаль, что я так расстроила тебя.

– Возможно, на твоём месте я поступил бы так же. Просто... все это дерьмо в Интернете... полная ерунда. Так ты никогда не узнаешь, каков я на самом деле. Если тебя что-то интересует, просто спроси меня. Люди, которые размещают весь этот фотохлам, совершенно меня не знают.

– Мне кажется, что я знаю тебя настоящего.

– Возможно, ты действительно знаешь обо мне больше, чем многие другие. Я был самым собой с самого первого момента нашего знакомства. Даже если я веду себя мерзко, мне все равно очень комфортно рядом с тобой, а для меня это редкость.

И снова меня пронзило то самое, знакомое уже чувство.

– Я чувствую рядом с тобой то же самое и не понимаю почему. Просто я, действительно, рада, что наши пути пересеклись.

Он постучал пальцем по голове кивающей фигурки, прилепленной возле лобового стекла.

– Только представь... если бы ты никогда не взяла в руки мистера Обаму, кто знает, где бы мы оба были в данный момент? – Он указал на заднее сиденье. – А где бы сейчас был этот бедолага?

– Вероятно, валялся бы в обмороке на краю дороги.

Чэнс оглянулся на козленка.

– А вместо этого он уничтожает наши припасы и спит с нами в палатке. И я тут ни при чем. Это все твоя заслуга. – Чэнс искоса бросил на меня недвусмысленный взгляд и положил руку на мое колено, заставив вздрогнуть от пронзившего меня желания. – Знаешь, ты просто прелесть. У тебя доброе сердце. Этот придурок Гаррисон еще пожалеет когда-нибудь.

Когда он убрал руку, мне захотелось только одного – чтобы он сделал это снова. От его слов по спине побежали мурашки. Непередаваемое, неожиданное чувство ошеломило меня. Я не знала, как реагировать, поэтому включила радио. Группа «Бич Бойз» исполняла песню «Прекрасные вибрации».

– Послушай-ка! Они поют о тебе и твоей волшебной палочке, Принцесса.

Я прыснула, прикрыв рот рукой, и мы оба расхохотались. Наконец-то мы окончательно преодолели возникшее между нами напряжение, и на душе стало легче.

Несколько часов спустя после того, как мы отъехали от придорожного кафе, где останавливались на обед, Чэнс спросил:

– Ты спешишь попасть в Темекулу к определенному времени?

- Вообще-то я начну работать на новом месте не раньше следующей недели, а дом, который я сняла, уже полностью обставлен, так что мне нет особой нужды спешить. А что?
- Не возражаешь, если мы немного изменим маршрут и заедем до темноты в одно место?
- Конечно. Я полностью за. А что ты задумал? Куда мы едем?
- Туда, где есть отвесные скалы и глубокие пропасти. – Он подмигнул мне.
Ну что ж, ему удалось возбудить мое любопытство.

Глава 6

Мы припарковали машину в чудесном месте с видом на крутые скалистые склоны Большого каньона. Потрясающая красота этого чуда природы поражала воображение.

– Боже, Чэнс! Поверить не могу, почему мне самой не пришло в голову остановиться здесь. Ведь мне так всегда хотелось собственными глазами увидеть Большой каньон, но почему-то не дошло, что он расположен прямо на нашем пути. От этой красоты просто дух захватывает.

Я взглянула на Чэнса и увидела, что он смотрит на меня, а не на величественные скалы.

– Да. Действительно очень красивое зрелище, – тихо произнес он.

– Давай сделаем несколько фотографий.

Чэнс сделал селфи нашей парочки на фоне Большого каньона, а потом послал фото мне. Снимок получился великолепным. Солнечный свет делал синие глаза Чэнса еще ярче, и мы оба выглядели вполне счастливыми и умиротворенными. Я невольно пожелала, чтобы это мгновение длилось вечно и чтобы нам не надо было скоро отсюда уезжать.

Мы сидели, любуясь всполохами разнообразных оттенков красного, которыми заходящее солнце расцветивало величественный пейзаж.

Чэнс внезапно произнес:

– Расскажи мне о своей семье.

– Моя мать живет в Чикаго. Она вовсе не приветствовала мою идею перебраться в Калифорнию, ведь я ее единственный ребенок. Правда, с тех пор как она снова вышла замуж, мне казалось, что она не так уж нуждается во мне. Отец умер через год после того, как я закончила юридический факультет, поэтому он, по крайней мере, видел, что я осуществила его мечту – стала юристом, как и он сам.

– Значит, это была его мечта, а вовсе не твоя, – с явным сочувствием заметил Чэнс.

– Ты угадал. Это не то, что я бы хотела сама.

– А о чем мечтаешь ты?

– Хочу быть счастливым и успешным человеком, но понятия не имею, что для меня на самом деле важно или как это осуществить. Я сейчас в подвешенном состоянии – такое ощущение, что я стою на распутье в преддверии каких-то больших перемен в жизни.

– Это не самое плохое состояние, поверь. Самое время обрести себя, особенно, если ничто тебя не связывает.

– Да, полагаю, ты прав.

– Кстати, похоже, что мы отпугнули этого козла Гарри навсегда.

Нашему громкому хохоту ответило звонкое эхо.

Я вытянула руки вверх, глядя в синее, бескрайнее небо.

– А знаешь что? Я сейчас абсолютно счастлива. Все, что сейчас происходит – это наше маленькое приключение, – радуется мою душу.

Чэнс искренне улыбнулся.

– У тебя добрая душа. Я это могу сказать абсолютно точно, несмотря на то, что ты пытаешься казаться стервозной сукой. А знаешь, почему ты счастлива?

– Почему?

– Потому что ты, наконец, освобождаешься от всего, что тебя сковывало.

– Хочешь сказать, что это именно ты выдернул палку из моей задницы, когда прошлой ночью я спала в палатке?

– Точно. И сжег ее на костре. – Он похлопал меня по плечу.

Я улыбнулась и постаралась перевести разговор с моей персоны на его проблемы.

– А как насчет твоей семьи? Где они живут?

Чэнс сразу помрачнел, поскреб подбородок.

– Как и ты, я потерял отца, – сказал он после некоторого молчания. – Он умер от рака поджелудочной железы через несколько лет после моей травмы.

– Мне очень жаль, – выдавила я из себя, жалея уже, что подняла эту тему.

– У меня есть сестра, Адель, – продолжал он. – Она на два года младше меня. После смерти отца они с матерью решили переехать обратно в Штаты, а я остался в Мельбурне. Я никогда не планировал возвращаться и съезжаться с ними, но Адель угодила в пренеприятнейшую историю. Она нуждалась во мне. У меня просто не осталось выбора. Пришлось все бросить и приехать сюда решать ее проблемы.

– А что случилось?

– Это долгая история, но если вкратце, она связалась с наркодилером и сама начала принимать наркотики. Это был сущий кошмар.

– Боже, это и правда ужасно.

– Я испытываю чувство вины, ведь после смерти отца это я должен был стать главой семьи и присматривать за сестрой. А я спрятал голову в песок, как страус, остался в Мельбурне и понятия не имел, какие ужасные вещи творятся с Адель.

– А где она сейчас?

– Живет в Хермоса-Бич, неподалеку от меня.

– С ней сейчас все нормально?

– Она немного оправилась, хотя процесс реабилитации еще не закончен. Но главное, она рассталась с этим ублюдком.

– А как твоя мама?

– На самом деле я как раз возвращался от матери – ненадолго ездил навестить ее, – когда встретился с тобой. Она временно перебралась в Айову, чтобы быть поближе к бабушке, своей матери. Дело в том, что бабушка умирает. А так мама тоже живет в Калифорнии, рядом с нами. Вернее, жила, пока бабушка не заболела.

– Соболезную по поводу твоей бабушки.

– Спасибо.

– Думаю, это благородно с твоей стороны – бросить все, чтобы прийти на помощь сестре.

– Понимаешь, до того момента вся моя жизнь подчинялась исключительно моим собственным эгоистическим интересам. А потом я понял, что на этом свете нет ничего важнее семьи. Адель и мама – это самое главное, что у меня есть.

– Им повезло, что у них есть ты. Как бы мне хотелось иметь большую семью.

– Когда-нибудь у тебя будет своя большая семья.

– Мне бы этого очень хотелось, но не уверена, что у меня на роду так написано. Как правило, мне не везет с мужчинами.

– Вот только не говори, что тебе в жизни попадались еще большие уроды, чем Гаррисон. Я усмехнулась.

– Все они были примерно в том же духе.

– Дай-ка я угадаю. После того, как ты их бросала, они начинали за тобой бегать. Я прав?

После минутного молчания я произнесла:

– Теперь, когда я вспоминаю об этом... наверное, ты прав. У меня было всего несколько серьезных романов, но все эти парни в какой-то момент действительно возвращались, прося дать им второй шанс. Что ты на это скажешь?

– Есть у меня смутные догадки.

– Не понимаю, что ты имеешь в виду...

– Такие девушки, как ты, на дороге не валяются.

– Такие девушки, как я? Поясни, пожалуйста.

– Ну, хорошо. Несложно найти красивую девушку, верно? Можно найти даже умную. И иногда попадаются девушки с добрыми сердцами. Но, судя по моему собственному опыту, безумно трудно найти все три качества в одном флаконе.

– Вот только не надо говорить, что у тебя трудности с выбором женщин, Чэнс Найтмен. Ты можешь заполнить любую, какую только захочешь.

Он сощурил глаза и лукаво посмотрел на меня.

– Правда? Ты действительно так считаешь?

– А разве я не права? Ты, наверное, притягиваешь девиц как магнит.

– Думаю, я магнит для сумасшедших психопатов со стержневым характером.

– Неужели тебе действительно никогда не встречались девушки с набором качеств, которые тебе нравятся?

– Однажды мне показалось, что я нашел идеал, но потом выяснилось, что я глубоко заблуждался. Думал, что это любовь, а оказалось – лишь увлечение.

– Ты имеешь в виду Пайпер?

Он внезапно помрачнел и опустил глаза.

– Да.

– А что случилось?

– Пайпер была моей невестой.

– Вау! Ты собирался жениться на ней?

– Да. Сделал ей предложение после трех месяцев совместной жизни. Глупо с моей стороны.

– Но она великолепна!

– Ты гораздо красивее, – быстро произнес он.

– А ты – наглый лжец!

– У меня нет причин врать тебе. Я видел ее без макияжа. И тебя тоже видел. Вот потому и говорю, что ты красивее.

Судя по фотографии, которую я видела, Пайпер была художавой блондинкой, по всем меркам – необыкновенно красивой. Как могла сравниться с ней я со своими округлыми формами и вечно спутанными каштановыми кудряшками с рыжеватым оттенком?

– Как ты можешь такое говорить? Она же супермодель, от которой все тащатся.

– Твоя красота более естественна. Тебе даже не требуется макияж. Волосы вечно в таком живописном беспорядке. Очень сексуально выглядит. Веснушки, покрывающие твой носик, придают лицу оригинальность. Так и хочется поиграть в «Соедини точки». Когда ты двигаешься, твоя грудь подрагивает, потому что она настоящая. И вот только не надо заставлять меня описывать твою попку, а то я сейчас как разойдусь... Мне продолжать?

Я отчаянно смутилась и, отведя взгляд, спросила с нервным смешком:

– А что с Пайпер случилось потом?

– Ну, как тебе, наверное, стало известно из собранных разведанных, Пайпер сама по себе знаменитость. Я встретился с ней в ночном клубе как раз в то время, когда только был зачислен в команду. После травмы она еще некоторое время пробыла со мной. Ей нравится быть в центре внимания, и шумиха, поднятая по поводу моего неожиданного несчастья, была ей по душе. Но по прошествии нескольких месяцев ажиотаж вокруг меня понемногу утих. Я перестал соответствовать ее запросам. Пережив легкую депрессию, я не хотел больше выходить в свет. Она же продолжала вести бурную жизнь и, в конце концов, за моей спиной завела роман с одним из моих товарищей по команде. Сейчас она за ним замужем, и у них двое детей.

– Вот же п...!

Чэнс от души расхохотался, запрокинув голову.

– Принцесса, ты только что использовала неприличное слово на букву «п».

– Да, первый раз в жизни, но по-другому ее не назовешь.

– Вот уж не подозревал, что ты способна так грязно ругаться.

– Я сама не подозревала, но мне стало гораздо легче.

– Мне нравится, что ты это сказала. Думаю, тебе надо прокричать это снова, чтобы скалы каньона услышали тебя.

– Думаешь?

– Конечно. Ну, сделай это снова! Крикни во весь голос!

– П...!

– Снова.

– П...! – заорала я изо всех сил.

Мы услышали стук из-за стекла моей машины, припаркованной неподалеку. Чэнс вскочил, чтобы проверить, что случилось.

– Вот черт! Твои вопли до усрачки напугали Каракуля, и он снова грохнулся в обморок.

– О нет, только не это.

– Но это еще не все.

– Что еще? – Я вскочила на ноги и понеслась к нему.

– Когда я говорю «до усрачки», я именно это и имею в виду. Это засранец обделал все твое заднее сиденье.

– Что?!

Чэнс старательно вычистил все это безобразие с помощью влажных салфеток, но все возмущенное настроение, навеянное красотами Большого каньона, оказалось безнадежно испорчено. К тому же опускались сумерки, не позволяющие дальше наслаждаться пейзажем.

– Ты не возражаешь, если сегодня мы не будем ночевать в палатке? – спросила я. – Мне так хочется принять душ и выспаться в нормальной постели.

– Как скажешь. Мы найдем какую-нибудь гостиницу неподалеку, съедим вкусный ужин, примем горячий душ и пойдем баиньки. Я тоже хочу спать в твоей постели.

– Что ты сказал?

– Я сказал, что тоже хочу спать в постели.

– А-а... А если мы не найдем гостиницу, где нам разрешат взять козленка с собой?

– А мы и не найдем. Поэтому нам придется пронести его тайком.

По пути в отель Чэнс попросил остановиться у аптеки, а я ждала его в машине. Когда он вернулся, то вручил мне пластиковый пакет с бутылочками воды, какой-то едой, клейкой лентой и... памперсами.

– Зачем ты купил памперсы?

– Как зачем? Надо каким-то образом надеть их на козла, особенно если он страдает поносом, а после этого мы спокойно пронесем его в отель.

– Просто поверить не могу, что я оказалась такой дурой и даже и не подумала об этой проблеме. Он же не какал все это время!

Чэнс указал на заднее сиденье.

– Ты же видела, какую кучу он только что наложил. Просто у него несколько дней был запор!

Мы оба разразились истерическим хохотом, так, что даже пришлось утирать слезы с лица. Когда мы, наконец, успокоились, Чэнс завел машину и направился в сторону трассы.

Где-то в центре Аризоны Чэнс въехал на парковку довольно симпатичной элитной гостиницы, расположенной в десяти минутах езды от федеральной трассы. После того, как я получила ключи от номера, мы приступили к осуществлению заранее разработанного плана – пока я заговаривала зубы сотруднику отеля, дежурящему у стойки регистрации, Чэнс должен был незаметно пронести козлика, завернутого в мой шерстяной шарф, напрямик в лифт.

Я поднялась в номер и увидела, что Чэнс уже открыл дверь, разделяющую наши комнаты, успел натянуть на Эсмеральду-Снежинку два памперса и сверху замотал скотчем, чтобы они лучше держались. Чэнс не заметил, как я вошла и теперь стояла, наблюдая, как козленок прыгает к нему на колени и принимается вылизывать лицо.

– Все хорошо, приятель. Успокойся. Ты же хороший мальчик, правда? Я же говорю – хороший...

– Как мило ты с ним общаешься...

Чэнс быстро обернулся, явно удивленный моим неожиданным появлением.

– Этот засранец нравится мне все больше и больше.

– Мне знакомо это чувство.

«Потому что чувствую, как все больше привязываюсь к тебе».

– Я вот что думаю. Выйду-ка я, пожалуй, и принесу что-нибудь вкусное на ужин. Хочешь немного вина?

– Не откажусь. Признаюсь, просто мечтаю выпить бокальчик.

– Какое ты любишь?

– Любое белое.

– А я предпочитаю красное. Принесу, пожалуй, оба.

– Вот и прекрасно, – улыбнулась я. – А ты знаешь, где купить вино?

– Судя по карте, здесь целая улица ресторанов и винный магазин в двух милях от дороги.

– Хорошо. Думаю, я приму душ, пока ты едешь.

– Отлично. Какие пожелания насчет ужина?

– Удиви меня.

Он ушел, а я удалилась в роскошную ванную комнату. Стоя под струями горячей воды, я чувствовала, как вырываются наружу все эмоции, которые я старательно подавляла последние дни. До меня вдруг дошло, что мы находимся на конечном этапе нашего путешествия. Я терялась в догадках, не представляя, разойдутся ли наши с Чэнсом пути после того, как он достигнет места назначения, или ему все же захочется продолжить наше общение. Судя по случайно подслушанному телефонному звонку, было ясно, что он от меня что-то скрывает. Я так и не спросила его, когда он признался, что находится в «затруднительной ситуации», есть ли кто-то в его жизни сейчас. Даже допуская, что это может быть так, я не могла подавить растущее влечение к нему. Чэнс – это было единственное правильное начало в моей нынешней жизни – с ним я ощущала себя в своей стихии, чего со мной уже довольно давно не случалось.

В ожидании Чэнса я надела майку и хлопковые шорты и сидела, пытаюсь смотреть какой-то фильм по каналу НВО. Эсмеральда-Снежинка скакал рядом со мной на кровати. Прошел уже час, а Чэнса все не было. С каждой минутой я чувствовала, как в глубине сердца растет беспокойство.

А если он вообще не вернется?

Это была глупая мысль. Он не дал мне никаких поводов так думать. И все же меня внезапно охватила паника. Может, я просто слишком устала от поездки и предаюсь бредовым фантазиям? Прошло еще полчаса, и я набрала его номер. Он не ответил.

С каждой минутой отчаяние росло, и глаза начали наливаться слезами. Я ничего не могла поделать. Я знала, что реагирую, наверное, слишком бурно, но потеряла контроль над собой еще в ванной, а странное отсутствие Чэнса лишь добавило масла в огонь.

Внезапно дверь распахнулась, и я вскочила, утирая слезы.

– Черт побери эти гребаные пробки, – проворчал Чэнс.

Он держал в руках два пакета с едой, которые бросил на стол в моей комнате. Тут Чэнс заметил мое зареванное лицо.

– Обри, ты плачешь? Что-нибудь случилось?

– Нет-нет. Со мной все в порядке. Ничего страшного.

Он подошел ко мне.

– Я бы так не сказал. Что, твою мать, здесь происходит?

– Тебя так долго не было... Я набрала твой номер, а ты не ответил. Вот я и подумала, что вдруг...

Вот дерьмо.

Он часто заморгал.

– Ты подумала, что я не вернусь?

– Всего на какой-то момент, да... В глубине души я знала, что это нелепо, но не могла справиться с собой. Мы так долго уже едем вместе, и я... наверное, я просто устала.

Большим пальцем Чэнс нежно смахнул слезы с моих глаз.

– Извини, что напугал тебя. – Он взял меня за подбородок и повернул мое лицо так, чтобы посмотреть в глаза. – Я бы никогда не мог поступить так с тобой.

Мое сердце бешено заколотилось, и он прижал меня к себе. Казалось, я таю и растворяюсь в тепле его крепкого тела. Его сердце билось в унисон с моим, и он сжал меня еще сильнее. Только не отпускай меня! Пожалуйста!

Когда он разжал руки, я вдруг почувствовала, что мне холодно.

– Мы можем забыть об этом? – робко попросила я. – Это был всего лишь приступ безумия. – Я вытерла остатки слез и хлюпнула носом. – А почему ты ездил так долго?

Чэнс не отвечал. Просто стоял и с самым серьезным видом всматривался в мое лицо. Казалось, его гложет какая-то мысль. Никогда раньше он не смотрел на меня с таким выражением. Наконец он произнес:

– Мне пришлось объехать два ресторана. В первом мне заявили, что придется подождать часок, во втором дела обстояли не лучше. – Он вытащил телефон из кармана и подсоединил его к зарядному устройству. – К тому же, телефон разрядился. Вот почему ты не могла дозвониться.

Я покачала головой, бормоча извинения и чувствуя себя полной дурой из-за своей нелепой истерики.

Чэнс протянул мне стаканчик с вином.

– Давай и правда забудем об этом и просто с удовольствием поужинаем.

Изо всех сил стараясь улыбаться как можно искреннее, я произнесла:

– Звучит заманчиво.

Мы сидели друг напротив друга за маленьким столом в моей комнате и в полном молчании поглощали пищу. Чэнс заказал три основных блюда в итальянском ресторане: лазанью с баклажанами, цыпленка с пармезаном и пасту с овощным соусом. Вино мы пили из бумажных стаканчиков.

– Я знаю, что жратвы у нас просто завалились, но просто подумал, что этот парень тоже захочет поесть, – сказал он, ставя на пол тарелку с едой для Эсмеральды-Снежинки.

Тем не менее напряжение, повисшее в воздухе, так и не прошло во время ужина. Я, не переставая, подливала в свой стакан «шардонне», чтобы унять чувство вины.

После того, как мы убрали со стола, Чэнс сразу же удалился в свою комнату. На душе меня было пусто и скверно. Может быть, я напугала его своими слезами? Я лежала на постели, тупо уставившись в потолок, который медленно кружился перед моими глазами. Опынение придало мне излишнюю смелость, я встала и открыла дверь, соединяющую наши два номера.

Из ванной доносился шум воды, а козленок преданно ждал хозяина у закрытой двери. Я завалилась на кровать Чэнса и свернулась калачиком, уткнувшись в мягкую пуховую подушку. Чэнс, наконец, вышел из ванной и остолбенел, остановившись рядом с кроватью. На нем не было ничего, кроме белого полотенца вокруг бедер. Мокрые густые волосы были зачесаны

назад. Капельки воды медленно катились по груди. Внезапно охваченная желанием, я облизала губы. Сердце просто рвалось из груди.

– Что это ты тут делаешь, Обри?

Я резко села на кровати.

– Ты не хочешь, чтобы я тут была?

Он на секунду закрыл глаза, а затем произнес:

– Обри, уже слишком поздно. Думаю, будет лучше, если ты пойдешь в свою комнату.

Что-то не похоже на него.

Сердце у меня упало. Крайняя степень унижения – и это еще мягко сказано – вот что я почувствовала в тот момент, когда произнесла, стараясь казаться равнодушной:

– Ой, хорошо. Ты прав, я просто не поняла, что уже так поздно.

Он стоял посреди комнаты, придерживая большими руками полотенце, такой высокий и мощный, что я почувствовала себя маленькой и ничтожной, проходя мимо него к двери.

Я вернулась в свою комнату, несчастная и одинокая, и всю ночь металась в постели, ворочаясь с боку на бок и размышляя, почему вдруг Чэнс так внезапно охладил ко мне. Он же сегодня неоднократно давал мне понять, что испытывает влечение. Мы, наконец, стали доверять друг другу. Мы так весело смеялись. Он даже сказал мне, что я красивая. Может быть, я все неправильно поняла? Может, он говорил все это лишь из вежливости? Вполне возможно, что он находил меня привлекательной, но на самом деле не хотел никаких прочных отношений. А может, его просто напугали мои слезы? Я просто отказывалась что-либо понимать. Одно было ясно – в конце нашего путешествия меня ждут лишь разочарование и боль разлуки.

Глава 7

На следующее утро, завтракая в кафе, мы оба чувствовали себя неловко, но не так, как предыдущей ночью в палатке, когда к смущению примешивалось приятное волнение. Я всю ночь терзалась болезненными фантазиями, и отчаяние из-за того, что он вчера фактически отверг меня, переросло в раздражение.

– Все в порядке, принцесса?

– Все просто замечательно. – Я старалась не смотреть ему в глаза, уставившись в окно и глотая кофе. Он был горьким... Впрочем, как и мое настроение.

Чэнс откинулся на спинку диванчика, положив на нее руки.

– Возможно, я не специалист по части женской психологии, но я достаточно много знаю о женщинах, чтобы понять, что «все просто замечательно» означает «все просто дерьмово».

– Ну, значит, ты плохо меня знаешь. Когда я говорю «замечательно», это и значит «замечательно».

Чэнс проигнорировал мои слова и продолжал сеанс психоанализа:

– И скорость, с которой произносится слово «замечательно», прямо пропорциональна степени недовольства жизнью. – Чэнс сделал глоток кофе и подал кофейник мне. – А ты произнесла «замечательно» очень быстро.

Тут к нашему столу подошла официантка, и нам пришлось замолчать. Мы сидели, пристально глядя друг на друга.

– У вас все в порядке?

– Просто замечательно, – быстро ответила я. Это прозвучало так резко, что официантка отпрянула.

– Извините. У нее месячные, а она в это время всегда такая раздражительная. – Чэнс пожал плечами, и официантка посмотрела на него понимающе. Думаю, она действительно прониклась к нему сочувствием.

Я подождала, пока она уйдет.

– Может, хватит?

– Ты о чем?

– Может, хватит сочинять обо мне всякие небылицы?

– Подозреваю, что это вовсе не небылицы. Ты ведешь себя сегодня как сущая стерва. Может, по этой самой причине? У тебя случайно не месячные, Обри? Может, в этом проблема?

– Я вовсе не веду себя как стерва. И проблема вовсе не в этом.

– Значит, ты признаешь, что проблема существует?

– Это что, допрос? Ты вообразил себя следователем? А я-то думала, что ты фотомодель, продающая свою задницу.

Чэнс бросил на меня недобрый взгляд, я ответила ему тем же. По крайней мере, я достаточно его разозлила, чтобы он заткнулся до конца завтрака. Настроение было окончательно испорчено, и мы дожевали нашу еду в полном молчании. Потом Чэнс сводил козлика на прогулку, и мы снова пустились в путь.

Чэнс вызвался вести машину первым. Через пять минут после того, как мы отъехали от отеля, зазвонил мой телефон. На экране высветилось имя «Гаррисон».

– Разве ты не хочешь поговорить со своим красавцем? – шутовским тоном спросил Чэнс, но я ответила с полной искренностью:

– Нет. Я взяла за принцип не наступать дважды на одни и те же грабли. Своими выходами он показал свое истинное лицо. И не имеет значения, какие слова он будет произносить сейчас.

Его глаза странно сверкнули, и он вновь уставился на дорогу. Мы около часа ехали в полном молчании.

– Как ты относишься к тому, чтобы еще раз отклониться от маршрута? Например, провести пару ночей в Городе грехов?⁸

Мне было грустно отказываться, но идея провести с ним еще две ночи вовсе не казалась разумной. Я уже испытывала к нему чувства, которые он не разделял, поэтому надо соблюдать дистанцию.

– Я, пожалуй, поехала бы сразу в Калифорнию.

Было заметно, что мой ответ расстроил Чэнса, и это внесло в мою душу еще большее смятение.

– Хорошо. Если ты этого действительно хочешь...

Несколько часов спустя, когда пришло осознание, что это наш последний полноценный день вместе, меня охватило уныние. Мы остановились, чтобы заправиться. Чэнс, как всегда, жевал палочки «Пикси», когда вернулся к машине.

– Хочешь пососать? – Он вытащил целую горсть длинных ярко-красных конфет из заднего кармана.

– Нет, благодарю.

– Ты уверена? Похоже, пососать тебе не помешало бы. – Он подмигнул мне.

– Зачем ты это делаешь?

– Что именно? Ем конфеты?

Мы снова сели в машину. За рулем был Чэнс.

– Нет. Все время отпускаешь в мой адрес двусмысленные замечания с сексуальным подтекстом.

– Наверное, потому, что в твоём присутствии меня одолевают грешные мысли. – Он отъехал от бензоколонки и выехал с парковки.

– Ну да, за исключение прошлой ночи, – пробормотала я себе под нос, видимо, громче, чем намеревалась.

– Что ты имеешь в виду?

– Как хотелось бы, чтобы вчерашней ночи не было. Я чувствовала себя полной идиоткой. Тебе не следует притворяться, что ты находишь меня привлекательной, лишь для того, чтобы поднять мне сегодня настроение. Я уже взрослая девочка для таких вещей.

– Что? – Его брови сошлись на переносице. – Ты правда так думаешь? Я имею в виду, что ты мне не нравишься?

Я пожала плечами и закатила глаза.

Чэнс пробормотал ругательства и съехал на обочину. Мы еще и мили не проехали после заправочной станции. С такой скоростью я никогда с ним не расстанусь. Он остановил машину на парковке и вышел, хлопнув дверью. Казалось, машина содрогнулась от его гнева. Я наблюдала из окна, как Чэнс ходит взад-вперед. Он подергивал себя за волосы, ворча что-то под нос. Я не могла разобрать, что он произносит, но не приходилось сомневаться, что там присутствует полный набор непечатных слов.

Из-за чего это Чэнс вдруг так разъярился? Из-за того, что я поймала его на том, что он пудрит мне мозги? Потому что ему самому неловко, что он меня отшил? Я была даже рада, что он разозлился, потому что и сама была в таком состоянии. Спустя несколько минут я тоже вылезла из машины.

– Знаешь что? Успокойся, наконец. Тебя всего лишь поймали на нечестной игре. Между прочим, когда тебя вот так отшивают, это действительно полный отстой, – продолжала издеваться я. – Хотя я уверена, что ты это никогда не испытывал на своей шкуре.

---

⁸ Лос-Анджелесе.

Чэнс перестал ходить взад-вперед и уставился на меня. Мускулы на его подбородке подрагивали, и складывалось такое впечатление, что он вот-вот меня ударит. По правде говоря, мне этого даже хотелось. По крайней мере, тогда все встало бы на свои места.

– И знаешь еще что? Множество мужчин находят меня привлекательной. И мне пофиг, что ты так не считаешь. На самом деле, ты ничуть не лучше Гаррисона. Говоришь одно, а делаешь другое.

И это произошло. Он, наконец, взорвался. Хотя вовсе не так, как я ожидала. Чэнс пошел ко мне. Он был явно вне себя от ярости. Я отступала, пока не уперлась в машину, лишившись свободы маневра. Чэнс приблизился вплотную, как говорится, нарушая мое личное пространство. Он положил обе руки на капот, поймав меня в ловушку между машиной и своим горячим телом, а потом приблизил лицо так, что наши носы почти соприкоснулись.

Я отчаянно боролась с собой, чтобы не доставить Чэнсу удовольствие увидеть мои слезы, несмотря на то, что сердце мое просто разрывалось на куски. Между тем Чэнс продолжал:

– Я испытал к тебе влечение, когда увидел в первый раз в том магазинчике. Когда ты развлекалась с этой глупой статуэткой. Подумал: какая красавица. Просто роскошная женщина. Но теперь ты меня не привлекаешь. Теперь, когда я узнал тебя лучше, это не просто влечение.

Мне так хотелось послать его в пешее эротическое путешествие. Но даже сейчас, когда он говорил мне все эти чудовищные вещи, я была словно под воздействием его гипнотических чар. Глаза его, обычно синие с сероватым оттенком, стали почти серыми от злости. Его грудь тяжело вздымалась, а исходивший от него запах дурманил меня. Я стояла, не шелохнувшись, слушая гневную тираду. Потому что, по правде говоря, была буквально парализована.

– А теперь за внешней оболочкой сущей стервы я вижу твою истинную сущность – женщину, которая много страдала, но все еще хочет выбраться из этого дерьма, потому что в глубине души она полна нежности и романтизма. Так что влечение – неподходящее слово для того, чтобы описать, что я чувствую, когда смотрю на тебя. Ты действительно хочешь знать, что я чувствую по отношению к тебе?

Каким-то непостижимым образом я умудрилась кивнуть.

– Слово «влечение» не передает тех бурных чувств, которые я испытываю, когда смотрю на тебя. Я хочу завоевать тебя. Хочу вглядываться в твое прекрасное лицо, когда буду погружаться в тебя так глубоко, чтобы это было на грани физической боли. Я хочу потерять себя в тебе, овладеть тобой так, чтобы ты не смогла ходить несколько дней. И единственное, что может быть прекраснее твоего лица, когда ты улыбаешься мне, – это лишь твое лицо, когда я полностью погружусь в тебя.

Чэнс глубоко вздохнул, закрыл глаза и прикоснулся своим лбом к моему.

– Так что считай, что ты права, Принцесса. Я не испытываю к тебе влечения. Я полностью покорен тобой.

Я была уверена, что Чэнс должен слышать неистовый стук моего сердца в груди, несмотря на то, что наши тела не соприкасались.

– Тогда я ничего не понимаю.

Чэнс поднял руку к моему лицу и прикоснулся к щеке. Он нежно ласкал мое лицо, потом его рука скользнула вниз, к шее. Медленное-медленное движение. Теперь он точно мог слышать биение моего сердца. И тут он с непонятной мне горечью произнес:

– Как бы мне хотелось, чтобы все было иначе.

Следующие несколько часов, пока мы молча ехали дальше, во мне кипела буря эмоций. Мы не произнесли ни слова, хотя прежнее напряжение уже не висело в воздухе. Мягко выражаясь, я находилась в полном смятении. Когда показались указатели на Лас-Вегас, единственное, что я могла осознать в путанице своих мыслей, это то, что я не желаю, чтобы это путешествие когда-нибудь кончилось.

– Если предложение еще в силе, я не против сделать небольшой крюк, – очень тихо и нерешительно произнесла я, нарушив многочасовое молчание.

Чэнс взглянул на меня, сначала с серьезным выражением на лице, а потом его губы медленно расплылись в широкой улыбке.

– Хочешь предаться со мной греху, Принцесса?

Хочу больше всего на свете.

Как ни трудно было в это поверить, но нам удалось найти гостиницу для животных, где согласились принять нашего козлика. Женщина у стойки регистрации и глазом не моргнула, когда мы спросили, можно ли приютить нашего питомца на пару ночей. Что-то мне подсказывало, что в Вегасе они видели и гораздо более экзотических постояльцев.

Мы припарковались в конце Лас-Вегас-стрит и решили прогуляться по бульвару, пока не набрели на гостиницу. Солнце жарило нещадно, когда мы шли из одного конца скандально известной улицы в другой. Я стянула белую майку и осталась в очень тесном, телесного цвета топе на узких бретельках. Я обычно не хожу по улице в столь вызывающем виде, но было так невыносимо жарко, что по спине струился пот. Я со смехом набросила майку на плечи и пошла впереди Чэнса, поглядывая на него через плечо.

– Ничего не напоминает? – поддразнивала его я, принимая точно такую позу, в которой он был изображен на том самом постере, который я обнаружила в Интернете.

– Очень мило. – Чэнс покачал головой и усмехнулся.

Настроение мое улучшалось в процессе прогулки. Уличный циркач, исполняющий пантомиму, внезапно схватил меня за руку. Он вытащил из рукава цветок, вручил его мне и поднес мою руку к губам, чтобы поцеловать. Чэнс схватил меня за другую руку и оттащил в сторону раньше, чем тот успел прикоснуться к моей коже.

– Эй, зачем ты это сделал? – возмутилась я.

– Мы же в Вегасе, а не в Канзасе. Здесь не следует позволять чужим парням целовать твою руку.

Моей первой реакцией было раздражение. Но потом я осознала, что Чэнс так и не выпустил мою руку после этого маленького инцидента. Мы шли рука в руке, и я решила не спорить, раз конечный результат меня вполне устроил.

В казино «Мираж» мы любовались белыми тиграми, в «Белладжио» посмотрели водное шоу с поющими фонтанами. Казалось, мы прошли бессчетное число миль под палящим солнцем, когда наткнулись на «Монте-Карло». На одной из его сторон красовалась огромная вывеска с надписью «Паб», а под ней название пива – «Высокомерный ублюдок».

Надо сказать, нам было очень жарко и страшно хотелось пить. Какой еще знак был нам нужен, чтобы понять: тут мы и должны остановиться.

Войдя в паб, я почувствовала холодный воздух кондиционера на влажной коже, отчего пошел озноб, и я даже слегка задрожала. Руки и ноги покрылись мурашками, и мне не надо было даже опускать глаза, чтобы понять, что соски мои торчат и видны сквозь тонкую ткань.

Взгляд Чэнса на несколько секунд задержался на моих затвердевших сосках, а потом он взглянул мне в глаза. Я подняла бровь, но ничего не сказала.

– Не могла бы ты их спрятать? – Он тряхнул головой и с видимым усилием заставил себя перевести взгляд на меню.

– Ничего не могу поделать. Они живут своей жизнью. Появляются, когда им заблагорассудится.

– Как это знакомо, – проворчал Чэнс, ерзая на диванчике.

– Что желаете? – спросила официантка в минималистическом наряде.

– Два «Высокомерных ублюдка», пожалуйста, – ответил Чэнс, не поднимая взгляда.

Мне понравилось, что он не обратил на официантку ни малейшего внимания.

– Итак, чем займемся сегодня вечером?

– Как обычно. Блэк-джек, сиськи и бухло.

– Прости, что?

– Когда попадаешь в Вегас, ты приобщаешься к трем вещам: игра в карты, полуобнаженные женщины и безумные попойки в стиле рок-звезд.

Молоденький официант принес нам приборы и улыбнулся мне. Это не ускользнуло от внимания Чэнса.

– Ну, один пункт мы уже выполнили – с полуобнаженными женщинами у нас все в порядке.

– Ну, так давай проясним. Тебе нравятся все полуобнаженные женщины, кроме меня?

Официантка принесла нам пиво, и Чэнс выпил половину кружки одним большим глотком. Боже, что со мной происходит при виде этой прекрасной шеи? Наблюдая, как движется кадык, я почувствовала напряжение внизу живота.

– Мне нравишься ты в полуобнаженном виде. В машине, например, или в палатке... Но только не тогда, когда ты разгуливаешь так по городу и все на тебя пялятся.

– Ты уже встречался с Пайпер, когда выпустили тот знаменитый постер?

Он сощурился.

– Ну, это совсем другое дело.

– Неужели? Чем же?

– Мой обнаженный торс не оказывает на противоположный пол такого же эффекта, как ты в этом маленьком топе телесного цвета, с большими сиськами, которые так вызывающе подпрыгивают вниз-вверх.

Я, как ни в чем не бывало, продолжала потягивать пиво.

– Хочешь пари?

Брови Чэнса взметнулись вверх.

– Принцесса, ты ведешь себя разнузданно.

– А тебе нравятся разнузданные женщины? – спросила я со зловещей улыбкой.

Он усмехнулся и покачал головой.

– Ты хочешь меня добить, я знаю.

Мы оба съели смешные огромные гамбургеры и запили их еще большим количеством пива. Пожалуй, после этого путешествия мне понадобится чистка организма в течение месяца.

– Итак, что ты хочешь делать вечером? – снова спросил Чэнс, когда мы направлялись в холл, чтобы снять номера.

– Все, что ты захочешь.

Чэнс остолбенел.

– Это опасное предложение, Принцесса. Может, передумаешь, пока я не поймал тебя на слове?

После его утреннего признания и под влиянием алкогольных паров я чувствовала себя весьма раскованно. Я подошла вплотную к Чэнсу и улыбнулась.

– Все, что захочешь. Я вся к твоим услугам.

Он застонал, и я сделала вид, что не замечаю, как он несколько раз поправил шорты, когда мы регистрировались в отеле.

Я потратила меньше времени на то, чтобы собраться на выпускной бал, чем на подготовку к выходу в свет этим вечером. Обычно я стараюсь тщательно уложить свои непослушные волосы, но на сей раз я оставила их в живописном беспорядке. Глаза, словно окутанные дымкой благодаря растушеванной подводке и теням, и покрытые блеском губы прекрасно сочетались с сексуальными босоножками на шпильках, а простое черное платье демонстрировало все

достоинства моей фигуры. Я впервые не пожалела о том, что таскаю с собой все свое имущество.

В этот вечер я выглядела необычно для себя, совсем не так, как я хожу на вечеринки, поэтому я очень нервничала. Однако, когда Чэнс постучал в дверь и я открыла ее, мои опасения тут же улетучились.

– Твою ж мать! – Он запустил пятерню в волосы.

Мой внутренний павлин распустил свой роскошный хвост.

– Сейчас, только найду сумочку. Входи.

– Нет, спасибо, я лучше здесь подожду.

Если мне не суждено быть с Чэнсом, я уж постараюсь, чтобы он осознал, что теряет.

Когда мы стояли в ожидании лифта, в холл ввалилась группа мужчин – явно участников холостяцкой вечеринки. Мне пришлось по душе то, как Чэнс положил руку на мою талию с подчеркнуто собственническим видом и не убрал ее, даже когда мы вышли на улицу.

– И куда мы направляемся?

Чэнс подозвал такси и открыл для меня дверцу. Я получила ответ на свой вопрос, когда он назвал водителю пункт назначения:

– «Мятный носорог», пожалуйста.

Пять минут спустя мы уже въезжали на парковку. Неоновая вывеска гласила: «Мятный носорог», а внизу была надпись: «Мужской клуб».

– Мы что, идем в стриптиз-клуб?

– Ну, ты же обещала, что выберем развлечение по моему усмотрению. – Чэнс лукаво подмигнул.

Странно, что, несмотря на то, что я никогда раньше не бывала в подобных заведениях, я все же не испытывала внутреннего сопротивления, а была скорее заинтригована. Интерьер сильно отличался от того, каким я его представляла – полумрак и липкий пол. Напротив, я была удивлена, обнаружив двухъярусное помещение, большую сцену и роскошное убранство. На первый взгляд заведение выглядело скорее как фешенебельный ночной клуб, а не как место, где стриптизерши демонстрируют свои прелести. Вокруг главной сцены стояли столики. Была также секция, где стояли длинные столы с диванами для больших компаний. Отдельные зоны можно было закрыть портьерами для большей приватности. Некоторые из кабинетов были занавешены, другие открыты и словно манили зайти внутрь. Я увидела, как две привлекательные женщины проводили мужчину в частный кабинет за закрытой дверью.

Я как губка впитывала происходящее, но, бросив взгляд на Чэнса, увидела, что он смотрит только на меня.

– Ты бывал здесь раньше?

Он кивнул.

– На мальчишнике приятеля в прошлом году.

– Ты хочешь сказать, что не посещал это место со своими девушками?

Чэнс усмехнулся и взял меня за руку.

– Только с тобой, крошка... Ты все еще думаешь, что я какой-нибудь Казанова, не так ли?

Я позволила ему увести меня в приватную кабинку в углу. Там было очень тихо и спокойно, но недолго. Танцовщица, одетая лишь в стринги, с телом, о котором я могла лишь мечтать, с улыбкой подошла к нам.

– Может, ваш спутник хочет заказать танец?

Он посмотрел на меня, увидел ужас в моих глазах и вежливо отказался.

– Нет пока. Думаю, нам сначала надо выпить.

Потом Чэнс переключил внимание на меня.

– Ты все еще хочешь, чтобы я сегодня заказывал музыку?

Я приняла его вызов.

– Разумеется.

Мы выпили бутылку вина, которая стоила баснословные деньги, и я на некоторое время забыла, где мы находимся.

Я оглядела зал и вздохнула.

– Где они берут всех этих совершенных женщин?

Чэнс опустошил свой бокал.

– Я здесь вижу только одну.

– Это, конечно, мило с твоей стороны, но я не умею поднимать ногу выше головы, как вон та, например. – Я указала на женщину, у которой, казалось, вообще не было костей. – Так что в этом она меня превзошла.

– Вот и слава Богу!

– Слава Богу, что она меня превзошла?

– Я не это имею в виду. Слава Богу, что ты не можешь поднимать ноги выше головы. Иначе у мужиков просто крыша поедет. – В его глазах отражалось столько эмоций, что мне невольно пришлось в голову: стоит немного поднажать на него, и он расколется. Впрочем, я вовсе не хотела его раскалывать – он был нужен мне целым.

– Итак, скажи – я уже прошла испытание? Или же надо заплатить сто долларов за еще одну бутылку вина стоимостью девять долларов?

– Осталось еще кое-что. А после этого мы сможем уйти.

– Что еще? – чуть ли не со страхом спросила я.

– Я собираюсь купить тебе приватный танец.

– И это будет окончательным и бесповоротным доказательством того, что я избавилась от своей зажатости?

– Нет, конечно. Но это будет достойной кульминацией вечера!

Приватный танец оказался вовсе не таким, как я ожидала. Представьте, меня это... слегка завело, и я не знала, как к этому относиться. Мне всегда нравились только мужчины. Никогда я не испытывала интереса к женщинам, поэтому была в легком замешательстве, когда мы возвращались в отель.

– Что происходит в твоей хорошенькой головке, Обри?

Улица была забита машинами, как будто это был центр Манхэттена в час пик, хотя в Лас-Вегасе был всего час ночи. Пожалуй, я приняла слишком много сыворотки правды... Я имею в виду вино. Прислонившись головой к плечу Чэнса, я громко вздохнула:

– Произнеси мое имя снова, Нахал...

– Принцесса.

– Нет, мое настоящее имя.

– Закомплексованная Принцесса.

Я саданула локтем ему в грудь и расхохоталась.

– Ну, в самом деле... Я хочу, чтобы ты назвал меня Обри.

– Да неужели?

– Правда.

– Ну хорошо, Обри. – Он обнял меня за плечи и крепче притянул к себе.

О-О-БРИ-И...

Крепко прижавшись к Чэнсу, я на несколько минут задремала в машине. От его хрипловатого голоса с невообразимым акцентом, произносящего мое имя, по моему телу прокатывались теплые волны. Это ощущение было таким правильным, таким родным, что при мысли о том, что уже очень скоро мы не будем вместе, меня пронзила острая боль.

Глава 8

В восемь утра в мою дверь постучали. Я проснулась, но не настолько, чтобы идти в спортзал. О чем я только думала, когда согласилась составить ему компанию? Прошлым вечером я была слишком покладистой. Алкоголь на время сгладил острые углы моей натуры, но с утра я снова выставила все свои иголки.

– Слишком рано, – простила я, обнаружив Чэнса, уже одетого в тренировочный костюм. Нахал выглядел очень сексуально в свободных приспущенных шортах и кроссовках. Но даже этого обстоятельства было недостаточно, чтобы заставить мою задницу двигаться активнее. Я собиралась закрыть дверь, но он придержал ее, и я поспешно вернулась и юркнула в кровать.

Чэнс подошел и резким рывком стащил с меня теплое одеяло.

– Какого черта?

– Проснись и пой, Принцесса!

– Я не хочу вставать.

– Ты почувствуешь себя гораздо лучше, если мы сделаем это.

Я многозначительно подняла бровь, и Чэнс ухмыльнулся.

– По-моему, я развернул тебя. Кто теперь из нас больший извращенец?

– Извращенец – это тот, чье сексуальное поведение неестественно или неприемлемо, – слово в слово процитировала я определение, которое дал Чэнс, когда мы спорили на тему мастурбации.

Он хмыкнул, но тут же сгрэб меня и понес в ванную.

– Ты обратила внимание на размер гамбургера, который умяла вчера? Мне необходимо пойти в спортзал, и ты идешь со мной.

Я обиженно надулась.

– Хочешь сказать, что я толстая?

– Вовсе нет. Я то и дело говорю, что обожаю смотреть на твои формы, но я эгоист и хочу, чтобы они оставались неизменными.

Я закатила глаза, но все же пошла в ванную и умылась. Когда я вышла, Чэнс лежал на моей кровати, заложив руки под голову, и с удовольствием смотрел европейский футбол.

– Скучаешь по игре? – спросила я. Это был глупый вопрос. И я пожалела о нем в ту же секунду, как мои неосторожные слова сорвались с языка.

– Скучаю.

– А можешь ты как-нибудь вернуться в спорт? Я не имею в виду в качестве игрока. Можно быть тренером, или менеджером команды, или еще кем-то?

– Я уже думал об этом.

– И?..

– Я ведь так и не закончил образование. Попал в профессионалы на втором курсе колледжа. В большинстве университетов и даже в колледжах предпочитают иметь тренера с высшим образованием, чтобы служил примером для учащихся.

– Тогда вернись и закончи образование.

– Думаю, я бы мог. Может, этим и займусь в ближайшие два года.

Я подошла к своему чемодану и вынула короткий спортивный топ и эластичные леггинсы в тон.

– Подожди минуту. Я переоденусь.

В ванной я уложила волосы на затылке и натянула тренировочный костюм. Заканчивая чистить зубы, я прокричала Чэнсу через закрытую дверь:

– Чем займемся? Мне нравится йога.

– Йога как таковая не является спортом. Обычно я тренируюсь на силовых тренажерах и минут сорок пять бегаю на беговой дорожке для тренировки сердца.

– Хорошо. Возможно, в зале есть место для всего, и каждый займется тем, чем захочет. – С этими словами я открыла дверь ванной комнаты, готовая идти с ним.

– Ты собираешься в этом идти в спортзал?

Я опустила взгляд. Мой живот был открыт, но в этом не было ничего странного или провокационного.

– А что не так?

– Ничего. Пожалуй, сегодня я тоже займусь йогой.

Чэнс выключил телевизор и, взяв меня за руку, направился к двери.

В спортивном зале мы пришли к компромиссу. Сначала Чэнс занялся йогой под моим руководством, а потом мы около получаса вместе бегали на беговых дорожках. После этого мы оба сильно проголодались. Пршлым вечером мы обсуждали, следует ли остаться еще на одну ночь. Я приберегла эту тему до завтрака.

– Ты не шутил, когда сказал вчера, что не против задержаться здесь еще на одну ночь?

– Я бы остался здесь навсегда, если бы это было возможно.

Его мимолетные намеки дарили мне надежду, хотя ранее он словно вывел на моем лбу слова: «этого никогда не будет».

– В таком случае сегодня мой день. Вчера ты выбирал, что нам делать. Теперь моя очередь.

Чэнс прищурился и слишком долго не отводил взгляд, так что мое сердце чуть не выпрыгнуло из груди.

– Согласен.

– Прекрасно, – улыбнулась я. – Я хочу с утра навестить Эсмеральду-Снежинку. Ему, наверное, страшно в приюте.

– Мы платим за это пафосное место для избалованных животных восемьдесят долларов в день, чтобы за беднягой хорошо присматривали. Нашему Барбекю обеспечено трехразовое питание, и он спит при кондиционированном воздухе, вместо того, чтобы шляться по улице с риском попасть под мчащиеся на высокой скорости «БМВ». А ты беспокоишься, не падал ли он в обморок от испуга сегодня утром.

– Сегодня я распоряжаюсь. Разве я жаловалась, когда вчера ты рулил всем, что мы делали?

– В моем распоряжении был только вечер. Почему это ты хочешь распоряжаться и днем, и вечером?

– Потому что.

Чэнс усмехнулся.

– Исчерпывающий ответ, мисс адвокат. В суде ты так же красноречива?

– Прекрати, – не дала я увести себя в сторону. – Я распоряжаюсь и днем, и вечером, потому что ты заставил меня пойти в стрип-клуб, да еще и навязал приватный танец.

– Столик на двоих, – сказал Чэнс, когда мы подошли к стойке менеджера в буфете. Затем он обратился ко мне: – Тебе же понравилось. Кажется, ты даже словила кайф.

– Ничего подобного. – Мои щеки предательски запыхали румянцем.

Чэнс заговорил с официанткой, пока она нас рассаживала. Женщине, видимо, было далеко за шестьдесят, но его это не смущало.

– Вчера вечером моя подруга заказала эротический танец со стриптизершей и не хочет признаться, что ей это понравилось.

Женщина улыбнулась, понимающе покачала головой и произнесла с ярко выраженным ямайским акцентом:

– Здесь нет места смущению, дорогая. Что происходит в Вегасе, остается в Вегасе. Получайте удовольствие от небольшого загула, если хотите. А в понедельник можно вернуться к своей консервативной сущности. Я принесу вам кофе, а вы, когда будете готовы, сами возьмете в буфете все, что захотите. – С этими словами женщина удалилась.

– Ну, давай же, признавайся, что тебе понравилось, когда попка той телочки ерзала на тебе.

– Почему тебе так нравится заставлять меня признаваться в чем-то, от чего чувствуешь себя неловко? – Я уже призналась в одной неприличной вещи и не имела ни малейшего желания компрометировать себя и дальше.

– Имеется в виду тот случай, когда ты призналась, что удовлетворяешь сама себя?

Я почувствовала, что мое лицо горит, как при высокой температуре. Я поднялась и направилась к буфетной стойке, хотя только что уселась за столик. Но Чэнс задержал меня, схватив за руку.

– Никогда не надо стесняться того, что доставляешь себе удовольствие или наслаждаешься эротическим танцем с женщиной. Это прекрасно, как и ты сама.

Перед тем, как отправиться перед обедом на прогулку, мы навестили козленка. Милое существо, он так обрадовался, когда мы приехали, и все скакал вокруг Чэнса и лизал ему лицо.

– Эсмеральда-Снежинка так оживился, когда увидел тебя.

– У меня все лицо до сих пор липкое от этих приступов нежности.

– Вижу, ты скучал по нему. – Я рассмеялась.

– Все это хорошо, но что же нам все-таки делать с этим существом?

– С этим существом? Не называй его так. Он же все равно как наш приемный ребенок. Чэнс остановился и, подняв глаза к небу, расхохотался.

– Козел – наш ребенок?

– Именно! У него же на всем белом свете никого нет, кроме нас.

– А если серьезно, Обри. После того, как... наши пути разойдутся, что ты собираешься с ним делать?

У меня упало сердце...

После того, как наши пути разойдутся.

Я безуспешно пыталась смириться с тем, что Чэнс снова недвусмысленно намекал на скорый конец нашего совместного путешествия. В этом был весь Чэнс – только что дал мне слабую надежду на возможное развитие наших отношений и тут же все испортил.

Какое-то время я молчала, не в силах произнести ни слова, но потом все же заставила себя заговорить.

– Я постараюсь найти фермеров, которым можно доверять. Он останется со мной, пока я не буду уверена, что нашла подходящее для него место.

– Хороший план. Ему повезло с тобой. – Чэнс внимательно смотрел на меня, пытаясь понять причину моего угрюмого настроения. – Ты уже придумала, что хочешь делать после обеда?

– А знаешь что? На самом деле мне плевать. Решай сам.

Чэнс снова остановился и повернулся ко мне.

– Погоди-ка. Ты хочешь сказать, что отказываешься от права выбирать развлечения на сегодняшний день? Какого хрена ты так ведешь себя?

«Потому что ты ясно дал мне понять, что я для тебя ничего не значу, и с этого момента я больше не желаю быть с тобой рядом».

– Просто у меня нет никакого настроения принимать какие-либо решения.

– Вижу, что сгустились тучи, Принцесса. Не знаю, что я сделал или сказал не так на этот раз, но мне кажется, я уже достаточно хорошо тебя изучил, чтобы понять, что тебя что-то не на шутку разозлило.

– Проехали, Чэнс, ладно? У нас не так много времени. Не трать его попусту, пытаюсь читать мои мысли. Время от времени у людей портится настроение. И покончим с этим. Просто выбери что-нибудь сам.

Лицо Чэнса стало серьезным.

– Ты в порядке?

– Да. Уверяю тебя.

– Я знаю, что шутил на эту тему раньше... но у тебя что, месячные?

– Не-ет!

Чэнс задумчиво почесал подбородок. Мы стояли лицом к лицу среди людского потока на набережной.

– Думаю, я понял, что тебе нужно, нечто такое, что ослабит напряжение, накопившееся в тебе за эти несколько дней.

– Да неужели?

Чэнс прищурился.

– Поверь. Я знаю, о чем говорю. Подожди-ка здесь. – Он отошел, чтобы поговорить по телефону так, чтобы я не могла его услышать.

Стоя под палящим солнцем, я поклялась себе впредь стараться держать эмоции под контролем. Я должна была принять ситуацию такой, какой она была – просто совместное путешествие, не больше и не меньше. Мне следовало получить удовольствие от последних часов общения с красивым парнем и прекратить слишком остро реагировать на его слова.

Подошел Чэнс, сияя улыбкой до ушей. Схватив меня за руку, он сказал:

– Пошли.

Я понятия не имела, куда Чэнс меня ведет – поесть мороженого или в спальню. Мы шли минут пять и оказались возле гостиницы. Войдя за ним в лифт, я обратила внимание, что он нажал кнопку не того этажа, на котором располагались наши номера.

– А что там, на третьем этаже?

Чэнс подмигнул мне.

– Сама увидишь.

Когда дверцы лифта раскрылись, я увидела надпись: «Релаксационные спа-процедуры».

– Мы идем в спа-салон?

– Ну да, мы тебя сейчас немножко отполируем. Парный сеанс массажа, заказ на имя Найтмена.

Я невольно рассмеялась и в недоумении покачала головой.

– Парный сеанс массажа?

– Именно. Нам обоим сделают массаж одновременно. Мне и самому не мешает расслабиться.

Подошла привлекательная женщина и захлопала ресницами, уставившись на Чэнса.

– Следуйте за мной, пожалуйста.

Вот ведь сучка.

Мы прошли следом за нашей провожатой по длинному коридору в кабинет с приглушенным освещением.

– Снимайте все, кроме нижнего белья, и завернитесь в эти полотенца, – сказала она. – Ваши массажисты будут через минуту.

Было очень тихо, только где-то звучала успокаивающая инструментальная музыка. Пахло мятой, по всей комнате были расставлены неяркие электрические свечи, словом, вся обстановка располагала к релаксации, но, к сожалению, не в нашем случае.

– Ты слышала, что она сказала? Снимай одежду, – строго сказал Чэнс.

От властного тона его голоса у меня по спине побежали мурашки.

– Ты действительно думаешь, что я вот так возьму и разденусь прямо перед тобой?

Вместо ответа Чэнс ухватился за края своей рубашки. Я неотрывно наблюдала за каждым движением рельефных мышц его брюшного пресса, в то время как он медленно снимал с себя одежду. Если бы это видение было анимированной gifкой в блоге, я бы просматривала ее снова и снова. Он расстегнул молнию на джинсах, скинул их и бросил на стул. Теперь Чэнс стоял передо мной в одних темно-синих боксерских трусах и в упор смотрел на мою грудь.

– Твоя очередь, Принцесса.

– Тогда отвернись, – тихо попросила я.

– Это так необходимо? – ухмыльнувшись, заметил Чэнс и все же повернулся лицом к стене.

Стянув майку, я уставилась на развитые мускулы его спины, затем мой взгляд скользнул ниже. Чэнс стоял как раз под лампами, и их приглушенный свет ярким пятном высвечивал его роскошные ягодицы. Разделяющая их линия четко прорисовывалась через материю. Чэнс был обладателем самой невероятной задницы в мире. Я умирала от желания впитаться в нее зубами.

Когда я расстегнула лифчик и бросила его поверх джинсов Чэнса, у него перехватило дыхание.

Я завернулась в белое махровое полотенце и первой растянулась на столе лицом вниз. Предполагалось, что это место предназначено для расслабления, но меня немного потряхивало от напряжения.

– Можешь повернуться.

– С тобой не повеселишься, – заметил Чэнс и растянулся на соседнем столе.

– А ты что, ожидал, что я буду красоваться перед тобой голышом?

– Ну, почему бы и не помечтать?

Мы оба лежали на животе, повернувшись друг к другу лицом. Его взгляд время от времени скользил по всему моему телу.

– Ты как, в порядке? – прошептал Чэнс.

Что-то в тоне, которым был задан этот вопрос, тронуло самые потаенные струны моего сердца. Я мысленно перерезала их воображаемыми ножницами. Я намеревалась твердо держать данное себе слово и контролировать чувства, чего бы мне это ни стоило.

– Да. Я в полном порядке. Это была замечательная идея. Спасибо.

– Я рад, что тебе нравится.

В ожидании прошло минут десять. Я уже начала думать, что про нас забыли, когда дверь осторожно открылась. Миниатюрная женщина азиатской наружности по имени Анна вошла и встала со стороны Чэнса. Слева от меня стоял большой мускулистый мужчина, внешне напоминавший актера Джо Манганьелло.

Глаза Чэнса потемнели, он повернулся к женщине.

– Ею займется он?

– Наконец хоть кто-то займется мной, – пробурчала я себе под нос.

– Да. Мы считаем, что такой подход дает наилучший результат. Мужчины чувствуют себя более комфортно с женщинами-массажистками, а наши клиентки отдают предпочтение Джеймсу. Это вас не устраивает?

Чэнс просто посмотрел на меня, разинув рот, когда я ответила:

– Совершенно никаких проблем. – Я посмотрела прямо в глаза Чэнсу. – Мужчина меня как раз устраивает.

– Пожалуйста, снимите полотенце и отложите его в сторону. Можете пока оставаться на животе. – Голос у Джеймса оказался низкий, бархатный и очень чувственный.

Даже не верится, что все так здорово сложилось. План Нахала пошел по совершенно другому сценарию с непредсказуемым результатом.

Глаза Чэнса были прикованы к каждому моему движению, когда я вытягивала из-под себя полотенце. Затем его взгляд остановился на моей оголенной груди, прижатой к столу.

Анна налила подогретое масло по всему позвоночнику Чэнса. Предполагалось, что он должен закрыть глаза и расслабиться. Вместо этого он глазел на Джеймса, когда тот поливал таким же маслом мое тело. Я видела, как спина Чэнса то поднималась, то опускалась в такт учатившемуся дыханию.

Джеймс начал втирать масло мне в кожу. В какой-то момент руки Джеймса спустились к нижней части спины и принялись разминать верхнюю часть моей задницы. Взгляд Чэнса стал напоминать взгляд маньяка-убийцы. Он не на шутку взбесился, и я не могла подавить чувство огромного удовлетворения по этому поводу.

В то же время, наблюдая, как массажистка таким же манером прикасается к Чэнсу, я тоже испытывала уколы ревности, но была слишком поглощена тем, как он следил за мной, и мне было недосуг анализировать, ревновала я или возбуждалась. Возможно, и то, и другое.

Некоторое время спустя, наблюдая, как Чэнс следует взглядом за каждым движением рук Джеймса, я не удержалась и спросила:

– Эй, ты в порядке?

– Нет, – прохрипел в ответ Чэнс.

Он и в самом деле сходил с ума от ревности, а мне было трудно его понять. Если бы он только знал, что все это время я воображала, будто это он прикасается ко мне. Мне хотелось этого больше всего на свете.

– Сколько времени это займет? – обратился Чэнс к массажистке.

– Постарайтесь расслабиться, сэр. Вы очень напряжены.

Спустя сорок минут массаж закончился. За все время Чэнс так и не выпустил из поля зрения руки Джеймса. Я это точно знала по одной-единственной причине – я сама непрерывно следила за тем, как Чэнс наблюдал за мной.

Обстановка значительно разрядилась, когда Анна и Джеймс вышли и оставили нас одних, чтобы мы могли одеться.

– Как самочувствие? – спросила я у Чэнса, стоящего спиной ко мне.

– Хуже, чем когда я вошел сюда.

– Что так?

– Потому что я заплатил целых триста пятьдесят долларов только за то, чтобы посмотреть, как какой-то мужик в течение часа лапает тебя.

– Значит, когда другая женщина прикасается к тебе – это нормально, а когда ко мне прикасается мужчина – это тебя бесит?

Неожиданно он резко повернулся ко мне, и поскольку я так и не успела одеться, то была вынуждена прикрыть грудь майкой.

– Меня бесит, когда к тебе прикасается какой-то посторонний мужик, а мне это запрещено, – в сердцах рявкнул Чэнс и тут же отвернулся, чтобы я могла закончить одеваться. Молчание длилось недолго. В конце концов он сказал: – Извини, Обри. Я вел себя как полный козел.

Как же мне нравится его ревность!

– Тебе повезло, у меня богатый опыт общения со всякими козлами и нахальными негодьями, так что мне не привыкать, – произнесла я, просовывая руки в прорези майки.

– Значит, у нас ничья, но мне бы хотелось передать пас тебе и предложить все же воспользоваться правом выбрать, чем будем заниматься вторую половину дня.

– Принято. Думаю, нам обоим не мешало бы поостыть. Вдобавок от этого масла мы липкие с ног до головы. Почему бы просто не поплескаться в бассейне?

– Я решительно поддерживаю это предложение.

– Постой... У нас же нет купальных костюмов.

– Мы купим их внизу, в магазинчике. С особым удовольствием я бы выбрал купальник и для тебя.

– Договорились.

– Правда? – Чэнс был явно удивлен. – Неужели ты мне доверяешь?

– Да, – улыбнулась я в ответ. – Полностью доверяю.

Это была новая, незнакомая мне Обри. Свободная, раскованная. Я собиралась больше не контролировать себя и просто повеселиться.

– Ну, тогда хорошо.

Чэнс удивил меня выбором бикини. Вместо узеньких полосочек он выбрал скромный спортивный лифчик и трусики, закрывавшие большую часть моей попы. Купальник был белый в горошек, с небольшой оборочкой сзади. Для себя он выбрал облегающие черные плавки, которые эффектно обтягивали его задницу.

Мы нашли два соседних шезлонга, принесли легкую закуску и журналы. Было далеко за полдень, поэтому народу у бассейна было немного. Мы вместе окунулись и вернулись на свои места, чтобы немного остыть. Из всех действий эта часть казалась самой приятной.

– Что предпочитаешь из напитков? – спросил Чэнс.

– Что-нибудь холодное и фруктовое.

Чэнс поднялся и направился к бару. Несколько девушек проводили его недвусмысленными взглядами, когда он не спеша обходил бассейн. Казалось, Чэнс не замечал, что привлекает внимание. Возможно, и замечал, но ему это было безразлично.

Он вернулся с двумя дайкири, и мы пили их сначала в полном молчании, которое мне захотелось нарушить. Поигрывая бумажным зонтиком в бокале, я взглянула поверх него на Чэнса.

– Очень вкусно.

Он улыбнулся в ответ.

– Абсолютно уверен, что, если бы прямо сейчас мне пришлось выбирать, что делать, я бы именно это и выбрал.

– Здесь, у бассейна, так красиво.

– Дело не только в самом месте. Главное – это хорошая компания.

Он смотрел прямо на меня, и его глаза рассказали мне о многом. Его взгляд говорил мне, что сейчас Чэнс предельно откровенен со мной. Я видела и верила, что он желал меня, что хотел быть со мной, но действительно не мог. И какими бы ни были причины, сдерживающие его, они были ему неподконтрольны. Прежние надоедливые чувства досады и разочарования, которые я изо всех сил пыталась подавить, снова прокрались в душу, и тогда я уткнулась лицом в журнал «InTouch Weekly». Чэнс посасывал красную палочку Пикси. Мне вдруг ужасно захотелось сладкого, и я спросила:

– У тебя еще такая есть?

– Должна быть. – Он подмигнул, запустил пальцы в пластиковый пакет, который мы принесли с собой, и вынул одну палочку.

Я начала сосать, но что-то пошло не так. Тогда я осмотрела ее снизу и увидела дырочку на конце палочки. Оранжевый порошок просыпался на мой голый живот.

Чэнс рассмеялся.

– Маленькая неряха.

– У тебя есть салфетка?

– Она не нужна, – ответил Чэнс. – Позволь-ка мне.

Не успела я и глазом моргнуть, как Чэнс склонился над моим животом. Он медленно провел языком вдоль пупка и выше, слизывая порошок по прямой линии вплоть до груди. Я

заерзала, чувствуя, что безнадежно теряю контроль, но Чэнс не остановился, пока не слизал весь порошок.

– М-м-м, – простонал Нахал, слизывая последние крупинки с моей кожи, и облизал губы.

У меня сбилось дыхание, а Чэнс как ни в чем не бывало вернулся на свой шезлонг, оставив меня в крайней степени возбуждения. Если честно, я была просто в шоковом состоянии.

Мы не говорили о том, что произошло. Чэнс просто сказал, что должен принять ванну, и ненадолго исчез. Вот так, одной своей выходкой он разрушил всю защиту, которую я так старательно выстраивала целый день.

Глава 9

Так как право выбирать, чем мы будем заниматься, все еще принадлежало мне, я решила, что неплохо бы поужинать в действительно хорошем ресторане.

В конце концов мы остановили свой выбор на ресторане «Foundation Room», расположенном на шестьдесят третьем этаже, откуда открывался потрясающий вид на Сансет-стрит. Оформлен он был в виде загородного дома с очень уютной атмосферой.

Съев крабовые котлетки в качестве закуски, Чэнс решил отведать стейк, а я заказала морского окуня.

Я изо всех сил пыталась не думать о том, какие чувства меня обуревали там, у бассейна, когда Чэнс слизывал с меня сахарную пудру, но мне это плохо удавалось. Каждый раз, когда мой взгляд останавливался на его губах, я снова чувствовала их на своем теле.

Мы заказали две бутылки вина, и долго пили его под неспешную беседу. Мы проговорили по крайней мере два часа. Чэнс поведал о своем детстве в Австралии и рассказал некоторые подробности об изнурительных тренировках при подготовке к карьере профессионального футболиста, чему так и не суждено было сбыться. Мы обсудили общую проблему: борьбу наших отцов с раком. Я в подробностях изложила историю моего разрыва с Гаррисоном.

Никогда раньше я не чувствовала такой близости с Чэнсом. К концу вечера сложилось впечатление, что теперь я знаю о нем все, за исключением нынешнего положения вещей. Вот это по-прежнему оставалось тайной, покрытой мраком.

Посреди ужина раздался телефонный звонок, отвечая на который Чэнс вышел из-за стола, что еще больше усилило мою неуверенность в будущем наших отношений. Я была абсолютно убеждена, что человек, с которым он разговаривал, был непосредственно связан с какими-то обстоятельствами, которые Чэнс от меня скрывал.

Когда он вернулся за столик, я спросила с бешено колотящимся сердцем:

– Кто это звонил?

Он посмотрел мне прямо в глаза и ответил:

– Не бери в голову, Обри.

Вместо того, чтобы закидать его вопросами, я подлила себе вина. С каждым глотком ложное ощущение счастья вытесняло неуверенность, и я становилась все веселее и веселее.

К тому времени, как нам надо было покинуть ресторан, Чэнс был вынужден обнять меня за талию, чтобы я могла идти, не покачиваясь. Не могу сказать, что напилась в стельку, но все же не совсем твердо стояла на ногах. То же можно было сказать и о Чэнсе.

Нас постоянно охватывали приступы беспричинного смеха. В какой-то момент мы наткнулись на часовню. На ней красовалась вывеска: «Бракосочетание понарошку здесь».

Чэнс остановился посреди тротуара и произнес прямо мне в лицо, обдавая алкогольными парами:

– Выходи за меня замуж, принцесса.

– Что?

– У нас уже есть незаконнорожденный ребенок – козленок. – Чэнс засмеялся. – Чтобы соблюсти приличия, надо вступить в фиктивный брак и сделать из тебя честную женщину.

– Ты спятил!

– Твою мать, мы же можем послать фотографию с торжества твоему Гарри. Представляешь, как прикольно? – Он лукаво улыбнулся, и я задрожала от желания. – Решайся, это будет весело. – Он взял меня за руку и повел в маленькую белую часовню.

В проходе одиноко стоял огромный детина в костюме Элвиса.

– Какая прекрасная ночь для заключения брака, – монотонным голосом поприветствовал он нас.

– Нужна предварительная запись? – спросил Чэнс.

– У нас сегодня не густо с клиентами. Можем обслужить вас прямо сейчас, если у вас есть такое желание.

Чэнс вопросительно посмотрел на меня полупыльным остекленевшим взглядом.

– Что скажешь?

Я пожала плечами.

– Ну, свидетельство о браке они не выдают, так что это все понарошку, а значит, никакого вреда не будет, так ведь?

Мы оба заполнили бланки, дав самую общую информацию. Всего за сто девяносто девять долларов заказали полный набор свадебных услуг, куда входила сама церемония бракосочетания, пять цифровых снимков, сувенирные кольца, букет из шелковых цветов и свадебное платье напрокат на мой выбор. Не успела я опомниться, как меня подхватила женщина по имени Зельда в невообразимо пестром наряде и со щеткой курчавых рыжих волос и утащила в подсобное помещение. Там висели целые ряды белых платьев разных фасонов и размеров. Она заставила меня примерить несколько вариантов, и в конце концов я выбрала узкое, расширяющееся книзу, словно русалочий хвост, платье с открытыми плечами, которое было для меня, пожалуй, слишком длинным. К тому же грудь просто вываливалась из выреза. Несмотря на это, платье мне действительно понравилось.

Зельда помогла мне уложить волосы в высокую прическу с несколькими локонами у висков. Выходя в зал, я даже не знала, чего ожидать.

Заиграла музыка.

– Что, уже начинается? – спросила я.

– Ваш парень, наверное, уже выбрал музыку, так что можно приступать.

– То есть музыку выбираем мы сами?

– У нас тут целая фонотека, и мы разрешаем жениху выбирать музыкальное сопровождение на свой вкус, пока невеста переодевается. Это позволяет скоротать время.

Я узнала мелодию – это была композиция «Выходи за меня замуж» группы «Train». Несмотря на то, что все это было лишь имитацией бракосочетания, при звуках этой песни меня охватила нервная дрожь. Я знала, что все это не взаправду, но испытывала такое волнение, словно это была самая настоящая свадебная церемония.

Но это же смешно! Почему я так нервничаю?

Зельда всучила мне маленький букет из белых шелковых калл.

– Ну как, готовы?

С моих губ сорвался глубокий вздох.

– Конечно. – Внезапно я почувствовала, что трезвею, и это было вовсе некстати – терять алкогольную эйфорию.

Когда я появилась на пороге двери, ведущей к небольшому алтарю, Чэнс уже ждал меня, скрестив руки. Он был в той же великолепно сидящей строгой черной рубашке, что и во время ужина, но к карману спереди была пристегнута маленькая бутоньерка. Чэнс казался потрясающе красивым и таким... да, тоже взвинченным. Это был самый странный опыт за всю мою жизнь.

Музыка продолжала играть, и я сделала несколько очень медленных шагов к Чэнсу. Сердце бешено колотилось, словно пытаюсь вырваться из-под кружевной ткани, стягивающей мою грудь. На полпути к алтарю я запуталась в длинном подоле платья и чуть не упала. Чэнс хихикнул, не в силах сдержать смех, и я последовала его примеру. Это маленькое происшествие разрядило обстановку, и я уже спокойно проделала оставшийся путь до алтаря.

Зельда, стоявшая за моей спиной, указала на букет. Очевидно, она исполняла роль подружки невесты. «Элвис» заговорил:

– Дорогие влюбленные, мы собрались здесь сегодня, чтобы засвидетельствовать соединение Чэнса Энгельберта Найтмена и Обри Элизабет Блум в святом браке...

– Энгельберт – это правда, что ли?

Чэнс подмигнул мне и прошептал:

– Ну, не совсем так.

Между тем «Элвис» продолжал:

– ...который является блаженным состоянием, установленным Самим Богом от начала времен, и подходить к нему надо благоговейно, благоразумно, трезво и в страхе Божьем, а не необдуманно и легкомысленно...

– Ну, насчет трезвости это он явно загнул, – ухмыльнулся Чэнс.

– Если в этом собрании есть кто-нибудь, кто может указать причину, по которой этот брак не может быть заключен, пусть говорит сейчас или никогда.

Мы оба оглянулись на пустые ряды кресел. В часовне царила такая тишина, что можно было слышать, как муха летит.

– Кто выдает эту женщину замуж за этого мужчину?

– Я отдаю, – ответила за моей спиной Зельда.

– Будете использовать стандартные брачные обеты или есть свой вариант?

Мы ответили одновременно.

– Стандартные, – произнесла я, в то время как Чэнс выпалил:

– А у меня есть своя версия.

– Своя версия, вот как? – прошептала я.

– Конечно. – Он улыбнулся.

– Начнем тогда с невесты. – Элвис зачитал обычные слова обета, а я послушно повторяла за ним.

Настал черед Чэнса приносить клятвы.

Он помолчал немного, закрыл глаза, а затем пристально посмотрел мне в лицо, беря за руку.

– Обри, через несколько секунд после нашей встречи, как только ты открыла свой прелестный ротик и обозвала меня козлом, я понял, что тебе палец в рот не клади. Поначалу я подумал, что ты слишком много о себе возомнила, и вообще такая надутая, чопорная и холодная, а потом догадался, что это всего-навсего защитный механизм. Тебя глубоко обидели в прошлом, и ты больше не хочешь никого подпускать к себе. Иногда случается так, что те люди, которые воздвигают самые высокие барьеры между собой и миром, обладают наиболее нежными сердцами. Моя бабушка любила повторять: «Если ты хочешь узнать, доброе ли у человека сердце, посмотри, как он обращается с животными или теми, кто ничего не может дать ему взамен». По какой-то неведомой причине ты все же решила поверить случайному знакомому и провести с ним достаточно времени, чтобы я убедился: у тебя самое доброе сердце на свете. Внутри ты так же прекрасна, как и снаружи. Ты превратила вынужденную поездку в самое чудесное приключение в моей жизни. Ты даже представить не можешь, что для меня значит время, проведенное с тобой. Даже если для тебя все это не так важно, прошу тебя, помни, что ты заслуживаешь счастья.

На мои глаза навернулись слезы.

О, Боже.

Он застал меня врасплох с этим признанием, и я просто потеряла дар речи. Это были прекрасные слова, но звучали они точно завуалированное прощание.

В выражении его лица не было ничего издевательского. Он действительно думал так, как говорил.

Я не слышала ничего из того, что потом произносил «Элвис», пока до моего слуха не донеслись слова:

– ...в соответствии с законами штата Невада и властью, которой я наделен, я провозглашаю вас мужем и женой. Теперь жених может поцеловать невесту.

Я отвела взгляд от Чэнса и принялась энергично крутить головой, показывая «Элвису», что хочу пропустить эту часть обряда, что мы не будем этого делать.

– Мы не будем целоваться.

Неожиданно большие теплые ладони Чэнса обхватили мое лицо, и он склонился ко мне со словами:

– Черта с два не будем!

В ту же секунду он жадно приник к моим губам. У меня подкосились ноги. Сердце бешено заколотилось, когда он всем телом прижался ко мне, без тени смущения заставив меня открыть рот языком, который тотчас же принялся настойчиво изучать мой. Не в силах противостоять его сладостному дыханию, я приоткрыла рот шире, впуская его. Чэнс застонал, а я невольно подняла руку и запустила пальцы в его шелковистые волосы. Он на мгновение прервал поцелуй, чтобы слегка укусить меня за нижнюю губу, и тут же отпустил ее. После этого поцелуи стали еще более жадными. Я представления не имела, как долго это продолжалось, так как совершенно потеряла счет времени.

«Элвис» кашлянул.

– Хорошо. Это все очень мило, но другая пара ждет своей очереди на церемонию.

Чэнс, наконец, оторвался от меня.

Почти в полубессознательном состоянии я посмотрела на него. Волосы его были взъерошены моими пальцами. Его взгляд буквально пронизывал меня. Чэнс казался почти таким же ошарашенным, как и я.

Твою мать, что же это такое?

Наше настроение изменилось, когда, выходя из часовни, мы обнаружили еще две пары, ожидающие своей очереди в зале. Первая пара выглядела так, словно им не терпелось скорее покончить с церемонией и прямо здесь приступить к медовому месяцу. Жених был наряжен в костюм цвета американского флага – красные штаны и синий пиджак со звездами, белую рубашку и красно-белый полосатый галстук. Когда он оторвался от губ фальшивой невесты, к которым прилип, словно вакуумная присоска, то поднял ее на руки, и тут я увидела, что она тоже в соответствующем прикиде – бикини в виде звездно-полосатого флага.

– Вы говорите по-русски? – спросил «жених» «Элвиса», который вышел вслед за нами в зал. По пятам за ним шла Зельда.

«Элвис» отрицательно покачал головой.

– Проведение церемонии на двух языках – за отдельную плату. Надо записываться заранее.

– Отдельная плата – это сколько?

– Сто пятьдесят долларов. Придется платить переводчику.

Патриотически настроенный жених полез в карман и вытащил небольшую скомканную пачку банкнот. Он нахмурился, а «невеста» тут же принялась браниться на каком-то незнакомом языке, возможно, на русском. Красотка что-то ему доказывала и ожесточенно размахивала руками.

Чэнс ухмыльнулся и наклонился ко мне:

– А я-то считал стервой тебя...

– Эй, поосторожнее, – произнесла я, шлепнув его по накачанному животу.

Чэнс улыбнулся, и я почувствовала, что буквально разрываюсь между сожалением о том, что неистовое сексуальное желание угасло, и облегчением из-за того, что мы вернулись к прежним нормальным отношениям (по крайней мере, они нам казались нормальными). Чэнс протянул мне руку.

– Позвольте, миссис Найтмен.

Вот черт! Мне нравилось это обращение. Еще как нравилось...

Я вложила свою руку в его, и тут подбежала Зельда.

– Предпочитаете свадебные снимки в помещении или на улице? У нас тут неподалеку очаровательная беседка и пруд. Там даже плавают лебеди. У нее повреждено крылышко, но на фотографиях она все равно выглядит прекрасно.

– Давайте-ка лучше в помещении, – поспешно произнес Чэнс.

– Но лебедь на фотографии – это ведь прекрасно.

– Знаешь, нам не хватит места в машине, чтобы завести еще одно домашнее животное. Я тебя и близко не подпущу к этому созданию.

Я закатила глаза.

– В таком случае можем отказаться от фотографий.

– Ну уж нет. Тут я не оставляю тебе ни малейшего шанса проманкировать. Гарри непременно должен насладиться зрелищем этих двух малышей. – Он красноречиво посмотрел на мою грудь, соблазнительно выпирающую из декольте слишком тесного платья, и уголки его губ изогнулись в злорадной ухмылке. – Плюс к тому, ты в этом платье... такое впечатление, что за тобой волочится ворох туалетной бумаги.

– Извращенец несчастный.

После этого мы позировали для четырех кадров. Все это ужасно напоминало фотосессию на выпускном вечере в школе. Готовясь сделать последний снимок, Зельда предложила:

– А как насчет того, чтобы добавить немного романтики?

Я склонила голову к плечу и со смехом, вызывающе взглянула на Чэнса.

– Да, коварный льстец, как насчет чего-нибудь романтического?

Зельда поменяла картинку, на фоне которой мы стояли. Теперь это был уже не всемирно известный знак «Лас-Вегас», светящийся неоновым светом. Нас словно перенесли в шикарный номер для новобрачных в отеле класса люкс. Мы позировали на фоне кровати невероятных размеров, усыпанной розовыми лепестками, а вся комната была уставлена зажженными свечами. Выглядело это все так вопиюще пошло, что я невольно расхохоталась.

– Ну же, не стесняйся. Это же наша первая брачная ночь, правда, понарошку. Вот наша постель. Неужели у тебя не найдется хотя бы пары слов, соответствующих столь романтической обстановке?

Чэнс обернулся, увидел, что у него за спиной, и снова посмотрел на меня.

– Представь себе, я вовсе не романтичен.

– Надо же, какой сюрприз!

Брови Чэнса поползли вверх, он еще несколько секунд смотрел на меня, а потом наклонился и прошептал мне на ухо:

– Как тебе такой вариант для романтической первой брачной ночи? Если бы эта постель была настоящей и ты взаправду была моей женой? – Он замолчал, чтобы вздохнуть, и я ощутила тепло его дыхания на моей шее. – Если бы мне так повезло, чтобы ты стала моей, я бы исследовал каждый кусочек твоего тела. Первый раз в жизни ты бы отбросила контроль над собой, за который ты так держишься. Я бы потребовал, чтобы ты стала безраздельно моей, и ты бы охотно подчинилась. – Он практически прорычал следующие слова: – На этой постели я бы так романтично тебя оттрахал. – Он чуть отодвинулся, чтобы посмотреть мне в глаза. Наши носы почти соприкасались, но никто из нас не пытался придвинуться ближе, чтобы изобразить поцелуй счастливой пары. Да это было и не нужно.

Тут вмешалась Зельда.

– Просто прекрасно. Вроде бы я поймала нужный кадр. Кажется, по натуре вы все же романтик, что бы вы ни говорили, мистер Найтмен.

Чэнс ухмыльнулся. Я замерла на месте, не в силах двигаться.

– Мне повезло. Судя по всему, моей молодой жене нравится именно моя разновидность романтики.

Глава 10

Мы уже почти протрезвели к тому времени, как вернулись в отель, хотя я все еще чувствовала себя не в своей тарелке. Я испытывала опьянение, но теперь вовсе не от алкоголя. На наших пальцах все еще были колечки из дешевого металла после мнимого бракосочетания, и, когда мы оказались перед дверью в мой номер, Чэнс поднял меня на руки.

– Собираюсь перенести новобрачную через порог.

Я обхватила его шею руками и прижалась к груди, а он одной рукой открыл дверь.

– Интересно, откуда пошел этот обычай? Наверно, все оттого, что мужчина хочет покрасоваться перед женщиной, показывая свою силу? – предположила я.

– Думаю, этот обычай появился оттого, что женщины боялись потерять девственность.

Я фыркнула.

– Ну, по крайней мере, нам об этом не приходится беспокоиться.

Чэнс прожег меня взглядом. Он даже не старался скрыть ревности, и это навело меня на мысль.

– А ты хочешь когда-нибудь жениться, завести семью? – спросила я.

– Когда-нибудь? По-моему, я только что это сделал. – Он поставил меня на пол посреди комнаты.

– Я имею в виду, по-настоящему. А мне вот интересно, кто перенесет меня через порог, когда я буду выходить замуж на самом деле.

Взгляд Чэнса сразу стал серьезным.

– Не желаю об этом думать.

Я продолжала прощупывать почву.

– Может, на новой фирме, куда я устроилась работать, будет полно перспективных женихов?

– Ты имеешь в виду таких, как мудака Гаррисон?

Я пожалала плечами и уселась на стул, чтобы снять десятисантиметровые каблуки.

– Я решила, что больше не позволю воспоминаниям о нем сдерживать мое развитие. Целых два месяца пыталась от него избавиться. Когда обживусь в Калифорнии, все вернется в старое русло, и жизнь наладится. Снова буду на коне. – Я подняла глаза и улыбнулась.

Чэнс молча застыл у двери.

– Как же так? Никаких грязных комментариев по поводу коня и хорошей скачки? Что-то ты тормозишь, Нахал.

У него заходили желваки.

– Может, тебе стоит ограничиться той самой волшебной палочкой, а не ударяться в очередную авантюру?

Я встала, подошла к нему, повернулась спиной и перебросила волосы через плечо на грудь.

– Поможешь расстегнуть молнию? – В комнате на несколько минут воцарилось молчание, а потом я почувствовала прикосновение рук Чэнса к моему телу. Одной он схватил меня за бедро, словно пытаясь удержать в нужном положении. Другую протянул к молнии. Звук, который она издавала, когда расстегивалась, был определенно эротичным.

В самом деле: что со мной происходит?

Никто из нас больше не двигался. Напряжение между нами стало просто невыносимым.

– Чэнс? – выдохнула я и не узнала собственный голос, таким он был низким и хриплым.

Чэнс лишь сильнее впился пальцами в мое бедро. Это было почти больно, но в то же время невероятно возбуждающе. Мне так хотелось, чтобы он что-нибудь сказал. Все равно что. Я продолжала ждать, изнывая от напряжения. Мы так и не двигались.

Ничего! Ни слова!

– Чэнс? – Я попыталась было повернуться, но его руки удержали меня на месте.

– Не надо. Мне пора идти, Обри. – Он замолчал и глубоко, протяжно вздохнул. – Повезет же тому парню, который перенесет тебя через порог на самом деле, будь он неладен, ублюдок.

Я так и не обернулась, пока не услышала, как за ним закрылась дверь. Не хотела, чтобы он видел мои слезы.

Спустя два часа я услышала, как он вернулся. В двери между нашими соседними номерами оставалась небольшая щель, и я слышала, как он ходит по комнате. Голова у меня кружилась, и мысль о том, что завтра мы расстанемся и я могу больше никогда его не увидеть, вызывала у меня тошноту. Я провела с Гаррисоном больше года, и в день, когда я ушла от него, мне не было так больно, как сейчас.

Я лежала в постели, и мысль о том, что Чэнс сейчас так близко, и все же я не могу к нему прикоснуться, сводила меня с ума. Я без конца прокручивала в голове все его слова, разбирая по фразам каждый разговор, который могла вспомнить. Он сказал, что я красивая. Он в живописных подробностях описывал свои фантазии по поводу того, что он хочет со мной проделать. Он заявил, что человек, с которым я свяжу свою судьбу, будет счастливым. Все его речи говорили о том, что он испытывает влечение ко мне. Его тело, дыхание, восхищенные взгляды – все говорило о том, что он с трудом сохраняет контроль над собой.

Я была абсолютно уверена в том, что он испытывает сильные чувства ко мне – это не вызывало у меня ни малейшего сомнения. Просто он... По какой-то причине не мог вступить со мной в близкие отношения. Да он и сам произнес эти слова: не могу. Это прозвучало так, словно он не мог себе этого позволить. Я понимала – он пытается защитить меня от чего-то, что сдерживало его в проявлении чувств и что он от меня старательно скрывал. Но я больше не желала, чтобы меня от чего-то защищали. Все, чего мне в тот момент хотелось, это чтобы он оттрахал меня до потери сознания.

Пора взять ситуацию в свои руки. Я же женщина, черт побери. Как там в песне поется... «Я женщина. Я сильна. Я непобедима»⁹).

Когда я проскользнула в ванную, адреналин так и пульсировал в моих венах, но все-таки я тщательно умылась и распустила хвост, в который обычно убирала волосы на ночь. Я задрала ночную рубашку и осмотрела себя в зеркале. Нижнее белье было весьма соблазнительным – наполовину открытые чашечки бюстгальтера из бледно-розовых кружев в комплекте с шортиками. В целом неплохо, но... хватит ходить вокруг да около. Надо действовать решительно. Я скинула шорты, растянула кружевной лифчик и посмотрела на свое отражение. Бомба.

Мои щеки пылали, а тело выглядело упругим и подтянутым. Впервые за долгое время я себе определенно нравилась. Не стоило терять время. Я должна была сделать это немедленно, пока не струсил. Но с каждым вдохом и выдохом решимость постепенно оставляла меня. Я бросила последний взгляд на свое отражение, еще раз глубоко вздохнула и направилась к двери, разделявшей нас.

Львица выходит на охоту.

Когда я вошла, Чэнс как раз выходил из ванной. Он был обнажен, если не считать белого полотенца, которое он обернул вокруг узкой талии. Было темно, но огни Вегаса, полосами проникавшие через окна, достаточно освещали комнату, чтобы я могла разглядеть его во всем великолепии. Капли воды стекали с его торса. От этого зрелища у меня перехватило дыхание. Сердце бешено билось о ребра, и я уже была на грани потери сознания, когда он заметил меня.

---

⁹ Слова из песни Хеллен Редди «I Am Woman».

Какое-то мгновение мы молча смотрели друг на друга. Чэнс сжал зубы так, что на его щеках заходили желваки, – было очевидно, что он изо всех сил пытается не поддаваться соблазну. Но его внутренняя битва, которую он сам же и развязал, была проиграна, как только он опустил глаза. Я секунда за секундой наблюдала, как он медленно разглядывал меня. Сначала мои груди – набухшие соски, жаждавшие его прикосновения. Его грудь тяжело вздымалась. Мне казалось, что я чувствую его прикосновения к моей коже, когда взгляд продолжил скользить все ниже. Он задержался на моей тонкой талии, чтобы оценить изящный изгиб бедер и плоский живот. Мы оба дышали часто и прерывисто, взгляд Чэнса скользнул еще ниже и остановился на тонкой линии последнего рубежа. У меня между ног было уже влажно, а ведь мы еще даже не прикоснулись друг к другу. Я чуть разума не лишилась, когда Чэнс облизал губы.

– Обри, – прохрипел он с такой мукой в голосе, словно действительно страдал от физической боли.

Я чувствовала, что Чэнс был на грани того, чтобы отвергнуть меня снова, и осознавала, что никакая сила в мире не заставит меня пережить это разочарование еще раз. Я отчаянно желала его, даже понимая, что никогда не получу его целиком. Прижав палец к его губам, я заставила Чэнса молчать. На его лице отразилось сильнейшее потрясение, когда я сорвала с его талии полотенце, поднесла к лицу и с вызовом швырнула на пол.

Чэнс был в наивысшей степени возбуждения – об этом свидетельствовало его затвердевшее мужское естество, и я желала его сильнее, чем что-нибудь еще в своей жизни.

– Раз уж мы женаты, то должны исполнить свой супружеский долг.

Чэнс закрыл глаза, и в течение нескольких невыносимо долгих секунд я ждала ответа. Когда он снова взглянул на меня, все изменилось. Зрачки у него были расширены, взгляд дикий, сумасшедший, полный желания и первобытной страсти. Я словно смотрелась в зеркало, чувствуя себя такой же безумной.

– Забирайся на стол. – Он указал подбородком в сторону огромного панорамного окна, где стоял письменный стол, сидя за которым можно было любоваться видом на бульвар. Голос Чэнса звучал жестко и требовательно, я никогда не слышала, чтобы он так обращался ко мне. Ноги у меня подкашивались, когда я пересекла комнату и уселась туда, куда он мне указал.

– Я фантазировал о тебе каждую ночь, когда ложился спать, и каждое утро просыпался с твоим образом перед глазами и жестоким стояком.

Я осознавала, что его сильно влечет ко мне. Но только сейчас из его откровений до конца поняла, что его желания отражают мои собственные навязчивые фантазии о нем. И это придало мне смелости.

– Так покажи это. Покажи мне, как сильно ты меня хочешь. Сделай реальностью свои фантазии о нас.

Глаза Чэнса яростно сверкнули, губы скривились в порочной улыбке.

– Тебе вряд ли понравятся мои мечты – в них нет цветочных лепестков и машущих крыльшками голубков. В своих фантазиях я хватаю тебя за волосы и трахаю до потери пульса на этом столе. Ну, что, ты все еще хочешь прожить со мной эту мечту, Принцесса? – Он медленно приблизился ко мне и встал ровно напротив того места, где я сидела, словно отрезая мне путь к отступлению.

Я судорожно сглотнула и кивнула в знак согласия.

На его щеках снова появились ямочки. И хотя тяжелая артиллерия даже не была пущена в ход, я уже была побеждена.

– Раздвинь ноги.

Страстный взгляд Чэнса помог мне побороть внутренние запреты.

– У тебя самые идеальные сиськи, какие мне только приходилось когда-либо видеть. А эта пещерка между ног... она еще соблазнительнее, чем я мог представить.

Меня передернуло.

– А у тебя самый грязный язык.

Чэнс, склонив голову, приблизил губы к моей груди и поднял взгляд. Глаза сверкали синевой оттенка номер тринадцать.

– После сегодняшней ночи мой грязный язык понравится тебе еще больше.

Я закрыла глаза, когда он втянул правый сосок в рот и принялся играть с ним языком. Он лизал, всасывал, потом сжал зубами и сильно оттянул сосок, а потом, наигравшись с правым, перешел к левому.

Я тихо застонала и с трудом открыла глаза, чтобы увидеть выражение его лица. Чэнс, казалось, готов был съесть меня своим жадным, грешным ртом. Реальность оказалась куда лучше, чем фантазии, которые день за днем прокручивались в моей голове. Насладившись вдоволь моей грудью, язык Чэнса перешел от ложбинки между грудями вниз, к пупку. А потом Чэнс опустил на колени.

Руками он развел мои бедра.

– Шире, – хрипло приказал он.

Боже, как же я жаждала, чтобы его рот оказался там, в самом заветном месте. Я ухватилась за край стола и изо всех сил сжала его, так, что побелели костяшки пальцев.

Казалось, Чэнс любовался мной бесконечно, а я сидела перед ним нагая и совершенно открытая, и мне вдруг захотелось свести ноги и спрятаться от него. Но тут Чэнс снова облизал губы. Он фактически истекал слюной от желания попробовать меня на вкус. Это было самое эротическое переживание в моей жизни.

Он склонился совсем близко и подул снизу на клитор. Прохладная струя воздуха смешалась с выделившейся влагой, и каждый нерв моего тела словно ожил и завибрировал. Я прерывисто дышала от одного лишь предвкушения. Казалось, дыхание вот-вот остановится только от ощущения его губ на моем теле.

Чэнс снова посмотрел мне в лицо, и наши глаза встретились.

– Не отводи глаза, Обри, наблюдай за мной, пока я не слижу последнюю каплю с этой сладкой киски.

Я ничего не могла ответить. Разве только что-нибудь совершенно бессвязное. В любом случае Чэнс и не ждал моего ответа. Он обхватил мои ягодицы и придвинул меня на самый край стола, а затем зарылся лицом между ног. Опустошая меня, Чэнс сосал, лизал, доводя мое тело до грани оргазма, затем отступал, ослабляя ласку и замедляя ее темп. Чэнс не позволял мне перейти заветную грань. Каждый раз, когда мое дыхание немного выравнивалось, он начинал все сначала. Это был безжалостный акт, сводящий с ума, и я уже была на грани безумия.

В третий раз, когда он замедлил темп в тот момент, когда я была уже готова забиться в оргазме, я мертвой хваткой схватила Чэнса за волосы и притянула голову к себе, заставляя продолжать сладкую пытку.

– Чэнс, я... хочу этого...

– Не сейчас.

Часть меня была готова прибить его, но другая, более сильная часть, отчаянно желала прийти к освобождению.

– Пожалуйста. Я хочу...

– Нет...

Чэнс не позволил мне кончить. Тогда я вцепилась в его густую гриву и заставила подняться. Я услышала, как он довольно хохотнул, но трюк сработал. Чэнс приник губами к моим губам, глубоко проникая языком в рот, полизывая и покусывая, двигая языком туда и обратно, пока снова не довел меня до крайней степени возбуждения. Когда я уже балансировала на краю

экстаза, Чэнс снова опустился вниз, принялся с силой сосать мой клитор, и мир вокруг меня закружился. Я выкрикнула его имя, когда оргазм пронизал все мое тело с ног до головы. Чэнс не останавливался до тех пор, пока мое тело полностью не расслабилось и я не откинулась назад, уже не в состоянии оставаться в сидячем положении.

Чэнс взял меня на руки, отнес к кровати и бережно опустил на нее. Только минуту назад я была в полном изнеможении, и все-таки стоящая передо мной обнаженная фигура Чэнса вдруг снова вернула мне силы. Я услышала, как зашелестела упаковка презерватива, и посмотрела, как Чэнс натягивал его, скользя рукой по внушительных размеров члену. Живые соки желания вновь потекли по моему телу. Чэнс был прекрасен.

Когда он был готов, я протянула руку и сплела мои пальцы с его. Чэнс взобрался на кровать и отвел наши переплетенные руки мне за голову, слегка придавив мои ладони. Он навис надо мной, а головка его члена точно направилась в мое раскрытое отверстие. Чэнс жадно рассматривал мое лицо, пока наши взгляды не встретились. Он нежно поцеловал меня в губы, а потом осторожно вошел. Сначала он входил и выходил медленно, а затем проник глубже. Остановившись, он застонал и не двигался несколько секунд – по его лицу можно было понять, что находиться внутри меня было для него огромным наслаждением; ему даже не хотелось двигаться.

Я обвила его спину ногами, и эта позиция позволила ему проникнуть еще глубже.

– Блин! – Он закрыл глаза и запрокинул голову. Мне доставляло удовольствие наблюдать, как он изо всех сил старается оттянуть финальный акт.

Мы легко нашли общий ритм и задвигались в лихорадочной пляске. Наши тела стали скользкими от испарины, и мы скользили вверх-вниз, наши бедра извивались в круговом движении, пока нас не начала бить лихорадочная дрожь. Я застонала, когда почувствовала, что Чэнс близок к завершению. Ритм его толчков ускорился, он входил в меня все глубже и глубже, пока мы не кончили одновременно, глядя в глаза друг другу.

Несколькими часами позже, истощенная чередой оргазмов, я, наконец, крепко уснула. Полная новых надежд, я провалилась в сон с одной лишь мыслью, что хочу проснуться и снова увидеть Чэнса рядом с собой.

Когда я проснулась, солнце светило сквозь высокие окна, согревая мое обнаженное тело. Я понятия не имела, который теперь час, но знала, что, по крайней мере, не позднее полудня. Я вытянула руки над головой и потянулась. Мышцы болели, хотя я с удовольствием принимала эту боль. У меня и раньше был так называемый здоровый секс. До недавней ночи я могла бы утверждать, что мой предыдущий опыт был вполне удовлетворительным. Но то, что случилось между мной и Чэнсом, не шло ни в какое сравнение с прежними отношениями.

Улыбаясь своим мыслям, я пошарила рукой по кровати, в нетерпении от жажды физического контакта. Но место Чэнса пустовало, и я повернулась и прислушалась к звукам, которые могли выдать его присутствие. Было тихо, но через минуту, словно в ответ на мой вопрос, раздался стук в дверь. Я закуталась в простыню и прошлепала к двери. Но вместо Чэнса на пороге стояла женщина в форме горничной и с тележкой.

– Хм-м-м. – Я плотнее завернулась в простыню. – Не могли бы вы прийти немного позже. Мы выезжаем сегодня после обеда.

Женщина взглянула на часы и обратилась ко мне:

– Пятнадцати минут вам хватит?

У меня вовсе не было желания собираться как на пожар, но, тем не менее, я кивнула в знак согласия. Я закрыла за собой дверь и оглядела обе комнаты, хотя уже точно знала, что, кроме меня, в номере никого нет. В животе возникло неприятное ноющее чувство – я не хотела, чтобы это путешествие так закончилось. Чэнс не давал мне повода думать, что наши отношения продолжатся после прибытия в Калифорнию. На самом деле он с самого начала предельно

ясно давал понять, что это просто совместная поездка и ничего более. Но разве прошлая ночь ничего не изменила? Мне так хотелось бы верить в это, несмотря на тревожное предчувствие.

Под душем я закрыла глаза и предалась воспоминаниям о том, как Чэнс склонялся надо мной ранним утром. Это был уже наш третий заход, но как он отличался от первых двух. Позади осталось наше бешеное стремление слиться друг с другом, мы уже не спешили, вкладывая нежность в каждое движение, и это было прекрасно. Секс у меня был и раньше, но никогда до этого момента я не занималась любовью.

Теплая вода стекала по моей коже, а я снова и снова проигрывала в мыслях все пережитое этой ночью. Внезапно мне на память пришли его последние слова перед тем, как я провалилась в сон. «Ты удивительная женщина, – сказал Чэнс. – Спасибо за то, что воплотила мои фантазии в реальность. Надеюсь, что все твои мечты тоже сбудутся. Ты заслуживаешь этого, Обри». В тот момент я решила, что это был красивый комплимент. Но теперь при воспоминании об этом меня скрутил сильный рвотный позыв, и мне открылась правда во всей своей неприглядности: этими словами он прощался со мной.

Глава 11

Я освободила обе комнаты и до шести часов сидела в вестибюле отеля, хотя и понимала, что поступаю глупо. Вся одежда Чэнса исчезла – было очевидно, что он и не собирался возвращаться, тайком выбираясь из номера, пока я крепко спала. Однако по какой-то неведомой причине я не могла просто взять и уехать. Я сидела на кожаном диване в шумном застекленном атриуме, не отрывая взгляда от входа. А вдруг Чэнс передумает? Может, он вскочил в автобус и отправился в Калифорнию, а потом пожалел о том, что уехал. Что, если он бросится назад, а меня уже не будет на месте? Затем я вспомнила, что у него был мой номер телефона, и, тем не менее, Чэнс не позвонил мне. До меня, наконец, начала доходить вся безысходность и нелепость ситуации.

В дверь рука об руку вошла парочка. На девушке было узкое белое платье и длинная фата, в руках она сжимала круглый букетик из алых роз. На парне был строгий костюм с ослабленным узлом на галстуке. В петлице красовалась роза в тон букету невесты. Я наблюдала, как жених привлек невесту к себе, и они слились в долгом страстном поцелуе, а потом с улыбающимися, счастливыми лицами подошли к стойке регистрации. По моим щекам покатались слезы, и, надо сказать, уже не в первый раз за этот день.

– Вы только что вышли замуж? – В кресло напротив меня опустилась пожилая женщина с большой коробкой в руках. Ее седые волосы были уложены в объемистый пучок на макушке, который выглядел так, словно мог выдержать тайфун. Видимо, отсутствующее выражение на моем лице говорило о том, что мои мысли блуждают где-то очень далеко от происходящего вокруг.

– Простите?

Она взглядом указала на кольцо на моем пальце, которое я рассеянно крутила. Мое обручальное кольцо.

– А-а... Нет... Это не настоящее обручальное кольцо. Видите ли, это была шутка... – Действительно, надо мной очень зло пошутили.

Она понимающе кивнула.

– На следующей неделе исполнилось бы пятьдесят лет со дня моей свадьбы.

Я решила, что она потеряла мужа.

– Как жаль...

– Почему это?

– Вы же сказали «исполнилось бы»... Насколько я понимаю, ваш муж умер?

– Да нет же, черт бы его побрал! Я не настолько везучая. Этот негодяй оказался гнусным обманщиком, мошенником и к тому же неисправимым игроком.

– И как же вы с ним поступили?

– Я поняла, что выросла из коротких штанишек наших отношений, дала ему хорошего пинка под зад и оформила развод. Тому уже сорок лет минуло.

Я улыбнулась, пожалуй, первый раз за это утро.

– Вот это другой разговор. Такая милая девушка, как вы, всегда должна улыбаться.

– Спасибо за комплимент.

– И что же сотворил с вами этот ублюдок? – Эпитет, который она использовала, говоря о мужчине, обманувшем меня, слегка покоробил.

Я покачала головой.

– Он уехал, даже не попрощавшись.

– Похоже, он просто трус.

Я была раздавлена и чувствовала себя полной идиоткой. Но моя новая знакомая была права, а я лишь усугубляла нелепую ситуацию, сидя здесь в напрасных ожиданиях, – в глубине

души я точно знала, что он за мной не вернется. Как ни прискорбно было это признавать, Чэнс действительно оказался трусом. Мерзким предателем, у которого не хватило мужества даже попроситься. Я издала грустный вздох и поднялась с дивана.

– Благодарю вас.

– Но за что?

– За напоминание о том, что мне пора бы уже повзрослеть.

Владелец гостиницы для животных встретил меня радушной улыбкой.

– В целом ваш питомец вел себя хорошо. Правда, испугал нас до полусмерти, когда вдруг грохнулся на пол. Но потом мы вспомнили, что вы нам рассказывали про синдром козьего обморока. Мы его искупали, чтобы во время дальнейшего путешествия он был чистенький и свеженький.

Эсмемальда-Снежинка бросился ко мне в объятия, а потом принялся радостно скакать вокруг. Он явно был в крайней степени возбуждения. Держа за поводок, мы подвели козленка к моей машине, стоящей на парковке. Это была последняя остановка перед тем, как я покину Лас-Вегас.

Я шла словно во сне. Все вокруг казалось нереальным. Я в любой момент ожидала услышать за своей спиной голос Чэнса.

О-О-БРИ-И

«Ты же не думаешь, что я действительно брошу тебя, Принцесса?»

В груди у меня все сжималось, как будто она была готова разорваться, но шоковое состояние, в котором я пребывала, не давало выплеснуть наружу все то отчаяние, которое скопилось в моем сердце.

Я впустила Эсмемальду на заднее сиденье и, совершенно обессиленная, опустилась на водительское кресло – у меня не было энергии даже на то, чтобы завести машину. Оглянувшись, я произнесла:

– Вот такие дела. Остались только мы вдвоем. Ты готов отправиться в путь?

Вдруг козлик перепрыгнул через центральную консоль и оказался на переднем сиденье. Я наблюдала, как он старательно обнюхивает все вокруг, при этом громко и отчаянно блея. Казалось, он действительно пытается что-то мне сказать.

Неужели он чувствует, что Чэнс не вернется, с удивлением подумала я. Животные обладают в этом отношении поразительным чутьем.

– Он бросил нас. Нет больше Чэнса, – сказала я, нежно поглаживая мохнатую головку и пытаясь сама переварить боль от этих слов. Потом шепотом произнесла еще раз: – Он ушел от нас.

Мой питомец принялся кружиться на сиденье, а потом замер, опустив голову.

То, что произошло потом, потрясло меня до глубины души.

Козлик жалобно захныкал.

Неужели он плачет?

Жалобные звуки становились все громче и громче, и я пришла к выводу, что он действительно плачет. Бедный малыш скучал по Чэнсу, и он либо понял, что я ему сказала, либо осознал потерю каким-то неведомым мне шестым чувством.

Козленок посмотрел на меня полными грусти глазами, и в этот самый момент меня провало. Все мои эмоции хлынули наружу, я опустила голову, прижавшись лбом к рулю, и в голос разрыдалась. Меньше чем за неделю я нашла счастье всей моей жизни и испытала величайшую потерю, разбившую мое сердце. Было такое ощущение, что я родилась заново только для того, чтобы оказаться разрушенной теми же чувствами, что дали мне силы на новую жизнь.

Несмотря на то, что мы занимались любовью всего двадцать четыре часа назад, казалось, что Чэнс теперь бесконечно далеко от меня, что он всего лишь приснился мне. Но слегка болез-

ненные ощущения между ног говорили о том, что ночь, проведенная вместе, – наша первая и последняя ночь – была вполне реальна.

Я смахнула слезы с глаз.

Я уже выросла из коротких штанишек. Я взрослая разумная женщина.

Когда я, наконец, набралась смелости, чтобы пуститься в путь, оказалось, что у меня новый штурман. Эсмеральда спал, свернувшись клубочком на переднем сиденье.

Когда мы проезжали мимо знака «Выезд из Лас-Вегаса», я пожелала, чтобы поговорка: «Все, что происходит в Вегасе, остается в Вегасе» оказалась правдой. Тем не менее я знала – то, что случилось со мной в Вегасе, будет преследовать меня еще очень долгое время.

Глава 12

Прошло два месяца. Я прилагала все усилия, чтобы обустроиться в арендованном бунгало, но, несмотря на это, пришла к выводу, что потеря Чэнса оказалась равносильна смерти. Более того, я прошла через все пять стадий принятия неизбежного: отрицание, гнев, чувство вины, депрессию и смирение.

В Лас-Вегасе, поняв, наконец, что Чэнс ушел, я напрочь отказывалась признать этот факт. На протяжении всего пути в Калифорнию меня охватывал гнев, который все разрастался, и я сконцентрировалась не столько на мысли о потере, сколько на том, что Чэнс подло предал меня.

Стадия чувства вины обрушилась на меня после прибытия в Темекулу и продолжалась около недели. «Вот если бы я сама на него не вешалась...», «Вот если бы я ему сказала, как много он значит для меня...». Я винила именно себя за то, что он ушел.

Четвертая стадия продолжалась недолго и не оказала на меня такого воздействия, как остальные. Самым тяжелым состоянием стала депрессия. Она выбила меня из колеи по крайней мере на полтора месяца. Помимо работы, я ничем не занималась, просто сидела дома, погруженная в отчаяние от осознания того, что больше никогда в жизни не встречу человека, который вызовет у меня столь же бурные чувства, как Чэнс. Несмотря на столь плачевный конец наших отношений, я действительно была уверена в том, что после него не смогу смотреть ни на одного мужчину. Я просыпалась посреди ночи в холодном поту от удивительно реального и болезненно повторяющегося сна, в котором Чэнс, предаваясь со мной безудержному сексу, повторял снова и снова, как он сожалеет о случившемся, как он любит меня и что он признает свою ошибку. Меня начинали душить слезы, и, обессилив от эмоций, я засыпала. На самом деле депрессия так и не ушла до конца, но дни проходили без единой весточки от Чэнса, и я, наконец, перешла к последней стадии горя: принятию неизбежного.

Как тяжело это ни было, я в конце концов достигла состояния смирения, признавая, что он никогда ко мне не вернется. У меня не было иного выбора, как продолжать жить. Это означало, что не надо отбрасывать мысль о том, что придется встречаться с другими мужчинами. В одном я была уверена: я никогда не смогу пережить эту потерю, если буду по ночам лежать в постели и представлять, что я испытывала, когда мы занимались любовью.

Я все еще жаждала его объятий. И, возможно, никогда не смогу от этого избавиться.

Если бы в процессе горестных переживаний была шестая стадия, ее следовало бы назвать «очищение от дерьма». Мне казалось, что даже пребывание в машине причиняет мне невыносимую боль. Ведь наши отношения, по большей части, развивались в этой «БМВ». Каждый раз, когда я поворачивала голову вправо, я словно слышала смех Чэнса, видела, как он посасывает палочку «Пикси». Дух Чэнса всегда будет жить в этом автомобиле.

Когда в один солнечный субботний день я пришла в автомобильный салон, меня обуревали противоречивые эмоции. В конце концов, я остановила свой выбор на Audi S3. Когда я уже садилась в новую машину, чтобы уехать, женщина, которая помогала провернуть сделку по обмену старой машины на новую, позвала меня:

– Мэм!

Я обернулась и увидела, что она стоит, зажав в руке статуэтку Обамы с качающейся на пружинке головой. Сердце мое сжалось.

– Вы тут кое-что забыли. Я вытащила это из вашей старой машины. Правда, на панели осталось немного клея, но мы его уберем. Наверное, вам бы хотелось сохранить эту штуку.

Я уже почти приняла статуэтку из ее рук. Почти. Борясь со слезами, которые упорно наворачивались на глаза, я все же убрала протянутую было руку.

– Оставьте это себе.

Прошло уже несколько месяцев со дня расставания с Чэнсом, но пытаться впустить в жизнь что-то новое было несравнимо более сложной задачей, чем отбросить старое.

Джереми Лонгторп был исполнительным директором компании, занимающейся информационными технологиями, и по совместительству моим клиентом. Мы проводили вместе бесконечные часы, готовя документы для подачи на патент одного из его новых изобретений.

Несмотря на то, что он недвусмысленно давал мне понять, что испытывает ко мне интерес, я делала вид, что не замечаю намеки, которые он неоднократно высказывал в мой адрес. Это был очень милый молодой человек и, надо сказать, выглядел весьма привлекательно – этаким эксцентричным интеллектуалом в очках. Если бы мы начали встречаться с ним, то это, несомненно, создало бы определенный конфликт интересов, несмотря на то, что в нашей фирме не существовало четких правил по поводу романов с клиентами.

По правде говоря, я все еще не была готова к новым отношениям. Мои мысли по-прежнему были заняты воспоминаниями о Чэнсе. Как я ни пыталась избавиться от всех вещей, напоминающих мне о нем, чувства, по-прежнему наполняющие меня, упорно не желали уходить, несмотря на все мои отчаянные попытки. И хотя Чэнс причинил мне невыносимую боль, он все еще царил в моих мыслях и в моем разбитом сердце.

По крайней мере, времяпровождение с Джереми отвлекало меня от горестных переживаний. Однажды в пятницу он должен был встретиться со мной в офисе для того, чтобы поработать до позднего вечера. Он позвонил мне с дороги, чтобы сообщить, что слегка задерживается, и спросил, что принести из еды.

– Что-нибудь фастфудное и очень вредное для здоровья, – ответила я. – В соответствии с моим сегодняшним настроением.

– Будет сделано, – ответил он.

Какой же он все-таки милый.

Запах жареной жирной пищи достиг моих ноздрей еще до того, как я заметила Джереми, направляющегося сквозь лабиринт стеклянных кубиков к моему угловому кабинету.

– Так как ты не соизволила высказать конкретные предпочтения, я набрал кучу разной вредной еды.

– Спасибо. Я просто умираю от голода.

Он отодвинул на край стола бумаги, лежащие передо мной.

– Почему бы нам не насладиться ужином, прежде чем приступить к работе?

– Вот и отлично, – произнесла я, нетерпеливо роюсь в пакетах.

Он купил все это в «Тако Белл», «Пицца Хат» и «Чикен Папай».

Боже мой! «Чикен Папай»...

Это было сущее наваждение. Чэнс был повсюду. Я сгребла куриные наггетсы и впилась в сочное мясо зубами. Джереми тоже протянул руку и схватил один из кусочков.

– Эй, руки прочь от моих наггетсов, – шутливо произнесла я и тут же вспомнила, как говорила почти те же самые слова Чэнсу в день нашей первой встречи. Воспоминания, связанные с подобными мелочами, накатывались волнами и всегда приносили с собой невыносимую боль.

Я внезапно прекратила жевать.

Джереми отложил свой бутерброд и спросил с набитым ртом:

– С тобой все в порядке?

– Да, все нормально.

– Ты что, разозлилась, что я украл твой наггетс?

Я натянута улыбнулась.

– Нет-нет... Дело совсем в другом.

Джереми наклонился ко мне.

– Тогда что случилось?

Опуская глаза, я произнесла:

– Ничего особенного.

– Обри, совершенно очевидно, что тебя что-то расстроило. Ты сначала набросилась на еду и жевала, как автомат, а потом вдруг потеряла к ней интерес. В чем все-таки дело?

Выражение моего лица было красноречивее многих слов.

– Ты можешь рассказать мне все, – сочувственно произнес он.

Мне хотелось с кем-нибудь поделиться своими горестями, ведь я так и носила все это в себе. Ни одна душа на свете не знала, что со мной произошло.

– Ты действительно хочешь это знать?

– Действительно хочу.

В течение следующего часа я вылила на Джереми все, что произошло между нами с Чэнсом. Он слушал очень внимательно, не вынося никаких суждений, и для меня было огромным облегчением дать волю словам и эмоциям.

Джереми медленно кивнул, скрестив руки на груди и сочувственно улыбаясь.

– Ну, тогда это все объясняет...

– Что ты имеешь в виду?

– То, как ты закрываешься, когда я намекаю, что неплохо бы сходить куда-нибудь вместе.

– Значит, ты это заметил?

– Конечно. Я замечаю все, что касается тебя. – Он опустил глаза, явно испытывая смущение от того, что признался в своих чувствах, хотя и довольно иносказательно. Потом, подняв голову, он произнес: – Ты мне действительно очень нравишься, Обри.

– Ты мне тоже нравишься. Мне не хотелось бы, чтобы ты считал, что мои сомнения связаны с тобой.

Он положил руку на мое плечо.

– Послушай... Теперь, когда я знаю причину твоей сдержанности и закрытости, думаю, тем более важно сходить куда-нибудь развлечься. Обещаю, что не буду ждать ничего определенного от этих отношений. Просто позволь мне быть твоим другом. И если отношения получат продолжение, я буду счастлив. Если же этого не произойдет и события будут развиваться по пессимистическому сценарию, что ж, в любом случае, мы просто хорошо проведем время вместе.

Я улыбнулась.

– Значит, ты прямо сейчас, без намеков приглашаешь меня на свидание?

– Да. Все, что я прошу, это воспользоваться шансом. Ну как, пойдешь со мной на свидание?

Воспользоваться шансом...

Я не называла имени Чэнса, когда рассказывала Джереми свою историю, это просто странное совпадение, своего рода ирония судьбы.

– Значит, предлагаешь воспользоваться шансом, так?

– Конечно.

– Хорошо, Джереми. Я, пожалуй, им воспользуюсь.

Часть II

Два года спустя
Чэнс

Глава 13

Я сжимал и разжимал кулаки, сидя на узкой жесткой койке, к которой так и не привык за эти два года. Этого дня я ожидал с томительным нетерпением, и все же, чем ближе приближался момент, когда я выйду отсюда, тем больше росло мое беспокойство. Оглядывая серые мрачные стены нашей убогой тесной камеры, я с трудом верил, что этот день все же настал.

Я встал и прошелся, нервно разминая суставы пальцев.

– Черт тебя возьми, парень! Что с тобой происходит? – недовольно пробурчал мой сокамерник Эдди. – Ты же вроде с таким нетерпением этого ждал.

– Ты еще узнаешь, каково это, когда придет твой день.

– У-ух! У меня крышу снесет к чертовой бабушке – вот как это будет! Случайно не хочешь поменяться местами? Я бы сплавил половину мозгов, только бы оказаться на твоём месте.

– Не сомневаюсь. Только не думай, что скорое освобождение меня не радует. Просто многое сильно изменилось с тех пор, как я попал сюда. Это место... я уже привык к нему. Уйти отсюда – все равно что нырнуть в черную дыру. Здесь, по крайней мере, я знаю, что меня ждет завтра.

– Прошло всего два года, а не сорок.

– За эти два года многое могло случиться, дружище. Я слишком хорошо узнал, как это бывает.

После этих слов на сердце стало еще тяжелее. Два года назад у меня была мать. Ее больше нет. Моя мама умерла. Мне больно осознавать, что ее больше нет на свете. Одного этого достаточно, чтобы спрятаться здесь от реальности. Мама страдала от аневризмы, получила ее во время дорожного происшествия где-то год назад. А я был заперт здесь и не смог даже попрощаться с ней, когда она боролась в больнице за жизнь, и этого я себе никогда не прощу.

На моей совести много поступков, которые я никогда себе не прощу.

Следующий вопрос Эдди был словно удар под дых.

– Ты будешь искать ее?

– Кого?

Конечно, я знаю, кого он имеет в виду.

– Ты знаешь, кого.

Я в растерянности запустил пальцы в волосы.

Ну, какого черта он заговорил о ней.

– Нет, – отрезал я непреклонно.

– Так-таки и нет?

Я повторил еще тверже:

– Нет!

– Почему это?

– Да потому, что прошло уже два гребаных года. Вероятно, она уже вышла замуж и даже родила ребенка. И есть еще одна маленькая деталь – она ненавидит меня за мой поступок и наверняка даже желает мне смерти за то, что разбил ее сердце, черт бы меня побрал!

Я вовсе не собирался болтать с Эдди об Обри. У меня никогда не возникало желания хоть с кем-нибудь обсуждать наши с ней отношения, особенно обстоятельства, при которых я покинул ее.

Однажды ночью я, видимо, бормотал во сне, повторяя: «Обри, прости. Прости меня, негодяя». Это разбудило Эдди, и тот вытянул из меня почти всю историю. Сны повторялись снова и снова, и Эдди, которого все это порядком достало, окрестил мои сновидения ее именем. «Ночью к тебе приходила Обри».

– Ты не можешь знать наверняка, желает она тебе зла или нет.

– Какое это имеет значение, Эдди? Даже если она еще не замужем... Ведь я так подло удрал от нее в то утро именно для того, чтобы заставить ее возненавидеть меня, чтобы она продолжала жить полноценной жизнью, а не ждала меня целых два года, пока я был заперт тут, в этом аду. Получается, я намеренно разбил ей сердце, и что теперь? Думаешь, я могу явиться к ней как ни в чем не бывало и попытаться восстановить отношения?

– Неужели тебе даже не любопытно, что с ней стало?

Вот гребаный зануда.

Конечно, мне хотелось это знать.

Я пожал плечами, глубоко вздохнул и снова уселся на койку, уставившись в стену.

– Надеюсь, что она счастлива и пошла по жизни своим путем. Я действительно желаю ей только хорошего. Но я также стопудово уверен, что вовсе не хочу быть свидетелем этого счастья.

– Ну, тебе решать. Смотри, как бы не пришлось потом пожалеть об этом. Я же вижу, как все это дерьмо просто рвет тебя на части.

– Эд, да ты никак заделался мозгоправом?

– Не требуется большого ума, чтобы заметить все это. Послушай, ты хороший парень. Она будет гордиться тобой, если увидит в тебе то, что вижу я. Ты не терял времени даром, я никогда не видел здесь таких, как ты.

Ну да, блин, я изо всех сил старался провести время тюремного заключения с пользой. Поступил на курсы, чтобы закончить образование и получить степень, и даже организовал футбольную команду из несовершеннолетних заключенных. Я был решительно настроен и собирался извлечь максимум из этих двух лет. Если пребывание здесь означало отказ от всего, что мне было дорого, то пусть, черт побери, эти жертвы будут хотя бы не напрасны. Я не сомневался, что выйду из тюрьмы другим человеком – не то чтобы более счастливым, но, несомненно, намного более сильным.

Эдди прервал мои мысли.

– Позволь спросить вот что. А если бы ты узнал, что эта телка живет все там же и по-прежнему одна? Ты не думаешь, что стоит рискнуть и подкатиться к ней ради возможности получить второй шанс, даже если это грозит разочарованием?

Не успел я ответить, как раздался протяжный скрип железной двери, отозвавшийся эхом по всему тюремному коридору.

Я посмотрел на Эдди.

– Думаю, это за мной.

Он обнял меня, похлопывая по спине.

– Когда настроение будет совсем паршивым, подумай об этом. Как бы то ни было, дружище Чэнси, ты все-таки один из лучших красавчиков, когда-либо уносивших ноги из тюрьмы с нетронутой задницей.

Я расхохотался, может, слишком истерически. Положительно, я буду скучать по нему.

– Ты отличный парень, Эд. Тебе всегда удавалось показать мне светлую сторону жизни.

– Рад, что у меня получалось поддержать тебя.

– Ну, пока. Будем на связи, да? – сказал я ему и вышел из камеры.

Я глубоко выдохнул, следуя за тюремным охранником по коридорам, под напутственные грубоватые выкрики, свист и аплодисменты заключенных, с некоторыми из них я успел завести приятельские отношения.

Меня провели в кабинет, где я подписал документы об освобождении. Все происходящее казалось нереальным. Несомненно, я должен был бы чувствовать себя на седьмом небе от счастья. Но, как ни странно, перспектива через несколько минут стать свободным человеком вводила меня в состояние странного оцепенения.

Я ждал, пока мне принесут большой пластиковый пакет с вещами. Открыть этот пакет – все равно что вскрыть капсулы времени. Там были мои джинсы и темно-синий свитер – то, что я носил до ареста, а также кошелек, телефон и часы.

Айфон разрядился, и я спросил охранника, не найдется ли у него зарядного устройства. Но поскольку за два года, пока я сидел, эта модель устарела, ничего подходящего найти не удалось. С тех пор компания Apple, видимо, уже выпустила пару новых версий. Охранник в конце концов нашел у кого-то в офисе подходящий зарядник.

– Вы можете зарядить ваш телефон прямо здесь. Одевайтесь и можете идти.

Я кивнул.

– Спасибо, сэр.

Я воткнул зарядное устройство в розетку и продолжал одеваться. Через несколько минут экран засветился, и мобильник заработал. Я подождал еще немного, чтобы зарядки хватило до дома сестры и мне было чем заняться в дороге. Сестре, тем не менее, я решил не звонить, так как хотел сделать ей сюрприз.

Направляясь к выходу, я чувствовал себя рыбой, выброшенной из воды. Проходя мимо поста охранника, я невольно замедлил шаг.

Яркое солнце снаружи буквально ослепило меня. Я остановился, да так и стоял перед массивным зданием тюрьмы, будто отброшенный на два года назад и понятия не имеющий, что делать со своей жизнью. Мне казалось, что я сдался полиции только вчера, и в то же время меня не покидало ощущение, что с того момента прошла целая жизнь.

Как можно заново познакомиться со своей прежней жизнью? Невольно возникал вопрос: «На чем я остановился, и как жить дальше?»

Я огляделся. Где найти справочник с советами, что делать с этой гребаной жизнью, когда ты выходишь из тюрьмы после двух лет небытия?

Когда тебя запирают в камере, кажется, что твоя жизнь поставлена на паузу. Ты выходишь на волю и ожидаешь, что все осталось по-прежнему и ты можешь начать с той же точки, но, черт побери, тебе прекрасно известно, что это не так.

А мне до чертиков хотелось вернуться в то время, на котором оборвалась тогда моя жизнь.

Ведь в той жизни была ОНА.

Я отдал бы сейчас все на свете, чтобы можно было просто щелкнуть пальцами, и она, словно по волшебству, подкатила бы к воротам тюрьмы на том самом «БМВ» вместе с вонючим козленком на заднем сиденье. Но, как говорится, мечтать не вредно.

Тут я понял, что мои мысли свернули на очень опасную почву, а это может повлечь за собой ненужные иллюзии. Я тряхнул головой и вынул телефон, чтобы вызвать такси, но вспомнил, что понятия не имею, сколько денег у меня на счету. Каким-то чудесным образом работал Интернет. Мы с сестрой пользовались семейным тарифом, и она, видимо, до сих пор вносила плату. Я принял решение добраться до ближайшей железнодорожной станции, вместо того чтобы ехать на такси. Прежде чем отправиться в путь, я решил просмотреть фотографии в телефоне.

Вот дерьмо! Это оказалось ошибкой. Не надо было этого делать.

Фотогалерея открылась на последнем снимке. Это была Обри. Как живая.

О, Боже!

Я чувствовал, что сердце мое вернулось к жизни после двух лет бесчувствия.

Моя принцесса.

Неожиданно эмоции, которые, как я надеялся, были подавлены навсегда, вновь вернулись с прежней силой, и двухлетнего душевного онемения как не бывало.

Я почти уже не помнил, какая она красивая. Обри так и не узнала, что я сфотографировал ее перед тем, как покинул номер отеля, когда она мирно спала. Я хотел навсегда сохранить в памяти этот момент.

Это наша, будь она неладна, первая брачная ночь. Предполагалось, что наша свадьба была понарошку, но чувства-то были самыми что ни на есть настоящими. В моей жизни не было ничего более реального.

Сейчас я проклинал себя за то, что мне пришло в голову сделать этот снимок. Это была плохая идея. Мне следовало удалить из телефона все ее фотографии, чтобы никогда не видеть ту, что я потерял навсегда, чье сердце по моей вине было разбито на мириады кусочков.

В то время, когда я покидал ее, я действительно считал, что делаю это ради ее же блага. Я слишком хорошо понимал Обри. Она ждала бы меня каждый день из этих двух лет. А это было бы несправедливо. После всего, что она пережила, она заслужила право на новую жизнь. Другой город, другая жизнь... она была готова начать все сначала, жить той жизнью, к которой стремилась. Я не мог тянуть ее вниз, за собой, не мог заставить провести в печальном ожидании еще два одиноких года. Она заслуживала лучшей доли.

Трахаться с ней определенно не входило в мои планы. Несколько раз во время путешествия я едва не терял контроль над собой, но та ночь в Вегасе стала последней каплей, разнесшей в пух и прах все мои благие намерения. Я сдерживался из последних сил. Но и они имели предел. Я сдался, когда она, словно ураган, ворвалась ко мне в номер. Никогда прежде и больше ни с кем я не занимался любовью с таким неистовством, как в тот раз. И по сей день не сожалею об этом. Та ночь с ней была верхом блаженства для меня.

Я нежно провел пальцем по фотографии и не смог заставить себя перелистнуть ее. Я понял, что никогда не удалю этот снимок.

Сунув телефон обратно в карман, я наткнулся на что-то металлическое и вытащил этот предмет. На солнце блеснуло мое обручальное кольцо из поддельного золота, которое я все еще носил в день ареста. Поигрывая им между большим и указательным пальцем, я чувствовал, как внутри растет злость.

Так я и стоял, не сводя взгляда с кольца, пытаюсь осознать, с чем связан этот неконтролируемый приступ гнева. Скорее всего, я просто начал сомневаться в том, что принял тогда верное решение.

Вопрос, который задал мне Эдди – тот на который я так и не ответил, – снова всплыл в моей памяти. «А если бы ты узнал, что эта телка живет все там же и по-прежнему одна? Ты не думаешь, что стоит рискнуть и подкатиться к ней ради возможности получить второй шанс, даже если это грозит разочарованием?»

Надев кольцо на палец, я ответил:

– Черт меня подери, да, рискнуть все же стоит.

Я достал из кармана телефон. Сердце готово было выскочить из груди, когда я набрал в поисковой строке браузера «Обри Блум Темекула».

Глава 14

– Подсудимый, встаньте.

Я встал. Мой адвокат встал тоже.

– Мистер Найтмен, ваш адвокат дал вам разъяснения в отношении предъявляемых вам пунктов обвинения?

– Да, Ваша честь.

– Прежде чем я приму ваше заявление о признании вины, я должен быть уверен, что вы понимаете обвинения, выдвинутые против вас, последствия признания вами вины, а также то, что вы имеете право на судебное разбирательство. Процедура, которая имеет место сегодня, называется заявление подсудимого. Я задам вам несколько вопросов, и вам будет дана возможность до вынесения приговора сделать заявление от своего имени. У вас имеются вопросы по порядку проведения суда?

– Нет, Ваша честь.

– Вам предъявлены обвинения в нарушении статьи 242 Уголовного кодекса Калифорнии – нанесение тяжких телесных повреждений. Ваш адвокат объяснил вам состав преступления?

– Да, Ваша честь, объяснил.

– И вы осознаете, что имеете право на суд присяжных равного с вами социального статуса и что признание вины сегодня лишит вас возможности воспользоваться этим правом?

– Да, я все осознаю.

– И, тем не менее, сегодня вы отказываетесь от этого права и признаете себя виновным во вменяемом вам преступлении?

– Да, это так.

– Пожалуйста, изложите собственными словами детали преступления, в котором вас обвиняют.

– Меня обвиняют в причинении физического увечья другому человеку и нанесении ему тяжких телесных повреждений.

– Хорошо, мистер Найтмен. Суд считает, что вы понимаете суть преступления, в совершении которого вас обвиняют, а также последствия ваших сегодняшних заявлений. Окружной прокурор и ваш адвокат выдвинули заявление для рассмотрения в суде. Одно из условий признания вины требует, чтобы вы предоставили четкие детали совершенного вами преступления и причину, побудившую вас к данным действиям. Это устраняет любые сомнения в характере вашей вины. Вы готовы предоставить суду вашу версию происшедшего?

Я повернул голову и оглядел почти пустой зал суда. Пристав был занят тем, что вычищал грязь из-под ногтей. Несколько человек в серых костюмах низко опустили головы и строчили послания в своих телефонах. Складывалось впечатление, что не происходило ничего особенного; это был самый обычный день, как и все остальные. В зале находился только один человек, чье лицо выражало потрясение. Я приложил максимум усилий к тому, чтобы она не присутствовала, но она настояла на этом. Там, в третьем ряду зала суда, на ободранной скамье сидела одинокая фигурка – моя сестра Адель. Ее нос покраснел от непрерывно текущих по щекам слез. Я был в отчаянии от того, что ей снова и снова приходится слышать все эти подробности.

Вновь переведя внимание на ожидающего моего ответа судью, я кивнул и спокойно ответил:

– Да, Ваша честь. Я готов.

– Прекрасно. Что вы утверждаете, мистер Найтман? Поведайте суду, что произошло в ночь на десятое июля?

Я с трудом проглотил слюну.

– В ночь на десятое июля я пришел домой к наркоторговцу и пригрозил ему...

Судья прервал меня и переговорил с адвокатом.

– Это предполагаемый наркоторговец, не так ли? Пострадавший ведь ранее не привлекался за какое-либо правонарушение?

Мой адвокат подтвердил:

– Да, Ваша честь, пострадавший ранее не привлекался.

Это ли не удар под зад? Меня осудят, а настоящие преступники останутся на свободе?

Судья вновь обратился ко мне.

– Мистер Найтмен, вы можете называть пострадавшего либо «пострадавший», либо «предполагаемый наркоторговец», либо по имени. Любая иная формулировка не принимается. Вам это ясно?

Я так стиснул челюсти, что, казалось, зубы раздробятся, но все же кивнул. Черт, никакая сила в мире не заставит меня называть эту кучу смердящего дерьма «пострадавшим». Единственной пострадавшей в этой трагедии была Адель.

– Продолжайте.

– Как я уже упоминал, я пришел в дом предполагаемого наркоторговца, Дариуса Маршала и начал угрожать ему. Предполагаемый наркоторговец был дружкой моей сестры. По моему предположению, он ранее имел разногласия с другим предполагаемым наркоторговцем. Я угрозами пытался заставить Дариуса выдать мне местонахождение другого наркоторговца. Полиция выслеживала этого предполагаемого наркоторговца уже две недели и без особого результата. Я просто хотел помочь. Дариус отказался выдать мне местонахождение этого типа.

– А почему полиция искала другого предполагаемого наркоторговца?

Я посмотрел на судью и снова на мою сестру. Она выглядела совершенно сломленной. Собравшись с духом, я продолжил:

– Он изнасиловал мою сестру. Чтобы отомстить ее дружку Дариусу. И прежде чем насильник покинул ее, избитую и до смерти перепуганную, он бросил вслед угрозу, что еще вернется.

Впервые за все время лицо судьи смягчилось.

– Какие действия вы предприняли, когда Дариус Маршалл отказался предоставить нужную вам информацию?

Это была не такая уж большая победа, но судья, по крайней мере, больше не называл Дариуса «потерпевшим».

– Я стал избивать его.

– Вы использовали какое-либо оружие во время нападения?

Я бросил взгляд на защитника и снова на судью.

– Я так не думаю, Ваша честь.

– Вы так не думаете? Иначе говоря, вы не уверены?

– Ну... на месте происшествия не было обнаружено никакого оружия. И я не припомню, чтобы у меня что-то было. Но, нет, я не уверен...

– Почему, мистер Найтмен?

– Потому что часть происходившего во время драки выпала у меня из памяти.

– Понятно. Что последнее вы запомнили?

Я-то точно знал, что запомнил. Но, черт возьми, я определенно не желал еще раз рассказывать об этом вслух. Она была такой хрупкой и беззащитной.

Мой защитник прошептал:

– Ты должен это сказать, Чэнс.

Я откашлялся.

– Дариус кое-что сказал мне. И это последнее, что я запомнил.

– Что же он сказал, мистер Найтмен?

Мой защитник предупреждал меня, что не следует выказывать гнева. Я собрал в кулак последние остатки воли и заговорил:

– Он сказал... что моя сестра была законченной шлюхой, готовой на все ради наркоты, и что она задерет юбку перед первым попавшимся и сунет член в рот в обмен на дозу стоимостью в десять долларов.

При этих словах на лице судьи появилось сочувствующее выражение.

– А вам известен характер травм, нанесенных Дариусу Маршалу?

– Как мне сообщили, у него сломан нос и раздроблена глазница. К тому же у него сотрясение мозга и несколько сломанных ребер.

– И вы не припоминаете ни одного из своих действий, которое привело к таким увечьям?

– Нет, Ваша честь. Как я уже упоминал, следующее событие, которое я помню, – это сделанный им вызов: Хармон Стрит, 1925.

– Хорошо, мистер Найтмен. Мы почти закончили. У меня осталось лишь несколько дополнительных вопросов, прежде чем мы сделаем перерыв, а затем вернемся для вынесения приговора.

Я кивнул.

– Мистер Найтмен, вы сожалеете о содеянном?

Последний вопрос был яблоком раздора между мной и моим адвокатом. Он, разумеется, не имел права открыто советовать ложь на суде, но я умел читать между строк. Однако что сделано, то сделано. Я собирался с достоинством встретить любой приговор. Не прошло и трех часов после того, как Дариуса увезли на каталке в карете «Скорой помощи», и наркодилер, напавший на Адель, был арестован. Я прямо посмотрел в глаза судье и ответил честно, как перед лицом Господа:

– Нет. Я не сожалею о том, что совершил.

Было около четырех часов, когда судья снова пригласил нас в зал суда. Он снял очки и протер глаза, прежде чем начать свою речь.

– Мистер Найтмен, вы осознаете, что в результате признания своей вины вы лишаетесь некоторых важных гражданских прав, таких, как право голоса, право занимать государственные должности, право быть присяжным и право владеть огнестрельным оружием.

В течение двух месяцев у меня было время обдумать последствия своего поступка, и я ни капли не сожалел о возможных потерях. Зато Адель теперь может спать спокойно.

– Я понимаю, Ваша честь.

– Хорошо, мистер Найтмен. В таком случае ваше соглашение с окружным прокурором о тюремном заключении сроком на два года признается адекватным наказанием и, соответственно, принимается судом. Хотя суд выражает сочувствие вашей семье за то, что ей пришлось пережить, наша правовая система должна твердо стоять на принципах, обеспечивающих достижение ее целей. Мы не можем допустить, чтобы по городу бегали борцы за справедливость и вершили самосуд, как им вздумается. Ваша просьба дать вам время уладить дела удовлетворена с условием, что вы сдадите паспорт и лишитесь права покидать границы штата Калифорния. Настоящим вам приказано явиться в исправительное учреждение округа Лос-Анджелес через четырнадцать дней.

Судья стукнул молоточком, и это незамысловатое движение тут же превратило меня в осужденного преступника.

Глава 15

Несмотря на то, что наш дом находился в нескольких кварталах от пляжа, в воздухе чувствовался запах океана. Я полной грудью вдохнул в себя этот свежий солоноватый воздух, наслаждаясь тем, как мои легкие и все мое тело наполняются потрясающим ощущением – ощущением свободы.

Последнее, что я сделал, прежде чем сдать себя в руки правосудия, чтобы провести два года жизни в аду, это поместил сестру в реабилитационный центр. Я знал, что Адель идет на поправку и уже достаточно хорошо себя чувствует, о чем говорило выражение ее лица, она каждую субботу приходила навещать меня в тюрьме. Однако я все же изрядно нервничал из-за того, что собирался явиться без предупреждения, застав ее врасплох.

Когда я открыл тяжелую металлическую дверь нашего дома, ведущую на веранду, в мои уши ворвались оглушительные звуки. Мне было неожиданно приятно услышать их, и я невольно улыбнулся, несмотря на то, что когда-то ужасающие музыкальные предпочтения сестры заставляли меня лезть на стенку.

– Адель?

Мы жили в перестроенном помещении бывшего склада, и из-за высоких потолков громкие звуки обычно звучали приглушенно, но на сей раз завывания Тэйлора Свифта, доносящиеся из мощных динамиков, буквально оглушили меня.

– Адель? – снова позвал я уже громче. После всего, что она пережила, я не хотел ее сильно волновать. Я представления не имел, осталась ли она такой же запуганной, как тогда. После нападения она вздрагивала или вскакивала на ноги всякий раз, когда кто-то входил в комнату, даже если была не одна. Я бросил ключ в вазу на столе у двери и направился в кухню.

Мужчина в белой рубашке и трусах-боксерах гладил брюки на гранитной столешнице. Мы заметили друг друга одновременно. Он поднял утюг, держа его как оружие, а я поднял руки ладонями вперед, демонстрируя мирные намерения.

– Адель дома?

– А ты кто такой?

– Расслабься, дружище, – спокойно произнес я, все еще держа руки перед собой, чтобы он мог их видеть. Если есть что-то положительное в двухлетнем пребывании в тюрьме, это то, что я научился разрешать опасные ситуации.

– Я брат Адель, и это мой дом.

Глаза «боксера» сверкнули.

– Чэнс?

Ну, по крайней мере, один из нас идентифицирован.

– Да, это я.

– Твою мать! Извините. Я думал, что вас выпустят только на следующей неделе.

– Просто тюрьма переполнена, вот и выпустили раньше. – Я прищурился, глядя на утюг, который он все еще держал в руке. – Не хотел бы ты опустить эту штуку?

– Да, конечно. Извините. – Он опустил утюг на столешницу и сделал ко мне пару шагов, протягивая руку.

– Гарри. Гарри Бичэм. Я столько хорошего слышал о вас.

Будешь мне сказки рассказывать, Гарри?

– Хотел бы я то же самое сказать о тебе.

Внезапно из-за угла показалась сестра.

– Как ты думаешь, может, остановимся в... – Она запнулась на полуслове. – О, Боже! Это ты! – Она бросилась ко мне в объятия, чуть не сбив меня с ног. – Ты дома!

– Как видишь.

Адель вцепилась в меня мертвой хваткой, словно боялась разжать руки и отпустить меня. Она плакала, но вовсе не так, как в последний раз, когда я обнимал ее, – сейчас это были слезы счастья. Я слегка отстранился, чтобы разглядеть сестренку. Мы с ней встречались каждые две недели, но я видел лишь то, что она хотела мне показать. Сейчас ей было уже двадцать восемь. На ней была юбка и весьма женственная блузка. Волосы собраны в строгий пучок на макушке. В таком виде она была очень похожа на маму.

– Ты выглядишь... как-то... по-другому... Повзрослевшей, что ли...

Она смахнула слезы и разгладила юбку.

– Я так всегда одеваюсь на работу. Я же тебе говорила – устроилась работать секретарем.

Гарри покашлял. Парень все еще стоял в своих трусах-боксерах.

– Я уже опаздываю. Пора идти. Было приятно наконец познакомиться с вами, Чэнс.

Я взглянул на него.

– Надеюсь, ты не забудешь надеть брюки.

Он приобнял Адель за плечи и мягко произнес:

– Можешь отдохнуть сегодня утром. Увидимся после обеда.

Адель одарила «боксера» улыбкой и взглянула на меня, покусывая нижнюю губу.

– Извини. Я не знала, что ты приедешь... Гарольд – один из партнеров аудиторской фирмы, где я работаю.

– Он что, бухгалтер?

– Да. – Сестра улыбнулась. – Как видишь, совсем не тот типаж, на который я обычно западаю, правда?

Моя сестрица всегда обладала удивительной способностью связываться с неудачниками, которых меняла, как перчатки. Компашка, с которой она обычно путалась, исключала возможность встречи с дипломированным бухгалтером-аудитором.

– Ну, раз он тебе нравится, – не удержался я. – Только в следующий раз, когда я приду, пусть наденет штаны.

Мы с Адель провели все утро вместе, наверстывая упущенное и делись новостями. Разговор о маме был самым тягостным испытанием. После событий, произошедших два года назад, жизнь моей сестры могла повернуться как угодно. Смерть матери отбросила Адель назад, но я испытал облегчение, обнаружив, что все-таки она сумела изменить свою судьбу. А это означало, что все, через что мне пришлось пройти, в конце концов было не напрасным и принесло свои плоды. Сестра казалась такой... счастливой.

– Итак... – Адель собрала кружки, из которых мы пили кофе, поставила их в раковину и, прислонившись к столешнице, сложила руки на груди. – Ты собираешься с ней увидеться?

– С кем?

Зачем я снова притворяюсь? Я прекрасно понимаю, кого она имеет в виду.

– Со своей женой. – Она перевела взгляд на кольцо, которое все еще было на моем пальце, хотя я об этом совершенно забыл. Я тут же сунул руку в карман.

– Она вовсе не моя жена.

Адель закатила глаза.

– Ну, хорошо, твоя ненастоящая жена. Можешь называть ее как угодно. Хочешь с ней увидеться?

– Не начинай эту песню снова, Адель. – Во время одного из ее посещений, когда мне было особенно одиноко и тоскливо, я раскололся и все выболтал сестре про Обри. И тут же об этом пожалел. Следующие двадцать три месяца она только и делала, что уговаривала меня написать Обри и сообщить, где я нахожусь. Она даже предложила самой пойти поговорить с Обри – так ей хотелось, чтобы я не потерял надежду.

– Ты так ничего о ней и не узнал?

– Я всего три часа на свободе.

Сестра сощурилась.

– Это значит «да»?

Я покачал головой, не достаивая ее ответом, но она уже обо всем догадалась.

– А теперь я собираюсь долго-долго принимать очень горячий душ. Мне этого так не хватало.

Проблеск надежды, мелькнувший было на лице сестры, угас. Я подошел и поднял ее лицо за подбородок, чтобы посмотреть ей в глаза.

– Эй, выше нос. Я горжусь тобой. Давай больше не будем возвращаться к прошлому. Я теперь полностью свободен. Ты носишь строгий пучок на голове и встречаешься с парнем, который точно умеет обращаться со столовыми приборами. Я бы сказал, все сложилось как нельзя лучше, правда?

На ее глазах снова показались слезы, она обняла меня еще раз. У меня отличная сестренка. Сегодня я смогу спать спокойно. И это будет в первый раз после того, как я покинул в Лас-Вегасе спящую Обри. Воспоминание об этом причинило мне почти физическую боль, и я невольно потер грудь, как будто надеялся унять ее.

– Ты будешь здесь, когда я вечером вернусь с работы?

– Честно говоря, я собирался поехать на север, поискать какую-нибудь работу, – солгал я. Если честно, меня внезапно вновь охватила страсть к путешествиям.

С того момента, как я съехал с шоссе 91 на I15 и появился первый указатель на Темекулу, мое волнение росло с каждой минутой. Я представления не имел, куда направляюсь и что собираюсь делать, когда попаду туда, но мне надо было убедиться, что с Обри все в порядке.

Остановившись у магазинчика на заправочной станции, я пополнил запасы провизии, чтобы можно было перекусить в дороге: железные конфеты «Fun dip» и «Sour Patch Kids», попкорн и, конечно, палочки «Пикси Стикс». Кассир посмотрел на меня так, словно я маньяк, собирающийся заманивать в свой фургон детишек из ближайшей начальной школы.

– Я с детства сладкоежка, – попытался оправдаться я, пожимая плечами, но на самом деле продавцу это было по барабану.

Обычно в этой части Калифорнии солнечно в течение трехсот тридцати дней в году, но не успел я въехать на Джефферсон-авеню в центре Темекулы, дождь полил как из ведра. Было около пяти часов вечера. Люди в деловых костюмах уже начали выходить из офисных зданий, стоявших вдоль улицы. Я нашел высокое здание под номером 4452, припарковал машину за полквартила от него и, откинувшись на спинку сиденья, приготовился к долгому ожиданию. Под негромкую музыку и с целым пакетом сладостей я мог сидеть там и наслаждаться простыми радостями жизни хоть всю ночь напролет. Вот уж не ожидал, что придется осваивать профессию следака.

Два часа спустя я, наконец, увидел Обри. Она вышла из здания и теперь стояла под козырьком, глядя на дождь, льющийся на мостовую перед входом. Не желая быть замеченным, я еще больше сполз на сиденье, наблюдая за ней поверх руля.

Выглядела она просто потрясающе. Ее роскошные золотисто-каштановые волосы отросли и теперь небрежным каскадом спускались до середины спины. Изумрудно-зеленая шелковая блузка красиво оттеняла белоснежную кожу, от чего она казалась еще более ослепительной. Черная юбка обтягивала бедра, и хотя я не мог этого видеть, но живо представил, как мягкая ткань соблазнительно облегает красивую попку. Просто роскошная женщина! Стильная и уверенная в себе, в чем я и не сомневался. Прошло уже два года, но мои чувства к ней нисколько не остыли. Именно поэтому мои пальцы впились в руль так, что костяшки побелели, едва я увидел, как вокруг ее тоненькой талии обвилась мужская рука.

Вот ведь убудок! Я не ожидал, что она будет одна, но, надо сказать, оказался совершенно не готов к тому, что увидел. Какой-то придурок в синем костюме и при очках, выгля-

девший точь-в-точь как Кларк Кент¹⁰, открыл зонт и прижал Обри к себе. Мою Обри! Я потерял способность дышать, когда он увлек ее к парковке на другой стороне улицы, прикрывая зонтом от дождя. Через несколько минут после того, как они скрылись из виду, на улицу медленно выехала машина, чуть притормозив, чтобы встроиться в поток движения. Я был уверен, что это они, еще до того, как увидел сквозь стекло автомобиля улыбающиеся лица. Чертова черная «БМВ», вот же гад!

Как оказалось, я был совершенно не готов к встрече с реальностью. В результате я так и просидел в своем фургончике еще пару часов, отказавшись от мысли проследить за ними. Если даже простой факт, что она уехала в компании какого-то козла, разрывает мое сердце на куски, значит, я точно не готов увидеть продолжение этой сцены. И все же я вовсе не собирался сдаваться.

Напиваться в стельку в мои планы не входило. Впрочем, еще два часа назад я не предполагал и то, что буду заниматься слежкой за предметом моего обожания. Заселившись в мотель, расположенный в нескольких кварталах от офиса Обри на Джефферсон-авеню, я отправился в соседний бар, даже не удосужившись заглянуть в свой номер. Часа через три, вопреки своим планам, я уже изрядно набрался. С барменшей Карлой мы сразу нашли общий язык.

– Ну что, Крокодил Данди, готов пропустить еще один стаканчик?

Я поднял стакан и со стуком встряхнул льдинки.

– И далеко не последний, Карла, детка. – Она подошла к моему столику, одарила меня томной улыбкой и наполнила стакан. Эта женщина просто источала соблазн. Со старомодными кудряшками, уложенными на макушке, она напоминала модель сороковых годов прошлого века. Но все, что ниже шеи, у этой красавицы совершенно не соответствовало стилю ретро – руки ее, словно рукавами, были сплошь покрыты цветными татуировками. Этакая гремучая смесь Джессики Рэббит¹¹ и крутой рокерши.

Обычно я не злоупотреблял крепкими напитками, предпочитая им пиво или вино, к тому же последний раз я пробовал эту отраву два года назад. Приканчивая четвертую порцию рома с колой, я внезапно осознал, что набрался сильнее, чем думал, так как язык мой уже заплетался. К тому же я обнаружил, что вываливаю все свои проблемы на совершенно незнакомую барменшу. Меньше чем за два часа я изложил крошке Карле всю печальную историю своей жизни.

– Ну, и чего ты боишься? – спросила Карла, опираясь локтями на стойку бара.

– Просто не хочу причинять ей боль.

– Звучит так, словно ты это уже делал. – А ведь она права! – Сказать тебе, что я обо всем этом думаю?

– А зачем еще я торчу здесь целый вечер?

Карла усмехнулась.

– Сдается мне, что ты просто сам боишься обжечься.

На следующее утро, едва забрезжил рассвет, я проснулся с тяжелым похмельным синдромом. Меня мучила страшная головная боль, а горло пересохло так, словно я провел несколько дней в пустыне без воды. Я с трудом вытащил непослушное тело из постели. Обри уехала с каким-то хмырем в деловом костюме, и, судя по ее виду, ей было с ним хорошо, черт бы его побрал! Теперь мне было необходимо удостовериться, приедут они вместе или порознь.

В том же здании, через несколько дверей от ее офиса, находилось кафе «Старбакс», и я подумал, что она вполне может заглядывать туда перед работой. Поэтому я припарковался так, чтобы видеть здание целиком, и занял наблюдательную позицию. Прошло три часа. Я почув-

---

¹⁰ Кларк Кент – скромный клерк в очках, ипостась Супермена, главного героя фильма «Супермен».

¹¹ Джессика Рэббит – роскошная героиня комбинированного анимационно-игрового голливудского фильма «Кто подставил кролика Роджера» (1988 г.).

ствовал острую необходимость выпить вторую чашечку кофе, чтобы взбодриться, а Обри по-прежнему не показывалась.

Я сунул руку в «бардачок», вытащил оттуда бейсболку и нацепил темные очки. Не ахти какая маскировка, но, пока есть возможность столкнуться с Обри, следовало свести ее к минимуму. Не успел я коснуться ногами асфальта, как увидел ее, выходящую из-за угла. Твою мать! Я на мгновение замер, а затем, к счастью, рефлексы взяли верх над капитулировавшим разумом.

Я снова забрался в кабину фургона и сполз на сиденье ниже, стараясь спрятаться за рулем. Обри была занята, набирая в телефоне какое-то сообщение, и не поднимала головы, пока не подошла к двери «Старбакс». Надо же, я угадал!

Через несколько минут она вышла из кафе с большой чашкой кофе в руках, даже не посмотрев в мою сторону. Вот черт! Обри выглядела так же великолепно, как и накануне. И она была одна.

После обеда я снова был на своем наблюдательном посту. Возможность увидеть ее хоть на мгновение наполнила мое сердце радостью на весь день. Я ждал ее у офиса и на следующий день... и еще через день. У Обри был очень строгий распорядок дня, что, впрочем, меня не удивило. Она приходила на работу ровно в девять тридцать и уходила в семь. Два раза за три вечера моей слежки она выходила из офиса в сопровождении этого козла в очках.

Я тоже выработал свой распорядок дня, начиная слежку с рассветом и заканчивая в сумерках. В промежутке я делал двухчасовой перерыв и посещал тренажерный зал в нескольких кварталах от офиса Обри. Вечера я обычно проводил в баре, выливая все мои несчастья на крошку Карлу.

В то утро в гостинице поломалась кофеварочная машина, а мой организм просто жаждал кофеина. Я досконально изучил привычки Обри, поэтому выбрался из фургона и проскользнул в ее любимый «Старбакс». Надо сказать, это несколько щекотало мне нервы, хотя я был уверен, что она не появится здесь в это время.

Я заказал свой обычный черный кофе, и молодая девушка за прилавком с улыбкой спросила:

– Не желаете что-нибудь еще?

– Нет, спасибо. – А потом вдруг, не задумываясь, произнес: – А впрочем, подождите... Вы знаете женщину, которая приходит сюда каждое утро около девяти тридцати? У нее каштановые волосы, и, наверное, она заказывает тройной ванильный латте с обезжиренным молоком, с небольшим количеством пены и очень горячий?

– Конечно, знаю, Ее зовут Обри.

Я вытащил из кармана двадцатку и протянул ее девушке.

– Позвольте сегодня мне оплатить ее кофе.

Девушка явно смутилась.

– Сдачи не надо. И, пожалуйста, не говорите ей, кто купил кофе, хорошо?

Она пожала плечами и сунула двадцатку в передний карман джинсов.

– Разумеется.

Через пару часов я увидел, как Обри вошла в кафе, точно в соответствии со своим обычным распорядком. Она опять сосредоточенно набирала текст в телефоне. Но, когда она вышла со своим очень горячим тройным ванильным латте с обезжиренным молоком и небольшим количеством пены, на ее лице сияла радостная улыбка, и я понял, что еще не один раз захочу стать причиной ее радости.

Глава 16

Последив так несколько дней за Обри, я решил изменить тактику. Ведь я пока еще не видел, где она живет. Если я доберусь до ее дома, пока она на работе, то, возможно, получу более точное представление о ее нынешней жизни, а вернее, о том, в каких отношениях она состоит с этой нелепой пародией на Кларка Кента. Живет она с ним или только встречается... иногда.

Когда я подъехал к небольшому бунгалу, то был поражен, до какой степени жилище отражало характер хозяйки: довольно необычное, с некоторым налетом небрежности и в то же время поразительно красивое. Первое, что бросилось мне в глаза, это то, что трава на газоне перед домиком была не стрижена по крайней мере несколько месяцев. Какой же, должно быть, урод – этот хахаль Обри, что позволил траве перед домом подружки вырасти чуть ли не по пояс!

По-прежнему используя средства маскировки, а именно бейсболку и темные очки, я осмотрелся на местности, чтобы удостовериться, не ошиваются ли поблизости любопытные соседи. Заглянув в окно, я понял, что внутри дома все гораздо аккуратнее, чем снаружи. В гостиной стояла мебель кремового цвета, на журнальном столике – ваза с искусственными цветами из шелка. И там не было ни единой детали, указывающей на пребывание в доме мужчины.

Я чуть не свалился в кусты, когда заметил в комнате чью-то движущуюся тень. Это не могла быть Обри, так как я из предосторожности подождал, пока она зайдет в офис, прежде чем приезжать сюда.

Твою мать! Кто же находится в доме?

В моих венах пульсировал адреналин. Я решил зайти с другой стороны дома, но запутался в траве-переростке, отчаянно чертыхаясь себе под нос.

Я чуть не подпрыгнул от неожиданности, когда увидел чье-то лицо, прижавшееся с той стороны к стеклу. Не совсем лицо, если честно.

– Ну, ни хрена себе! Не может этого быть...

Звук моего голоса напугал обладателя морды, который сразу исчез из виду.

Полный отпад! Это же Каракуль. Тот самый Каракуль.

Заглянув в окно, я увидел, что козлик лежит на полу, вытянув ноги вверх. Ну, конечно же! Вот дерьмо! Он упал в обморок от испуга. Я принялся стучать по стеклу, чтобы привести его в чувство.

– Ну же, малыш, очнись!

Через пару минут тельце козлика дрогнуло, и он вновь вскочил на ноги. Но тут же принялся бродить по кругу – было очевидно, что бедное животное никак не может прийти в себя от потрясения. Мне непременно надо было добраться до него, и я не додумался ни до чего лучшего, кроме как высадить окно. Заменю его новым, если потребуется. К моему великому удивлению, оно распахнулось при первом же касании.

Какого черта она оставляет окна открытыми? Возможно, она делает это и ночью, чтобы дышать свежим воздухом, и любой псих легко может проникнуть в ее спальню, когда захочет.

Надо не забыть об этом в будущем.

Я по пояс влез в окно и принялся махать руками, подзывая козлика:

– Да иди ты сюда, придурок! Это же я. Иди ко мне, дружище...

Козлик подошел ко мне и положил мордочку в мои ладони. Я легонько почесал его головку.

– Вот хороший мальчик! Поверить не могу, что ты еще здесь, – пробормотал я. – Ты совсем с катушек съехала, Принцесса. Впрочем, ты всегда была с прибабахом. Но я все же рад, что ты приютила беднягу.

Может я тоже выжил из ума, но мне показалось, что козел меня помнит. Он протяжно заблеял. Когда он проделал это во второй раз, мне даже почудилось, что он пытается произнести «Па-а...».

– Ну-ка, расскажи мне, как тут дела обстоят, а? Ты ведь мой верный шпион, правда? Счастлива ли она? А может, она меня ненавидит? Расскажи мне, приятель.

– Бе-е-е...

Я принялся снова чесать ему голову.

– Эх, толку от тебя никакого.

Козлик начал вылизывать мне лицо.

– Черт поberi! Вот уж никогда не думал, что твоя вонь будет для меня лучшим запахом на свете.

Казалось, Каракуль не хочет меня отпускать. До меня дошло, что соседи могут принять меня за грабителя, а попадаться в лапы полиции мне уж точно не стоило, особенно на данном этапе моей жизни. Я быстро оглядел комнату и заметил мужской костюм, висевший на двери в кладовку. Сердце сразу упало.

Я поцеловал своего приятеля в лоб.

– Мне пора идти. Обещаю, что еще вернусь тебя проведать.

Он фыркнул в ответ.

– Знаю, ты мне больше не доверяешь. Но клянусь, что вновь завоюю твое доверие.

Тут в первый раз я заметил металлическую пластинку, свешивающуюся с его шеи.

– Что за черт? Она напаяла на тебя ошейник?

Я пригляделся к имени на пластинке.

Пикси.

В моем сердце, которое тут же ускорило ритм, снова вспыхнула надежда. Я потер большим пальцем по выгравированным буквам. После всего, через что я прошел за последние два года, это был первый раз, когда мои глаза чуть ли не защипало от слез, и не спрашивайте, почему. Это был крошечный символ, маленький толчок, необходимый, чтобы продолжать бороться, – едва видимый лучик надежды на то, что, возможно, она не желала мне смерти после всего, что я натворил.

Потребовалось несколько минут, чтобы распрощаться с козликом. Он делал отчаянные попытки выпрыгнуть из окна, чтобы последовать за мной. В конце концов мне удалось закрыть раму.

Когда я обернулся, морда козлика все еще была прижата к стеклу. Полагаю, не стоило вламываться в дом, чтобы узнать подробности жизни, но этот инцидент заставил меня форсировать события. Как я и обещал Каракулю... то есть Пикси, мне придется завоевывать право на место в их жизни, а не грубо вламываться в нее.

Однако, прежде чем возвращаться в центр города, надо было сделать кое-что еще. Я вспомнил, что по пути к дому Обри проезжал магазин товаров для ремонта и обустройства дома. Метнувшись туда, я вернулся с маленькой газонокосилкой «Craftsman».

На то, чтобы подстричь газон у дома Обри, у меня ушло около сорока минут. Когда я приблизился к стене домика, Пикси ждал меня, застыв у того же окна. Мимо прошли несколько соседей, и я с широкой улыбкой на лице поприветствовал их, помахав рукой. Пусть они подумают, что Обри бросила эту ленивую задницу Кларка Кента, променяв его на настоящего мужчину, который не гнушается работы в саду. Ну, или, на худой конец, решат, что я ландшафтный дизайнер.

Наслаждаясь видом ровно подстриженной травки на газоне, я вытер лоб тыльной стороной ладони. На сегодня здесь свою работу я закончил, но главная работа была еще впереди.

В тот вечер я каким-то образом ее упустил. Либо она ушла с работы еще в середине дня, либо работала в тот день допоздна. Подождав до половины девятого, я, в конце концов,

неохотно покинул наблюдательный пункт и отправился в бар. Я тонул в захлестнувшем меня чувстве разочарования. Видеть Обри в конце дня стало для меня жизненной необходимостью, а в этот день судьба меня обманула.

– Карла, детка, развесели меня, – попросил я, занимая свое обычное место за столиком. Барменша в этот момент вытирала стойку.

– А-а, Крокодил Данди. Что-то ты припозднился сегодня. Переусердствовал со слезкой?

– Точно. Сегодня не слишком удачный день.

Карла прекратила вытирать стойку и принялась готовить мой излюбленный напиток.

– Что-то случилось?

– Я каким-то образом упустил ее в конце дня.

– Что-то ты теряешь хватку, – сказала она, со стуком ставя на стойку мой ром с колой.

– Да, что-то я определенно теряю, может быть, мозги?

Карла оперлась локтями о прилавок, демонстрируя глубокое декольте.

– А хоть что-нибудь хорошее сегодня произошло?

Я рассмеялся.

– Вообще-то, да. Я нашел своего козла.

– Твоего козла?

Я снова усмехнулся.

– Вот именно, козла. самого настоящего.

Она в полном недоумении вытаращила глаза.

– Ты шутишь? Что ты имеешь в виду?

Ну, я и рассказал ей всю историю обретения нашего питомца – с того момента, как мы с Обри чуть не сбили его на дороге, включая тот эпизод, когда он обделался прямо в машине.

– Надо же, как мило... Получается, он ваш ребеночек.

– Именно так говорила Обри.

Карла, вероятно, заметила грустное выражение, промелькнувшее на моем лице.

– Что-то не так?

– У нее в комнате висел мужской пиджак. Думаю, этот хмырь живет с ней. А может, они помолвлены или даже уже женаты – откуда мне знать?

– И правда, откуда тебе знать? Ты ведь даже не удосужился поговорить с ней.

– К выяснению отношений надо подходить с осторожностью. Я не хочу все обломать.

– Подойти с осторожностью или избегать? Это разные вещи. Как долго ты собираешься выслеживать ее? Не пора ли уже сорвать пластырь с раны.

Сделав большой глоток рома, я со стуком опустил стакан на стол.

– Я ненавижу тебя за то, что ты права, Карла, детка.

– В таком случае замучаешься меня ненавидеть. – Карла лукаво подмигнула.

Обри выглядела невероятно красивой, когда на следующее утро приехала на работу. Стояла довольно ветреная погода, и пышные волосы Обри были слегка спутаны. Как обычно, перед тем как пойти в офис, она заглянула в «Старбакс».

При мысли о том, что день начала боевой операции неумолимо приближается, боль в моем сердце становилась еще невыносимее. И хотя я клятвенно пообещал Карле в ближайшие пару дней «сорвать пластырь с раны», я все еще не представлял, каким образом смогу приблизиться к Обри.

Когда она, наконец, вошла в свою контору, я, облегченно вздохнув, покинул фургон и направился в «Старбакс» за порцией кофе для себя. Утром я проспал, не услышав даже звонка будильника, и меня мучило жестокое похмелье, поэтому я приехал к офису Обри слишком поздно и не захотел рисковать, оплачивая ее кофе.

Сегодня я решил попробовать что-нибудь новенькое. Конечно, больше всего мне хотелось бы попробовать Обри на вкус. Но это лишь бесплодные мечты. А в реале я решил попробовать на вкус хотя бы тот навороченный напиток, который она обычно заказывает.

– Тройной ванильный латте с обезжиренным молоком. Очень горячий и с небольшим количеством пены.

Лицо юной кассирши просияло.

– Значит, сегодня вы решили заказать этот напиток... для себя?

– Конечно. Ничто не вечно под луной.

– Как вас зовут?

– Зачем вам мое имя?

– Это обычная процедура, когда клиент заказывает что-либо особенное. Мы записываем его имя на стаканчике.

– Понятно. Меня зовут Чэнс.

Она написала мое имя черным маркером на боку стаканчика, и я перешел к другому прилавку, где покупатели получали заказы.

Я наблюдал, как бариста готовит напитки для пары клиентов, занявших очередь раньше меня. Черт! Какой же это муторный процесс – доведение молока до кипения и получение пены. Впрочем, он и должен быть сложным, за пять-то баксов за порцию.

Внезапно я услышал голос кассирши:

– Обри, почему ты так быстро вернулась?

Я метнул быстрый взгляд на вошедшую в кафе Обри и тут же, натянув пониже спасительную бейсболку, отвернулся к стене. Сердце мое отчаянно забилося. В груди все сжалось. К горлу подступила тошнота. Выброс адреналина.

О, черт!.. Черт, черт, черт!

Еще никогда в жизни у меня так не колотилось сердце. Я услышал ее голос за своей спиной.

– Мой друг пришел в офис поговорить со мной и случайно смахнул локтем кофе. Залил весь стол.

Вот ведь лох гребаный.

– Как жаль. Позвольте приготовить еще одну порцию за счет заведения.

– Спасибо огромное, Мелани. Я очень ценю твою заботу.

Мне казалось, что на меня вот-вот обрушатся стены. Звук кипящего молока казался оглушительным. Я обдумывал, удастся ли мне, повернувшись лицом к стене, медленно проскользнуть, чтобы оказаться за ее спиной, а там и до двери недалеко. Но не успел я начать осуществлять этот маневр, как раздался голос парнишки, готовившего мой напиток:

– Чэнс!

– Ты сказал «Чэнс»? – переспросила Обри.

В этот момент я находился как раз за ее спиной.

Тут Мелани, которая, вероятно, думала, что Обри – предмет моей безответной романтической страсти, вдруг решила, что наступил благоприятный момент выступить в роли сводницы, и выдала меня.

– Чэнс – это тот парень, который платил за твой кофе на днях. Между прочим, он сейчас здесь.

Обри крутанулась назад так быстро, что ненароком наткнулась на поднос со стаканчиками для кофе-гляссе и они, как домино, попадали на пол.

Но она как будто и не заметила катастрофы, которую сотворила, и теперь стояла, уставившись на меня и прижав руку к груди, как будто защищая сердце.

Я сдернул бейсболку и, глядя на Обри умоляющими глазами, прошептал:

– Принцесса...

У нее было такое выражение лица, как будто она увидела привидение. Обри медленно качала головой, словно пытаюсь сказать: «Этого не может быть».

Я шагнул к ней.

Но она вытянула руку, останавливая меня.

– Нет! Не смей приближаться ко мне!

Мое сердце ухнуло куда-то вниз, а кишки скрутились в тугой узел.

Я совсем не так представлял нашу первую встречу.

Поднимая обе руки, я произнес:

– Не буду. Но, пожалуйста, выслушай меня.

– Ты следил за мной?

– Это не совсем то, что ты думаешь...

Мы оба замолчали. Осознавая всю глубину своего унижения, я наклонился и принялся собирать стаканчики, которые она сшибла.

Сгорающая от любопытства Мелани заговорила из-за прилавка:

– Ну почему бы вам и не выслушать то, что он хочет сказать?

Грудь Обри тяжело вздымалась. Наконец, она нарушила молчание:

– Можно задать тебе вопрос, Мелани? Если бы парень заставил тебя поверить, что ты ему небезразлична, потом трахнул тебя и бросил на следующее же утро, даже не удосужившись написать прощальную записку, ты бы стала выслушивать его?

– Возможно, и не стала бы. – Мелани засмеялась, а потом добавила: – Но если бы у него была задница, как у Чэнса, тогда бы еще подумала.

Все другие кассирши дружно захихикали.

Обри посмотрела на меня так, словно хотела испепелить взглядом, и продолжила:

– Хорошо. А если он не пытался связаться с тобой целых два года после этого, а потом внезапно объявился и устроил за тобой слежку, ты бы согласилась его выслушать?

– В этом случае точно нет, – ответила Мелани. – Это выглядит как-то странно.

– Вот это и есть мой случай.

С этими словами Обри промчалась мимо меня и выскочила за дверь.

Чувствуя себя так, словно она разорвала мое сердце и скормила его мне же, я застыл посреди кафе, осознавая свое полное поражение.

С минуту я стоял, уставившись невидящим взглядом в окно, а потом в голове моей послышался голос, удивительно напоминающий голос матери:

«У тебя есть яйца, парень? Так сражайся за нее!»

Это положило конец моей нерешительности. Долой хитроумные уловки!

Я выскочил вслед за Обри и побежал вдоль улицы в надежде, что смогу перехватить ее прежде, чем она зайдет в здание.

Но Обри нигде не было видно. Я проскочил во вращающиеся двери офиса и увидел ее, направляющуюся в сторону лифта. Она вошла в лифт, но я успел вставить руку между дверцами, и они снова открылись.

Она была одна.

По ее лицу струились слезы.

Она плачет из-за тебя!

Лифт начал подниматься, но я нажал на кнопку «стоп».

– Что ты делаешь? С ума сошел? – воскликнула она.

Я, задыхаясь, произнес:

– Можешь считать, что сошел, если это единственная возможность заставить тебя все выслушать.

– А ты можешь держать меня в этой ловушке сколько угодно – даже целых ДВА ГОДА, мне все равно. Я не собираюсь разговаривать с тобой. Может, тогда ты поймешь, что человек при этом чувствует.

Я оперся руками о стенку по обе стороны от нее.

– Рад видеть, что ты такая же упрямая, Принцесса.

Было видно, что Обри неловко от моей близости. Она сглотнула, прежде чем заговорить:

– Мне надо вернуться в офис. Немедленно включи лифт, или я вызову полицию.

– Я понимаю, что ты сейчас в шоке. Поверь, я вовсе не предполагал, что мы будем выяснять отношения таким образом.

– А как я должна себя вести, выяснив, что парень, разбивший мое сердце на кусочки, теперь преследует меня?

А ведь она по-своему права.

– Совершенно с тобой согласен. Но все же позволь мне все объяснить.

Мне было безумно тяжело слышать слова, слетающие с ее уст:

– Ты понимаешь, как трудно мне было забыть тебя? Моя жизнь только-только начала налаживаться. Ты не смеешь вот так просто заявиться спустя два года и ожидать, что я пущу тебя в свою жизнь после того, как я изо всех сил старалась избавиться от памяти о тебе. В конце концов, я отпустила тебя. Пожалуйста, оставь меня в покое. Я умоляю тебя, уйди.

Я чувствовал, что комок в груди вот-вот разорвется.

Она отпустила меня.

Что ж, тем хуже, твою мать. Я ведь вернулся.

– Я уйду... сейчас. Но не уеду из города, пока ты не согласишься встретиться и не позволишь мне объяснить, что произошло тогда на самом деле. Если после того, как все выслушаешь, ты захочешь, чтобы я исчез из твоей жизни навсегда, клянусь Богом, Обри, ты меня больше никогда не увидишь.

Ее глаза снова начали наполняться слезами. Она смотрела мне прямо в лицо. Не отрывая от нее взгляда, я отпустил кнопку «стоп» и нажал на кнопку следующего этажа.

– Я остановился в мотеле «Санрайз», в восьмом номере. Номер мобильного у меня тот же. Можешь позвонить мне, когда будешь готова все выслушать.

Когда двери открылись, я вышел, оставляя Обри в лифте. Мяч теперь был на ее стороне поля. Оставалось только надеяться, что она не захочет проколоть его и выпустить из него воздух.

Глава 17

Тайная слежка теряет всякий смысл, если объект слежки уже в курсе, что за ним следят. Теперь, когда Обри знала, что я в городе, дело принимало совсем другой оборот. Я не мог больше рисковать быть уличенным в преследовании.

Следующие несколько недель я провел в кемпинге в пригороде Темекулы, продолжая надеяться на чудо. Я испытывал настоящий стресс, гадая, позвонит мне она или нет, и постоянно проверяя входящие звонки в страхе, что мог пропустить их. Но она так и не позвонила.

Не желая шокировать ее еще больше, я принял решение на время воздержаться и в течение нескольких дней не шататься вблизи ее офиса. Вместо этого я каждое утро истязал себя тренировками в спортивном зале, вымещая злость на собственном теле. Я не прикасался к женщине в течение двух лет, а та единственная, которую я желал, мне уже явно не принадлежала и ненавидела меня до отвращения. Так что качать железо стало единственным способом сбросить напряжение и справиться с раздирающими меня эмоциями, пока я не смогу вернуть ее назад. Но мне оставалось только мечтать о том, чтобы достучаться до Обри.

После тренажерного зала, где-то к обеду, я обычно направлялся к ее дому и продолжал обустривать ее газон. Черт возьми, кто-то же должен был об этом позаботиться! Я уложил пласты дерна и высадил в два ряда цветущие кусты рододендрона под названием «Принцесса». Вот уже не знал, что на свете существует цветок с таким названием. Это был великолепный выбор, лучше не придумаешь.

Соседи, конечно, видели меня за работой. При виде фургончика с прицепом и косилкой сзади они не сомневались, что я специалист по озеленению. Моя кожа покрылась загаром после многочасовой, ежедневной работы под палящим солнцем. Вскоре я заметил, что мимо участка Обри с каждым днем прогуливается все больше молодых мамочек с легкими колясками. Я махал им испачканными в земле руками, они улыбались и кивали.

И все же самыми приятными минутами, которые я проводил у дома Обри, были те, которые я посвящал общению с козликком. Он обычно стоял у окна, поджидая меня.

Пикси.

Я все еще не мог привыкнуть называть его так.

Обычно я брал для него обед, и мы ели вместе. Я прямо-таки испытывал нездоровую страсть к его не особенно приятному запаху, смешанному с запахом скошенной травы.

Засранец вонючий.

Мое вечернее времяпровождение было неизменным, как и всегда. Я направлялся в бар и поверял все свои неприятности Крошке Карле.

И вот однажды вечером, в пятницу, однообразие моего бесцельного существования было неожиданно нарушено. Я сидел на барном стуле, когда Карла спросила:

– А как выглядит твоя Обри, напомни?

– Что это вдруг?

– Просто опиши мне ее.

– Невысокого роста, но фигуристая, волнистые золотисто-каштановые волосы, большие глаза, кремово-белая кожа...

– Она случайно не носит плащ леопардовой расцветки?

Я потер подбородок и вспомнил, что однажды утром она пришла в таком плаще в офис.

– Да... да, кажется, у нее есть такой прикид. А что?

– Думаю, она только что была здесь. Какая-то девица, подходящая под описание, смотрела на нас сейчас через стекло. Как только я встретилась с нею глазами, она отшатнулась.

Я развернулся на стуле.

– Что?

Карла махнула рукой в сторону двери.

– Иди за ней.

Меня буквально смело со стула, я вылетел на улицу. Ну да, разумеется, «Ауди» Обри выруливал со стоянки автомобилей. Сердце чуть не выскочило из груди, когда она промчалась мимо. Я пришел в бар пешком и поэтому даже не смог последовать за ней. Моя маленькая Принцесса имела привычку «давить на газ» и вылетела на дорогу, словно на реактивном двигателе, слишком быстро, чтобы я успел остановить ее.

Я достал телефон, нашел ее номер и набрал текст:

Чэнс: *И кто за кем следит сейчас?*

Ответа не было долго. Через несколько минут пришло сообщение. Мое сердце бешено забилося.

Обри: *Это было случайное совпадение.*

Чэнс: *Не пиши за рулем.*

Обри: *Тогда почему ты сам пишешь? И не указывай мне, что делать.*

Чэнс: *Остановись, Принцесса.*

Обри: *Я вовсе не выслеживала тебя.*

Чэнс: *Не отвечай мне до тех пор, пока не остановишься.*

Уставившись на экран телефона, я застыл как вкопанный на автомобильной стоянке.

Через несколько минут снова раздался вибрирующий сигнал.

Обри: *Так вот чем ты занимаешься каждый вечер? Шатаешься по городским барам в поисках женщин?*

Чэнс: *Ты припарковалась?*

Обри: *Да.*

Чэнс: *Я шатался по городу только за одной женщиной. Упомянутая женщина заставляет меня пить. Отсюда и бар.*

Обри: *Шел бы ты домой. Перестань писать мне.*

Чэнс: *Перестать писать? Почему бы это? Ведь, как я знаю, тебе нравятся вибрации.*

Ответа не последовало.

Видимо, я переборщил – слишком рано было переходить с нею на наши обычные шутки. Я послал другое сообщение, давая честный ответ на ее прежнее пожелание отправляться домой.

Чэнс: *Мой дом там, где ты.*

Обри: *Ты сжег наш дом в Вегасе, после того, как перепихнулся со мной и исчез.*

Черт, как же больно было видеть эти слова. Почти целую минуту я пытался прийти в себя, прежде чем набрал ответ.

Чэнс: *Была причина, почему я так поступил, и мне необходимо объяснить все это тебе, но только лично, а не по телефону.*

Обри: *Тому, что ты сделал, нет прощения.*

Чэнс: *Где ты? Я еду к тебе.*

Обри: *Нет. Пожалуйста, нет.*

Чэнс: *Рано или поздно тебе придется встретиться со мной, если ты хочешь избавиться от меня.*

Обри: *Почему ты это делаешь?*

Потому что я так люблю тебя.

Ешкин кот, откуда взялись эти слова?

Чэнс: *Пожалуйста, вернись к бару. Или я подойду пешком к тебе. Я не могу сесть за руль, потому что выпил.*

Обри: *Я не могу встретиться с тобой сегодня вечером. Я не готова.*

Чэнс: *А ты будешь готова хоть когда-нибудь?*

Обри: *Сомневаюсь.*

Чэнс: *Кто он?*

Обри: *Кто?*

Чэнс: *Твой нынешний дружок.*

Обри: *Хочешь сказать, что еще не пронюхал? Неважный же из тебя сыщик.*

Чэнс: *Назови его имя.*

Обри: *Его зовут Ричард.*

Чэнс: *Вы живете вместе?*

Обри: *Не твое собачье дело.*

Чэнс: *Я видел, что его куртка висит на двери твоего шкафа.*

Обри: *Ты глазел в окно моей спальни?*

Чэнс: *Да. Но только когда тебя не было дома. И я никогда не нарушал границы твоего жилища. Я на такое не способен.*

Обри: *И все-таки это грязно.*

Чэнс: *Кстати, не могу поверить, что ты оставила козлика.*

Обри: *Я не расстаюсь с теми, кого приручила.*

Чэнс: *Я тоже. Вот почему я здесь.*

Обри: *Спустя два года?*

Чэнс: *Я примчался сюда при первой же возможности.*

И хотя это была чистая правда, я был уверен, что она смутилась. Она молчала, и тогда я снова написал ей.

Чэнс: *Ты назвала козла Пикси. Это доказательство того, что в тебе нет ненависти ко мне.*

Обри: *Это просто невыносимо!*

Я не собирался огорчать ее еще больше, поэтому не стал больше ничего писать.

К моему удивлению, вибрирующий звонок раздался снова, минут так пятнадцать спустя, когда я опять сидел в баре.

Обри: *Когда ты успел посадить кусты?*

Чэнс: *В те дни, когда ты была на работе.*

Обри: *Спасибо.*

Если бы сердце могло улыбаться, клянусь, мое сейчас сияло бы самой лучезарной улыбкой.

Чэнс: *Не стоит благодарности.*

Обри: *Пожалуйста, не корми его больше кукурузой. Он ее не переваривает, со всеми вытекающими отсюда не очень приятными последствиями.*

Я усмехнулся.

Чэнс: *У-у-пс.*

На этом наша переписка закончилась, но этим вечером я добился гораздо большего, чем даже мог надеяться.

Обри все еще избегала встреч со мной. По прошествии недели я понял, что должен проявить больше настойчивости. С каждым прошедшим днем меня все больше и больше беспокоило, что она так и не знает истинной причины моего внезапного исчезновения. И я по-прежнему не хотел обсуждать это каким-либо другим способом, кроме как во время личной встречи.

Я понимал, что она напугана, но необходимость встретиться с ней наедине и поговорить с глазу на глаз становилась все более насущной.

Как-то в четверг днем мне позвонил мой агент из Австралии по вопросу увеличения продаж товаров с моим изображением. Поэтому я поступил так, как и любой на моем месте: прежде чем заключить новый контракт, решил нанять юриста.

Глава 18

– У меня на одиннадцать часов назначена встреча с мисс Блум.

Администратор у стойки улыбнулась и заглянула в регистрационную книгу.

– Мистер Найгл?

– Он самый, собственной персоной. Единственный в своем роде.

Я расплылся в идиотской улыбке до ушей. Дамочка, вероятно, приняла мой энтузиазм на свой счет. Она была прехорошенькой, и я дал бы руку на отсечение, что вокруг нее порхало немало «мотыльков». Но весь мой энтузиазм был направлен на одну-единственную женщину. Даже звук ее голоса по внутренней связи заставил мое сердце биться чаще.

– Слушаю, Келли, – отозвалась Обри.

– Прибыл ваш клиент, назначенный на одиннадцать.

– Благодарю. Пожалуйста, проведи его минут через пять. Мне нужно подготовиться.

Я тут же представил себе ее рабочий стол, заваленный бумагами.

Келли отпустила кнопку и обратилась ко мне:

– Присядьте, пожалуйста. На самом деле я хочу дать ей минут десять. Она – один из лучших адвокатов нашей фирмы, но обычно ее рабочий стол выглядит как после урагана.

Я устроился в приемной и стал перелистывать какой-то глянцевого журнала, но не мог ни на чем сосредоточиться. Я ждал эту встречу почти неделю. Вчера я пошел и забрал в ателье новый костюм. Он был пошит по индивидуальному заказу и сидел идеально. Когда я оглядел себя в зеркале, то впервые за два года не испытал отвращения, глядя на свое отражение.

Я поправил галстук, тайно надеясь, что продавщица, которая подбирала его, не ошиблась. Она сказала, что голубой оттенок галстука подчеркивал цвет моих глаз и это поможет завоевать женские сердца. Станным образом ее слова совпали с моим намерением в отношении Обри – ничего в мире я так не хотел, как завоевать ее сердце. И, вполне возможно, до конца наших жизней. Пусть я провел с этой женщиной только восемь дней, но они стоили иных шести месяцев постоянных отношений. Мой приезд в Темекулу лишь подтвердил то, о чем я непрерывно думал последние два года, – я без ума от Обри Блум.

Келли вышла из-за стойки.

– Мистер Найгл? Если вы готовы, то следуйте за мной.

Я набрал полные легкие воздухом.

– Я совершенно готов.

Мы прошли вдоль двух бесконечных коридоров. Мимо промелькнули несколько мужчин в деловых костюмах. Черт, это место прямо кишмя кишело надутыми козлами. Еще один поворот, и Келли остановилась перед дверью углового офиса.

Недурно, Принцесса.

Ее здесь явно ценили. Я невольно ощутил чувство гордости.

– Привет, Обри. Я привела мистера Найгла.

– Да, спасибо, Келли.

Келли отступила в сторону, чтобы я мог войти. Мой адвокат смотрела вниз. Она заговорила, прежде чем подняла голову и посмотрела прямо на меня.

– Очень приятно, что...

Тут Обри буквально застыла на месте. Я мог бы поклясться, что на миг в ее глазах сверкнула искра радости. Но в следующее же мгновение радость обернулась негодованием. Впрочем, я был готов к такой реакции.

– Мистер Найгл? – Она закатила глаза. – И как это я не догадалась?

– Это потому, что ты забыла мое чувство юмора. – Я улыбнулся в ответ, но Обри не была расположена к шуткам.

– Чэнс, я на работе. Я не могу играть в твои игры здесь. Убирайся.

Я застегнул пиджак на все пуговицы и выпрямился.

– Вообще-то я здесь по делу.

– Хорошая попытка, однако. Но я – адвокат по авторскому праву. Если вас арестовали за пьянство в общественном месте или за непристойное и развратное поведение, то вам к Селино и Барнсу, третья дверь направо.

– Мне как раз и нужен адвокат по авторскому праву.

– В самом деле? – По ее чуть презрительному взгляду было ясно, что она не верила ни единому моему слову.

– Поверь, это именно так.

– Ну, в таком случае обратитесь к другому адвокату. – Она вышла из-за стола и скрестила руки на груди.

Черт меня побери, ее жесткая манера обращения со мной делала ее просто неотразимо сексуальной.

– Мне не нужен другой адвокат.

– Очень жаль, но тебе придется его найти.

Несколько секунд мы молча смотрели друг на друга. Затем она вдруг улыбнулась. Это была вовсе не счастливая улыбка. Она означала что-то вроде: «Вот сейчас я вставлю тебе по самое не хочу и получу удовольствие». Но мне было наплевать. Главное, что она улыбнулась. Я был рад и этому. И я улыбнулся в ответ еще шире.

Она фыркнула и вышла из кабинета.

Оставшись один, я поудобнее устроился в кресле напротив ее стола. Через несколько минут она вернулась. Когда она вошла, я встал. За ней вошел мужчина. Черт возьми! Да это же принцессин хахаль.

Обри казалась очень довольной собой, произнося:

– Ричард, это мистер Найтмен. Он нуждается в услугах адвоката по авторским правам. А я после обеда загружена под завязку. Я подумала, может, ты мог бы взяться за его дело?

Двойник Кларка Кента протянул мне руку и представился:

– Ричард Клайн.

Я приветливо кивнул.

– Рад знакомству, Дик. – С этими словами я стиснул протянутую мне руку с такой силой, что это было больше похоже на агрессию.

От моего внимания не ускользнуло, что Обри недовольно поджала губы.

– Его зовут Ричард, – сквозь зубы процедила она.

– Все в порядке, – успокоил ее Дик. – Я привык к этому. Сам я обычно не сокращаю свое имя, но моего отца тоже звали Ричардом, а все обращались к нему «Дик».

Я чуть улыбнулся Обри, втайне наслаждаясь этой сценой. Обри кипела.

– Почему бы нам не пройти в мой офис, и я подумаю, как можно вам помочь.

– Вообще-то я предпочел бы дождаться миссис Блум. Мне ее особо рекомендовали.

– Я занята, – резко ответила Обри.

Было видно, что Дик неприятно поражен странной, на его взгляд, нелюбезностью Обри. Это меня несколько подбодрило. Мне было приятно думать, что она не демонстрировала перед ним свой строптивый нрав. Все правильно, детка, оставь свою строптивость для меня, как и свою сладкую попку.

– Что ж, хорошо. – Дик повернулся к Обри. – Что у вас еще запланировано на сегодня? Может, я могу взять на себя одно из ваших дел?

– Я бы предпочла, чтобы вы занялись мистером Найтменом.

Дик бросил на меня извиняющийся взгляд и обратился к Обри, добавив немного начальственного тона:

– По всей видимости, мистер Найтмен желает, чтобы его делом занялись персонально вы. Я ободряюще улыбнулся Обри.

– Да, я действительно очень хочу, чтобы именно вы занялись мной.

Мне на выручку пришел Дик:

– Почему бы нам не пройти в мой кабинет, Обри, и не выяснить, как я мог бы помочь вам с запланированными делами, и как организовать все так, чтобы вы смогли заняться делом мистера Найтмена?

Дик и Обри вышли из офиса, а минут пять спустя Обри вернулась с администратором.

– Присаживайтесь, Келли, – сказала Обри.

Ну, понятно, привела дуэнью.

Разумеется, я был разочарован тем, что лишен возможности остаться с ней наедине, но это меня отнюдь не обескуражило. А вот Обри, напротив, довольной не выглядела и, более того, кажется, окончательно утратила уверенность. Она с раздражением выдернула из ящика желтый рабочий блокнот и со стуком швырнула его на стол.

– Каков характер юридических услуг, которые вы желаете получить, мистер Найтмен? – Она приготовила ручку для записей, но ни разу не взглянула на меня. Келли была явно удивлена разыгрывающейся перед ней сценой.

– Проблемы, в сущности, две. – Я открыл папку, которую принес с собой, достал оттуда большой сложенный конверт и протянул его через стол в сторону Обри. – Я получил предложение от некоей фирмы, которая хотела бы использовать некоторые из моих фотографий в своей рекламной кампании.

Она презрительно фыркнула.

– Ах, да, точно, ведь вы модель, торгующая своей задницей.

Я проигнорировал ее выпад.

– Помимо всего прочего, фирма, желающая использовать эти снимки в своей рекламе, намерена приобрести эксклюзивные права на них. Но дело в том, что одна американская компания использует данные фотографии на своем веб-сайте без моего на то разрешения. Мне нужно послать им письменное предупреждение о нарушении прав и потребовать, чтобы фотографии были удалены, прежде чем я подпишу контракт.

– Прекрасно.

– Я бы также хотел, чтобы вы просмотрели мой контракт.

– Что-нибудь еще?

– Возможно, вы пожелаете обсудить положения контракта за обедом?

– Не думаю, что это возможно.

– Может, удобнее за завтраком?

– Мистер Найтмен, выйдите вон!

Я встал, поняв, что перегнул палку. Ни в коем случае нельзя было пройти точку невозврата.

– Вы знаете, как связаться со мной, когда у вас будет возможность просмотреть мои документы?

– Да. – Наконец она подняла на меня взгляд. – Очевидно, теперь вы доступны все время.

Она была в ярости. Но, как ни странно, именно ее злость давала мне надежду. Если бы я ей был безразличен, она бы уже закончила нашу встречу чем-нибудь вроде холодного «Благодарю за визит».

– Келли, пожалуйста, проводите мистера Найгла до выхода.

Следующие три дня я занимался повседневными делами. Если быть точным, в основном повседневными делами. Я прибывал на Джефферсон-стрит в обычное время, рано утром, заходил только с утра в «Старбакс» и читал там газеты, попивая утренний кофе. Каждый день я оплачивал чашечку кофе для Обри и заказывал ей что-нибудь на десерт. Вчера это был бана-

новый маффин с орехами. Сегодня я выбрал кофейное пирожное с шоколадной крошкой. Я ел тот же десерт и пил тот же кофе. Это давало мне иллюзию завтрака вместе с Обри.

Я и мой бариста Мелани за это время стали близкими друзьями. Она протянула мне латте.

– А знаешь, она улыбается, когда я говорю, что ты уже все оплатил.

– Правда?

Мелани кивнула.

– Она пытается это скрыть. Но от меня ничего не ускользает.

Милая девочка и не подозревала, что осчастливила меня на целый день.

– Спасибо тебе, Мелани.

Она перегнулась через стойку, как будто хотела поделиться со мной секретом.

– Мы все тут болеем за вас.

Это было так трогательно. Но ведь никто из них не знал, как я поступил с Обри.

В восемь часов я перебрался в свой грузовик. Мне хотелось быть поближе к Обри, но не злить ее, навязчиво маяча на виду. Она не видела меня, но знала, что каждое утро я где-то тут, поблизости.

Ровно в девять тридцать – по ней можно было проверять часы – Обри вошла в «Старбакс» и через несколько минут вышла. Со стаканчиком кофе и сдобой в руке она прошла пару шагов в сторону офиса, затем остановилась и направилась прямо к моему грузовику, поразив меня этим до потери пульса.

Я опустил окно.

– На будущее. Ты не мог бы заказывать для меня менее жирные завтраки?

Я прикусил язык, чтобы не выпалить, что готов кормить ее всю жизнь всем, чего бы она ни пожелала, каждое утро на ее кухне. Вместо этого я сказал:

– Слушаюсь, мэ.м.

Обри кивнула и повернула обратно, но через пару шагов остановилась и перед тем, как продолжить путь, сказала, не оборачиваясь:

– Сегодня утром у «Принцессы» распустились цветы. Они прекрасны.

Я отправился в тренажерный зал, а затем потратил несколько часов в магазине строительных материалов, подбирая все необходимое для осуществления следующего проекта у дома Обри. Когда я решил, что поеду именно в Темекулу, я взял свой фургон, а не мотоцикл, чтобы не привлекать лишнее внимание к своей особе. Неожиданно фургон оказался весьма кстати.

Стоял палящий полдень, и я стянул майку, чтобы вытереть пот, струящийся со лба. Я выгрузил кедровую вагонку, привезенную за очередную, восьмую по счету поездку, на заднем дворе Обри. Градусник показывал +35. Когда я закрыл задний борт своего фургончика, женщина, которая уже не один раз проходила мимо дома Обри, остановилась, видимо, решив поговорить со мной.

– Привет, я – Филомена. – Рука на перевязи, в гипсе. Короткая теннисная юбка, кожаный облегающий топ с низким вырезом и резиновые сапоги выше колен. Резиновые!!! На небе ни облачка, и в последние дни не выпало ни капли дождя. Мой взгляд невольно упал на ее вырез: тут хочешь не хочешь, а заметишь – сиськи у нее были о-го-го какие!

– Чэнс, – кивнул я в ответ.

– Я живу в конце улицы, Чэнс. Знаешь, наблюдаю за тобой уже целую неделю. Я тут подумала, может, ты сделаешь кое-что и для меня?

Она, очевидно, предлагала мне пропахать что-нибудь, но явно не ее лужайку. Два года я не знал женщины; намек был сделан, но я не испытал ни малейшего интереса.

Я поймал ее выразительный, обещающий взгляд.

– Спасибо. Но я работаю только на Обри.

– Повезло же ей. Тебе и в самом деле удалось добавить шарма этому газончику. Я оглянулся на бунгало, некогда заросшее бурьяном. Теперь оно выглядело очень живописно.

– Благодарю. Между прочим, эти цветы называются «Принцесса».

– Да ладно, я ведь не о садоводстве.

Я попытался перевести разговор на другую тему.

– Надеюсь, вы не слишком пострадали. – Я кивнул на ее перевязанное предплечье.

– Да ерунда. Споткнулась в темноте о моего борова. Свинья – вот и вся моя компания. Он единственный мужчина в доме. – Она подмигнула на прощание и бросила через плечо: – Если передумаешь, мой дом номер сорок один. Можешь заходить. В любое время.

Позже, вечером, я вкратце рассказывал о событиях этого дня Крошке Карле. В это время завибрировал звонок моего телефона, лежащего на стойке бара. Чуть раньше я послал сообщение Адель и ждал ответа от нее. Но тут я чуть не подпрыгнул, когда увидел, что пишет Обри.

Обри: Твои фотографии сегодня удалены с веб-сайта. Я также оговорила размер компенсации.

Я тут же ответил.

Чэнс: Ух ты, здорово. Ты молодчина.

Обри: Я отличный профессионал. Тебе нужно подписать документ о передаче эксклюзивного права на эти фотографии. У меня также есть предложения по изменениям условий контракта.

Чэнс: Ты где? Я могу подскочить.

Обри: Подходи к моему офису завтра в 9.30.

Чэнс: Я принесу наш любимый кофе.

Телефон больше не вибрировал, и я решил, что наш разговор окончен. Но через минуту телефон снова заплескал на стойке бара, и в такт ему забилося мое сердце. Просто удивительно, какие мелочи могут подарить надежду, когда вы в ней так отчаянно нуждаетесь.

Обри: Ты строишь сарайчик для Пикси?

Чэнс: Да.

Обри: Ему понравится.

Телефон замолчал, но мне было уже наплевать. Завтра утром у меня свидание с Обри!

Глава 19

Зеленый теперь стал моим любимым цветом. Очевидно, Обри сама была от него без ума, так как уже второй раз с начала моей слезки она облачалась в темно-зеленую блузку. Этот цвет оттенял ее кремовую кожу, а зеленые глаза сверкали, как хризолит – по гороскопу камень моей матери. Это было двойное напоминание, мысль о маме и сожаление по поводу того, что я пропустил уже два дня рождения Обри.

Я откашлялся и произнес:

– Выглядишь сегодня прекрасно.

– Ты слышал, что я тебе сказала?

Конечно же, я пропустил ее слова мимо ушей. Я был слишком занят, раздевая ее глазами, чтобы слушать, что она говорит, да и какое это имело сейчас значение! Ах, дьявол меня возьми, что бы я хотел сейчас с ней проделать! Стол, за которым она сидела, давал пищу моему воображению и не позволял сосредоточиться. Обри сидела за ним, а я представлял ее великолепную попку на нем и свою голову у нее между ног. Наши взгляды встретились, и я понял, что она прекрасно знает, о чем я сейчас вспоминаю.

– Даже не думай. – Она подняла руку, в ее глазах застыло умоляющее выражение. Но я решил, что пора быть более настойчивым.

– Нам надо поговорить, Обри.

– Нет. Я не стану с тобой разговаривать. Я на работе, и это исключительно деловая встреча. Вот поэтому я пригласила Келли. – Она жестом указала на девушку, сидевшую рядом со мной.

Если Обри думала, что я не буду изливать душу в присутствии Келли, она просто недооценивала степень моего отчаяния.

– Хорошо. Давай увидимся после работы. Во время завтрака. Хоть в два ночи, если будет угодно. Мне по хрену, где и когда. Только согласись встретиться со мной, Обри. Нам обоим важно выяснить отношения.

– Я для себя уже все выяснила. И приняла решение, что общаться мы будем только в офисе.

Минуту мы сидели, уставившись друг на друга. Единственной, кто испытывал недоумение, была Келли. Она ерзала на стуле так, как будто ей страшно хотелось пойти пописать. В конце концов я прервал неловкое молчание:

– Ну, хорошо, Обри. Ты не оставляешь мне выбора.

– О чем это ты говоришь?

– О том, что мы выясним отношения здесь и сейчас.

Обри поднялась из-за стола и сложила руки на груди.

– Ни в коем случае!

Я тоже поднялся и сымитировал ее позу.

– А я говорю, выясним!

– Может, мне лучше уйти? – произнесла Келли, окончательно смутившись.

Мы с Обри ответили ей одновременно. Только я сказал «да», а она – «нет».

Келли встала, но потом быстро опустилась на стул, повинувшись предохраняющему взгляду Обри.

– Так с чего начнем, Обри? Так как Келли не в курсе всей нашей истории, пожалуй, надо начать с последнего раза, когда мы были вместе. Помнишь тот стол в номере?

Обри сверкнула глазами.

Я повернулся к Келли и начал объяснять:

– Ты когда-нибудь была в Лас-Вегасе? Так вот, там есть отель на...

– Можешь идти, Келли.

Обри не пришлось повторять дважды. Келли пулей вылетела из комнаты и захлопнула за собой дверь. Надо не забыть поблагодарить ее, когда буду уходить.

– Ну, и зачем ты все это устраиваешь, Чэнс? – Обри старалась казаться суровой, но голос ее подрагивал.

– Я просто хочу, чтобы ты меня выслушала. Обещаю, оставлю тебя в покое, если после моего рассказа ты этого пожелаешь. Даю честное слово.

– Честное слово? – полным презрения голосом произнесла она.

– Дай мне лишь пятнадцать минут. Больше мне и не надо, чтобы все объяснить.

– Десять.

Вот ведь зануда. Я не смог сдержать улыбку.

– Хорошо, десять так десять. Может, нам лучше сесть?

Обри с недовольным видом села за стол. Я более двух лет ждал этого момента, но внешне понял, что не знаю, с чего начать. Поэтому начал с самого начала истории.

– Помнишь, я рассказывал тебе о своей сестренке по имени Адель?

Обри кивнула.

– Тогда я сказал тебе, что она попала в серьезную передрагу. Но я скрыл, насколько ужасно обстояли дела.

Ее лицо немного смягчилось. Я сделал долгий выдох и запустил пальцы в волосы. Было такое ощущение, что меня сжигает изнутри и нестерпимый жар подступает к горлу. Говорят, время лечит, но в этом случае оно не смягчило мою боль. Два года назад я излагал эти факты полицейскому инспектору, но и сейчас эти слова вызывали такую же горечь.

– Ее изнасиловали.

Обри приоткрыла рот и прижала руку к груди.

– Меня тогда с ней не было, я не мог ее спасти. Понимаешь, она связалась с дурной компанией.

– Мне очень жаль. Сейчас с ней все в порядке?

Я невольно улыбнулся, вспоминая недавнюю встречу с сестрой. У нее такая смешная гулька на голове.

– Да. Сейчас с ней все замечательно.

Обри кивнула.

– Значит, поэтому ты уехал?

– Именно. Но это далеко не все.

– Не все?

– Это долгая история. Дело в том, что полиция никак не могла найти этого негодяя, так что я взял дело в свои руки.

– И что же ты сделал?

Я смотрел ей прямо в глаза, продолжая свой рассказ:

– Я избивал человека до тех пор, пока он не признался, где найти ублюдка, который напал на мою сестру.

Больше всего на свете я боялся, что мое признание напугает ее. Но Обри и глазом не моргнула. Моя бесстрашная девочка. Ее невозмутимость дала мне силы продолжать:

– Я нанес ему серьезные увечья. Пришлось расплачиваться за содеянное. В тот же день, когда я покинул тебя, я начал отбывать срок наказания в тюрьме.

Обри сидела, уставившись на меня. Я дал ей минуту, чтобы переварить услышанное, а потом произнес то, ради чего пришел к ней:

– Я вышел на свободу за день до того, как появился здесь, в Темекуле. Пойми, я никак не рассчитывал, что перед заключением случайно познакомлюсь с тобой. Делал все, чтобы держать между нами дистанцию. Но я не смог.

– Почему ты мне ничего не рассказал?

– Потому что ты заслуживала лучшей участи. Я не хотел заставляя тебя ждать целых два года. Ты тогда только что рассталась с одним неудачником и была готова начать все заново. Я не мог возложить на тебя это бремя.

– И вместо этого ты разбил мне сердце? – Когда она задавала этот вопрос, в ее голосе не было злости, она просто пыталась во всем разобраться.

Я кивнул. И себе заодно.

Мы долгое время хранили молчание. Она сидела, уставившись на свои руки, сложенные на столе. Мне надо было сказать ей еще кое-что, то, что она обязательно должна была услышать. Я поерзал на стуле и подался к ней, накрывая ее руки своими ладонями.

– Посмотри мне в глаза.

Она помедлила, но все же послушалась.

– Прости меня, Принцесса. За все прости. За то, что причинил тебе боль. За то, что бросил. За то, что меня не было с тобой, когда ты проснулась. За то, что не был с тобой все это время.

Обри закрыла глаза. Ее лицо исказила гримаса боли, и я ненавидел себя за то, что был ее причиной. Мне так безумно хотелось обнять Обри и прижать к груди, но я этого не сделал. Я уже проявил достаточную настойчивость, и давить не нее дальше было бы крайне эгоистично с моей стороны. Мое сердце гулко стучало в груди. Когда Обри снова открыла глаза, то уставилась на наши соединенные руки – и на кольцо, которое я все еще носил на пальце. Мое обручальное кольцо.

На ее глазах показались слезы.

Повисшее молчание было сущее пыткой.

– Мне так жаль, что тебе с Адель пришлось пройти через этот ад, – в конце концов произнесла она хрипловатым от волнения голосом.

– Мне тоже. Мне хочется оставить все это в прошлом и просто продолжать жить.

И снова наступило молчание.

– Я уже была почти счастлива. Ричард сделал меня счастливой.

Сердце наполнила невыносимая боль.

Между тем Обри продолжала:

– Мне нужно время, чтобы все осознать. Я провела два года, ненавидя тебя.

– Я понимаю.

Позволь мне все исправить, Принцесса!

– Как долго ты намерен оставаться в городе?

До тех пор, пока ты снова не станешь моей.

– У меня пока нет конкретных планов на жизнь. Но я все же работаю над одним проектом.

От этих слов уголки ее губ слегка изогнулись в улыбке, но Обри очень быстро снова приобрела серьезный вид.

– Мне нужно время, – повторила Обри.

Какими бы невыносимо долгими ни были эти два года, я наконец облегчил душу. А теперь буду ждать и искать, что же поможет Обри обрести душевный покой.

Не помню, что я думал испытать, все рассказав Обри, возможно, некоторое облегчение, но на самом деле меня охватило еще большее беспокойство, чем раньше, когда между нами было столько недосказанного. Но сейчас... что если, зная теперь, что случилось на самом деле, она простит меня, но уже не захочет быть со мной? Получается, что мы либо открыли дверь в новую жизнь, либо окончательно закрыли ее друг для друга.

Я целых два часа просидел в фургоне около ее офиса, несмотря на обещание дать ей возможность подумать. В голове отчаянно гудело. Я откинул кресло назад, готовясь подремать несколько минут. Однако не успел я опустить веки, как мое внимание внезапно привлекло

мелькнувшее зеленое пятно. Обри с портфелем в руке стояла перед входом в офис. Она нацепила темные очки, опустила глаза и перешла улицу. В отличие от предыдущих дней, она не набирала текст в телефоне, и походка ее не была энергичной, как обычно. Напротив, ее движения были несколько нерешительными, и, казалось, она с усилием переставляет ноги. Через минуту она скрылась на площадке, где припарковала машину, а потом я увидел, как ее «Ауди» медленно выползает с парковки и поворачивает в сторону дома.

Как ни удивительно, я не последовал за ней.

Вместо этого я решил направить свою энергию на что-нибудь другое. Подготовка к битве предполагает изучение противника. Мне надо разузнать побольше по поводу этого хмыря Дика.

Около семи часов мой враг показался на крыльце офиса. Он быстрым шагом прошел к своему «бумеру» и поехал совсем не в направлении дома Обри. Я оперативно развернулся и последовал за ним. Я почти полчаса таскался за принцессиним хахалем по городу, а потом он выехал на шоссе. Мне была не очень хорошо знакома эта часть Калифорнии, но не надо быть знатоком географии, чтобы понять, что мы находились отнюдь не в фешенебельном районе.

Об этом свидетельствовало множество признаков: разбитые, заколоченные фанерой окна, граффити, дворы, заваленные кучами хлама, потрепанные временем машины, которые казались заброшенными... На перекрестке стояла полицейская машина.

В каких же трущобах живет этот Дик?

Я следовал за ним еще полквартала, изо всех сил стараясь не привлекать внимания к своему фургону. Он лавировал по узким переулкам, проезжая по которым мне хотелось запереть все двери. В конце концов он притормозил и остановился у обочины. Я припарковался на другой стороне улицы, за несколько машин до него. Если я собираюсь продолжать эту безумную слежку, мне определенно понадобится какой-нибудь гребаный бинокль. Дик протянул руку на заднее сиденье, вытащил какую-то сумку и начал переодеваться прямо в машине.

Что этот козел делает, твою мать?

Вдоль улицы, на которой мы припарковались, сплошь стояли убогие многоквартирные дома. Полдюжины типов в банданах праздно шатались неподалеку. Они подозрительно напоминали тех, с которыми я недавно расстался в тюряге. Дик вышел из машины, воровато огляделся и направился к одному из ветхих домов. Он спустился по бетонным ступенькам, очевидно, ведущим в подвальное помещение, и скрылся из виду.

Через несколько минут к той же двери направился еще один мужчина. У этого типа была длинная свалывшаяся борода, вязаная шерстяная шапка на голове и тяжелый армейский китель, несмотря на стоящую жару. В довершение всего он непрерывно почесывал лицо, оглядывая окрестности безумным взглядом.

Дик посещает вертеп наркоманов?

Становится все интереснее и интереснее...

После двухлетнего пребывания в тюрьме, в компании разномастных преступников мне хотелось как можно скорее убраться отсюда подобра-поздорову, особенно после того, как начали сгущаться сумерки. Окрестности, которые казались заброшенными и безлюдными, начали вдруг оживать – наполняться людьми, которые, очевидно, не выходят на свет божий в дневное время, предпочитая скрываться в тени.

Но я упорно ждал. Если Дик не боится находиться здесь, то чего опасаться мне? Прошло более часа, когда, наконец, принцессин хахаль быстро взбежал по ступенькам и вышел на улицу. Он поспешил к машине, держа в руке коричневый бумажный пакет. Его пафосная тачка сорвалась с места, не успел он захлопнуть дверь.

Я не стал преследовать его.

Меня одолело любопытство, и я, не раздумывая, вышел, запер фургон и направился к зданию. Я не знал, что буду делать, подойдя к двери, – купить понюшку кокса в качестве веще-

ственного доказательства, чтобы показать Обри, что ее распрекрасный Дик на самом деле хрен собачий, было бы не самым умным решением. Мне просто надо было разобраться, с чем я имею дело, и действовать дальше, исходя из полученной информации.

Лестничный проем был очень узкий и упирался в закрытую дверь. Дойдя до последней ступеньки, я увидел в двери маленькую щель. Изнутри доносилась музыка. Я слегка приоткрыл дверь – сначала чуть-чуть, а потом пошире. Тут дверь внезапно отворилась настежь, и я чуть не ввалился в помещение.

Я поднял глаза, ожидая, что обнаружу приставленный к голове пистолет, но то, что я увидел, было в корне противоположным – дверь придерживал человек в облачении священника, жестом приглашая меня пройти внутрь.

– Входите, пожалуйста. Мы рады накормить вас в нашей «Счастливой поварешке» и сделаем это со всей любовью.

После минутных раздумий я понял, куда попал – это была столовая для бездомных. Проклятый принцессин хахаль приперся сюда не за понюшкой кокса, а для того, чтобы покормить обездоленных.

Твою ж мать, это же надо так обосраться!

К сожалению, пришлось признать, что в этом раунде игры моя карта бита.

Глава 20

Как выяснилось, Обри с Диком были парочкой гребаных филантропов.

Сидя в засаде на Джефферсон-стрит пару дней спустя, я открыл местную газету и в разделе «Общественная жизнь» с удивлением наткнулся на прекрасное улыбающееся лицо Обри над статейкой о только что открывшемся новом приюте для животных.

«Местные адвокаты Обри Блум и Ричард Клайн из юридического агентства «Sherman, Kline and Lefave, LLP» посетили торжественную церемонию открытия нового приюта для животных «Парк-стрит». Клайн и Блум, члены совета директоров «Парк-стрит», собрали более пяти тысяч долларов для строительства нового помещения приюта».

В конце статьи указывался телефонный номер приюта. Я без промедления набрал его.

– Приют для животных «Парк-стрит», – ответил женский голос.

– Привет! Мне хотелось бы узнать, не нужны ли вам волонтеры?

– Конечно, нужны, сэр. Нам сейчас требуются люди, которые выгуливали бы собак. Вы заинтересованы в таком сотрудничестве?

– Конечно, заинтересован. Могу подъехать к вам после обеда.

– Надо будет заполнить некоторые документы, мы их оформим, так что вы сможете приступить к работе в конце недели.

– Вот и чудесно. Мне не терпится начать помогать вам в вашем благородном деле.

Мой ответный ход, принцессин хахаль.

Специалист по наружному наблюдению, ландшафтный дизайнер, козлиная сиделка... а теперь еще и выгульщик собак – вот неполный перечень всех профессий, которые перепробовал Чэнс Найтмен за время пребывания в Темекуле.

Теперь мой распорядок дня выглядел следующим образом: виртуальный завтрак с Обри в кафе «Старбакс», посещение тренажерного зала, обустройство ландшафта и озеленение (плюс возня с Пикси), а в послеобеденное время – прогулки с собаками в количестве от трех до пяти штук. Для человека, не имеющего постоянной работы, я вел более чем насыщенную жизнь и был в лучшей физической форме, чем когда-либо в жизни.

Однажды в пятницу после обеда я выгуливал в парке датского дога, немецкую овчарку-полукровку и левретку, когда вдруг пришло сообщение от Обри.

Обри: Получила твой новый контракт. Они хотят, чтобы ты подписал его сегодня днем, чтобы не нарушать график производства печатной продукции.

Пытаясь удержать всех трех гавкающих собак одной рукой, я надиктовал текст ответа.

Чэнс: Выгуливаю собак в парке Слейтер. Могу приехать, как закончу.

Обри: Выгуливаешь собак?

Я был уверен, что ее это заинтригует. На самом деле я на это даже делал ставку. Было самое подходящее время для того, чтобы сообщить ей о моем новом благородном занятии.

Чэнс: Работаю волонтером в твоём приюте. Прочитал статью. Знаю, что это для тебя много значит. Просто хотел помочь.

Обри: Ты это серьезно?

Чэнс: Можно приехать в офис около пяти, после того, как отведу собак обратно?

Обри: *Есть планы на вечер, мне к этому времени надо уйти. Что, если я подъеду в парк прямо сейчас, и ты все быстро подпишешь?*

Чэнс: *Где мы встретимся?*

Обри: *У торговой палатки на входе в 16.15.*

Чэнс: *До скорой встречи.*

Вот и замечательно.

Честно говоря, это не я выгуливал собак, а как раз наоборот – они выгуливали меня. Я позволял им тащить меня, куда им заблагорассудится. Кроме того, приходилось собирать их дерьмо в розовые пластиковые мешочки, предоставляемые приютом, и исправно выбрасывать их в мусорные ящики.

На что я только не готов ради тебя, Обри Блум.

Когда подошло время встречаться с Обри, пришлось призвать подопечных к порядку.

– Эй, умерьте прыть, ребята! Нам сюда. – Управлять двумя здоровенными псами было так же нелегко, как норовистыми лошадьми.

Заметив ее, я остановился. Она меня увидела не сразу. Обри стояла в одиночестве с папкой под мышкой и поглощала мороженое в вафельном рожке. У меня потекли слюнки, пока я наблюдал, как ее язычок облизывает белый шарик. Под солнечными лучами ее волосы переливались рыжими искорками. Легкий ветерок соблазнительно приподнял подол ее юбки, слегка приоткрывая стройные ноги, по которым я так соскучился.

На самом деле больше всего на свете мне хотелось, чтобы эти ноги обвивали мою спину.

Мой член зашевелился, как только я представил это себе. Собакам явно не понравилось, что им пришлось резко притормозить, чтобы я мог поглазеть на предмет своего обожания. Они отплатили мне тем, что внезапно бросились к тому месту, где она стояла, таща меня за собой.

Обри разразилась смехом при виде того, как я безуспешно пытаюсь сдержать троих заливающих лаем псов.

– Смотрю, у тебя хлопот полон рот, – с улыбкой произнесла она.

Стоило пострадать немного, чтобы получить в награду ее искреннюю улыбку, что в последнее время случалось так редко. Нижняя губа ее была испачкана мороженым, и я умирал от желания слизать его. Казалось, собаки были так же очарованы Обри, как и я. Они с энтузиазмом принялись наскокивать на нее. Датский дог умудрился отхватить кусок мороженого, которое теперь было покрыто собачьими слюнями, и Обри скормила нахальному псу оставшееся. Казалось, ей нравятся знаки их внимания, хотя эта троица чуть не сбила ее с ног, обливав все лицо. Овчарка пристроилась к ее ноге, очевидно пытаясь удовлетворить свой главный природный инстинкт.

Собакам многое сходит с рук.

Я поймал себя на мысли о том, что не прочь поменяться с этим псом местами.

Намотав поводки поплотнее на руку, я произнес:

– Эй, ребята, не пора ли утихомириться? Дайте бедной Обри передохнуть.

– Интересно слышать этот совет из ваших уст, мистер Найгл.

– Я, по крайней мере, не набрасывался на тебя и не пытался облизать. – Я многозначительно пошевелил бровями. – Разве что в мечтах.

– Да неужели?

– Ага. И вот сейчас тоже. Но я могу себя сдерживать, когда хочу этого. Я ведь заработал очко, правда? – Я подмигнул ей.

– Прими поздравления за то, что не ведешь себя как животное.

– На самом деле иногда это нелегко сделать, потому что я знаю, что теряю, и могу живо представить, как пробую на вкус каждый кусочек твоего тела.

Она покачала головой.

– Ты просто невыносим.

– Но тебе же это нравится.

– Это вовсе не так. – Она закатила глаза, но на лице ее было отнюдь не недовольное выражение.

Моя дрянная девчонка.

Она открыла папку и вытащила из сумки ручку.

– Ты должен подписать этот контракт. Я его тщательно изучила. Там включено все, что мы от них требовали, никаких сюрпризов не ожидается, но все же можешь просмотреть, прежде чем подписывать.

Я как можно быстрее нацарапал свою подпись внизу документа и вернул ей ручку.

– Нет необходимости читать. Я тебе полностью доверяю. – И, глядя ей прямо в глаза, добавил: – Сомневаюсь, что ты можешь сказать то же самое обо мне, но я над этим усердно работаю.

Она казалась обескураженной.

– Ты совершенно прав. Я не могу сказать того же о тебе. – Обри сунула папку под мышку. – Мне пора идти. Уже опаздываю.

– У тебя свидание с этим Дикстером¹²?

– Прекрати называть его так. В последний раз говорю, его зовут Ричард.

Я перешел на серьезный тон.

– Ну же, не обижайся, Принцесса. Я просто шучу насчет твоих кусочков... Дика и всего прочего. Ты же знаешь, что у меня своеобразное чувство юмора. Когда-то тебе это даже нравилось.

– Да неужели? Странно, я ведь почти не помню, что случилось до того, как я проснулась с болью между ног и обнаружила, что тебя и след простыл.

Твою мать!

Было такое ощущение, будто она нанесла мне мощный удар под дых. Когда же наконец мне станет легче... да и станет ли?

Я сделал шаг к ней.

– Нам надо поговорить о том, что случилось. Я...

– Мне действительно пора идти, – сказала Обри, глядя на часы и отступая от меня.

Собаки разрезвились и принялись тянуть меня в сторону парочки маленьких йоркширских терьеров, которые носились поблизости без поводков. Я прикрикнул на своих:

– А ну, говнюки, прекратите это безобразие!

Но попробуй с ними справься...

Когда я обернулся, моя девочка уже скрылась из виду.

Потерпев полное фиаско, я направился напрямик в бар и вылил все в свои беды на Крошку Карлу.

Наливая мне второй стакан, она покачала головой.

– Хочешь знать, что я на сей счет думаю? Она такая же вредная, как ты.

– Поясни свою мысль.

– Вы оба любите играть в игры.

Я покрутил ром в стакане.

– Ну, если это игра, то она мне начинает порядком надоедать.

– Она делает вид, что не хочет, чтобы ты тут находился, а тем не менее мы застучали ее на том, что она тоже следила за тобой. Если бы она действительно не хотела иметь с тобой ничего общего, она никогда в жизни не согласилась бы вести твои дела. Она бы рассказала своему бойфренду вашу историю, и он дал бы тебе пинка под зад, не глядя на то, клиент ты или

---

¹² По аналогии с именем «Декстер». Так зовут серийного убийцу – героя американского сериала «Декстер».

нет. Она скрывает от него твое существование, потому что все еще испытывает к тебе нежные чувства и не хочет, чтобы он был в курсе ваших отношений. Ты что, ослеп, Крокодил Данди?

Мое сердце забилося сильнее, наполняясь новой надеждой.

– Я никогда и представить не мог...

– Тебе надо прекратить эту игру в кошки-мышки. Выясни, чего она на самом деле от тебя хочет. Ты отличный парень, Чэнс. Я знаю, что ты причинил ей боль, но ты и сам страдаешь не меньше. Она должна это знать. Перестань притворяться, что с тобой все в порядке, несмотря на то, что между вами произошло.

– И что ты предлагаешь?

– Прекрати играть в самоотверженного, готового все терпеть героя. Сколько кустов ты еще готов посадить в ее садике, мистер Зеленый Палец¹³. Это ведь ни к чему не приведет. На самом деле, все, что тебе надо – это посадить самого себя в ее кустик! Не теряй время понапрасну и выскажи ей прямо, чего ты от нее хочешь.

Я не мог удержаться от смеха.

– На фиг зеленые пальцы. У меня скоро член позеленеет и отвалится.

– И ты превратишься в Зеленого Великана¹⁴! – язвительно произнесла Карла.

– Хуже – в Шрека, – не преминул вставить я.

Тут мы зашлись в диком хохоте. Когда приступ смеха прошел, я посмотрел на нее – моего тестового слушателя. Дружба этой девушки действительно много значила для меня.

– Что бы я без тебя делал, Крошка Карла?

Мне показалось, что она даже покраснела от моих слов, а это на нее было совсем не похоже.

Кашлянув, чтобы прочистить горло, она облокотилась о барную стойку.

– Послушай, если серьезно, ты должен поехать к ней сегодня вечером. Признайся в своих чувствах безо всей этой гребаной ерунды. Ни в коем случае нельзя терять время. На свете есть множество других женщин, готовых тебя осчастливить, если ей это не нужно.

На какое-то мгновение в ее глазах промелькнуло выражение, которое навело меня на мысль, что, возможно, она имеет в виду себя.

В оставшиеся дни недели я отказался от слезки за Обри. Впервые с тех пор, как приехал в Темекулу, я ни разу за целый день не увидел ее. Мне требовалось некоторое время побыть одному, чтобы все обдумать, не отвлекаясь на ее прекрасное лицо и аппетитную попку.

Несмотря на то, что последняя беседа с Карлой прибавила мне уверенности, чем больше времени я проводил в одиночестве, тем большие сомнения закрадывались мне в душу.

В то воскресенье я большую часть дня провел в прачечной самообслуживания. Наблюдая за бесконечным вращением одежды в стиральной машине, я невольно погрузился в почти медитативное состояние и принялся размышлять обо всем, что происходило.

Несмотря на то, что я всегда повторял, что буду оставаться в городе столько, сколько понадобится, мне все же не хотелось этого делать в том случае, если Обри даст мне от ворот поворот. Если она была твердо намерена, несмотря ни на что, остаться с Диком, черт его побери, то лучше бы мне знать об этом. Одно дело – убедить ее простить меня, и совсем другое дело – не только добиться прощения, но и заставить ее дать мне второй шанс, оставив парня, который, как она утверждала, сделал ее счастливой и поддерживал в мое отсутствие.

Я принял твердое решение, что завтра вечером, когда Обри вернется с работы, я попытаюсь получить у нее ответ на свой вопрос и выяснить отношения раз и навсегда.

---

¹³ Green Thumb – буквальный перевод Зеленый Палец – человек, имеющий талант к садоводству, выращиванию растений.

¹⁴ Green Giant – торговая марка широко известной американской компании по производству овощных консервов.

Глава 21

В понедельник я пропустил привычный завтрак в кафе на Джефферсон-стрит и направился напрямик к дому Обри. В тот день работы предстояло больше, чем обычно, так как надо было закончить загончик для Пикси и проверить, все ли в хозяйстве в порядке, на тот случай, если вечером обстоятельства сложатся не в мою пользу.

В пути я сделал остановку, чтобы купить два любимых козликком буррито – разумеется, без кукурузы, – и принес обед к окошку.

Наблюдая, как мой подопечный пожирает угощение, проглотывая его чуть ли не целиком, я задумчиво поскреб голову.

– Послушай, дружище, хочу сказать тебе кое-что очень важное.

Козлик был слишком занят, вылизывая обертку из-под буррито, и даже не удостоил меня взглядом.

– Хочу, чтобы ты знал, что, если я уеду, это вовсе не из-за тебя. Ты понял?

– Бе-е-е.

– Я ничего на свете не хотел бы больше, чем каждый день видеть тебя, и чтобы мы трое были вместе. Но я теперь не представляю, возможно ли это. Если невозможно, мне придется уехать. Потому что в этом случае мне будет слишком больно оставаться здесь.

Козлик взглянул на меня печальными глазами. Даже несмотря на то, что он, предположительно, был слепым, могу поклясться, что он меня видел.

– Обещаю, что, даже если мы расстанемся, я никогда не забуду тебя, засранец. Ты это понимаешь?

Пикси положил подбородок на мою ладонь, и я сделал то, что никогда в жизни не делал, – наклонился и поцеловал козла в лобик. Это был далеко не тот поцелуй, которого я жаждал, направляясь в Темекулу, но все же, можно сказать, второй по значимости для меня. Это существо было официальным талисманом моих отношений с Обри и навсегда связано с прекрасными воспоминаниями о времени, проведенном вместе. Расчувствовавшись, я сделал селфи с ним. Теперь я мог целовать его до самой гробовой доски.

Остаток послеобеденного времени я провел в поисках цветов рододендрона под названием «Принцесса». Мне не хотелось обдирать куст, который я посадил у ее дома, поэтому надо было срочно найти цветочный магазин, где продавались бы эти цветы. В конце концов я все-таки умудрился отхватить букет с этими цветами и вернулся в отель.

Приняв душ, я надел черные джинсы, рубашку в тон и попрыскался туалетной водой. Сегодня вечером было очень важно выглядеть и пахнуть как можно привлекательнее. Я решил, что не стоит предупреждать Обри о моем визите. Мне не хотелось, чтобы она начала отговаривать меня от приезда к ней домой. Поэтому неожиданное появление у ее дверей вечером добавит элемент неожиданности нашей игре.

В тот вечер стояла ясная погода. Свет из окон бунгало Обри освещал темную улицу.

Она дома.

И я иду домой.

Мое сердце бешено колотилось. Я припарковал фургончик на углу и сидел там по крайней мере двадцать минут, репетируя свою речь. Из дома, у которого стояла машина, кто-то вышел.

Это была женщина в легкой ночной рубашке и тапочках. Она, виляя задом, шла по направлению к моему фургону, а ее объемистая грудь чуть ли не вываливалась из низкого выреза. Увидев гипс на ее руке, я понял, что это та самая любвеобильная соседка Обри по имени Филомена. А теперь, кажется, и нога у нее тоже была загипсована. Ох, и ни фиги себе! Вот ведь горячая штучка!

- Привет, красавчик! Я заметила твой фургон у дома.
  - Извини. Я и понятия не имел, что ты тут живешь. Мне, наверное, не следовало парковать машину у твоего дома.
  - Ты что, шутишь? Я-то уже обрадовалась, решив, что ты все-таки надумал подстричь травку на моем газоне.
  - Нет-нет. Я здесь нахожусь по личным делам.
  - Тогда, может, зайдешь, и трахнешь меня, наконец?
  - Ух ты! Это, конечно... заманчивое предложение, особенно учитывая этот возбуждающий гипс, но это не для меня. Так что благодарю и откланиваюсь.
  - А почему бы в таком случае не заглянуть ко мне, чтобы пропустить стаканчик? Обещаю, я тебя не съем.
  - Нет, спасибо. На самом деле я приехал к Обри.
- Она положила руку в гипсе на бедро.
- А тебе известно, что у Обри уже есть парень, с которым она встречается?
  - Да, мне это известно.
  - Ну что ж, если передумашь, ты знаешь, где меня искать. – Она изогнула шею, чтобы рассмотреть приближающуюся машину. – А вот и он. Только что завернул за угол. Вечер перестает быть томным.
  - Кто «он»?
  - «Бумер» парня Обри только что проехал мимо.

У меня сердце ушло в пятки.

Блин!

После того, как Филомена, наконец, оставила меня в покое и вернулась в дом, я еще очень долгое время сидел в машине, не зная, что предпринять. В конце концов я сгреб букет и вышел из фургона, планируя просто оставить их на пороге.

То, что я увидел в окне, чуть не заставило мое сердце остановиться. Обри сидела на диване рядом с Ричардом, положив голову на его плечо.

Она выглядела вполне довольной жизнью. На лице ее было написано безмятежное спокойствие. Было такое впечатление, что они смотрят какой-то фильм.

Как ни тяжело было это видеть, я не мог отвести от них взгляд. Эта сцена была пределом моих мечтаний. Ничего в мире я так не хотел, как каждый вечер возвращаться к ней домой и просто проводить время вместе. С каждой секундой, что я стоял там, семена сомнения, посеянные в мою душу этим вечером, пускали корни и прорастали. Внезапно, в первый раз после приезда в Темекулу – даже несмотря на всю слежку и общение с Обри – я почувствовал себя лишним, посторонним человеком, пытающимся вторгнуться в чужую жизнь. Невозможно описать мое страдание. Казалось, в тюрьме я попал во временную ловушку – время для меня остановилось, а в реальном мире оно шло своим чередом. Обри продолжала жить.

Она продолжала жить. Без меня.

Ты просто гребаный придурак, Чэнс.

Ведь именно поэтому ты поступил так, как поступил, помнишь? Ты ведь хотел для нее такой жизни, разве нет?

По крайней мере двадцать минут прошло после того, как я осознал всю безысходность ситуации, а я все еще стоял на том же самом месте, на той самой лужайке, которую я постриг и привел в идеальный порядок. И тут я догадался, почему мне плохо до тошноты.

Я скорбел о том, что потерял безвозвратно.

Когда я покинул ее в первый раз, Обри была просто раздавлена. Теперь, когда я уходил от нее во второй раз, я понимал, что это разрушит меня. Сейчас я просто не знал, как лучше

оставить свой уход. Конечно же, я не мог уйти, не попрощавшись. Пока оставлю цветы на ее пороге, может быть, пошлю ей сообщение или позвоню, чтобы сообщить о своих планах вернуться домой в Хермоса-Бич.

Подойдя к порогу, я наклонился, чтобы положить цветы на дверной коврик, как вдруг вздрогнул от чьего-то топота. Это был Пикси, который, наверное, учуял или услышал меня. Он появился в окошке гостиной, которое находилось как раз рядом со входной дверью, и принялся бляеть без умолку.

– Бе-е-е...

– Ш-ш-ш, – шикнул на него я.

Только я собрался было уйти, как свет на крыльце зажегся, и входная дверь распахнулась. Я повернулся и увидел стоящую на крыльце Обри.

– Чэнс...

Медленно поднимая руку, я произнес:

– Привет!

– Что ты тут делаешь? – Она опустила глаза, заметила цветы и наклонилась, чтобы поднять их. – Ты хотел оставить этот букет на ступеньках?

– Ты угадала. Я и не собирался входить в дом.

Тут появился Дик и с хозяйским видом обвил рукой узкую талию Обри. Я проследил за его движением, а затем снова взглянул Обри в лицо и заметил, что она явно испугана.

– Мистер Найтмен, – произнес Дик. – Чем мы можем вам помочь?

«Мы».

Да пошел ты на хер, принцессин хахаль!

– Я просто заехал, чтобы передать Обри небольшой подарок в знак признательности за помощь в решении моих юридических проблем.

– Очень мило с вашей стороны, но лучше было бы сделать это в офисе.

Вот ведь занудливый козел!

– Вообще-то, я уезжаю рано утром. Поэтому это был мой последний шанс увидеться с ней.

Обри неотрывно смотрела на цветы. Потом подняла голову и пристально взглянула на меня.

– Вы уезжаете из города?

– Совершенно верно. Я закончил здесь свои дела, – продолжал я, глядя ей в глаза, чтобы она осознала всю серьезность моих слов. – Просто не хотел уезжать, не попрощавшись.

Она словно потеряла дар речи. Пикси стоял у ее ног. Зная, чего хочет это создание, я наклонился, закрыл глаза и позволил ему в последний раз облизать мое лицо. Когда я выпрямился, Дик, по всей видимости, сбитый с толку моей неожиданной привязанностью к козлику, стоял, переводя взгляд с козла на меня и обратно.

Еще крепче прижав к себе Обри, он произнес:

– Что ж, примите наши наилучшие пожелания.

– Благодарю вас. – Я пошел прочь от крыльца, но не удержался и обернулся еще раз. – Берегите ее, – сдавленным голосом произнес я.

В тот момент мне было все равно, какое впечатление произведут на моего счастливого соперника эти слова. Мне просто было необходимо это сказать.

Пытаясь справиться с невыносимой болью, я пошел через лужайку, больше не оглядываясь на Обри. Повернув за угол, я сел в фургон и рванул с места.

Я направился напрямик в свой номер в мотеле. Конечно, хотелось завалиться в бар, чтобы попрощаться с Крошкой Карлой, но я боялся, что не удержусь и напьюсь до беспамят-

ства. Лучше на днях напишу ей письмо или сообщение, чтобы дать понять, как много ее дружба значит для меня.

Обри так и не позвонила и не прислала сообщение, и это только утвердило меня в моей правоте – уехать из города было наилучшим решением.

Я беспокойно метался в постели, сон совсем не шел ко мне. Не в состоянии избавиться от мучительной боли, которую причиняла мне мысль, что я больше никогда не прикаснусь к ней, я смирился с бессонницей. Сел на краю постели, от отчаяния дергая себя за волосы при виде упакованного чемодана и вот уже в сотый раз проверяя телефон на предмет пропущенных звонков.

Взглянув на руку, я сорвал с пальца фальшивое золотое обручальное кольцо из Лас-Вегаса и в ярости швырнул его в мусорную корзину. Какая-то часть моего сознания, конечно, не ждала, что Обри позвонит, но другая, большая его часть была просто сокрушена из-за того, что она никогда этого не сделает. Самое ужасное, я не мог представить своего будущего без этой женщины, и это разрывало мне сердце.

Внезапный стук в дверь заставил меня вздрогнуть.

Мотель находился в весьма злачном месте, поэтому я посмотрел в глазок, прежде чем открыть дверь. За дверью я увидел искаженное стеклом, расстроенное лицо Обри. Сердце бешено забилося, несмотря на то, что в нем уже не оставалось никакой надежды.

Я открыл дверь, не произнося ни слова, а она прошла мимо меня и уселась на постель. Я остался стоять на месте. В полной тишине мы смотрели друг на друга. Потом она заговорила.

– В тот день я шесть часов ждала тебя в холле отеля...

По ее щеке поползла слезинка, и я, схватив бумажный платочек, вручил его ей и уселся рядом. Тело мое напряглось в ожидании ее дальнейших слов.

– Я была просто уверена, что ты обязательно вернешься. Я мыслями возвращалась к словам, которые ты произнес в тот вечер, когда сильно задержался, пытаясь раздобыть нам ужин в Аризоне, а я испугалась. Ты тогда сказал: «Я бы никогда так с тобой не поступил». Поэтому я и питала ложную надежду на твое возвращение через какое-то время. Я чувствовала себя полной дурой, потому что, даже несмотря на то, что все твои вещи исчезли, я все еще верила, что ты вернешься. Знаю, что была с тобой лишь восемь дней, но ты мне казался ближе, чем кто-либо другой на всем свете. Я вполне могла представить свое будущее с тобой.

В моей груди все сжалось.

– Расскажи мне, что с тобой происходило, когда ты приехала в Темекулу. Я хочу знать все, даже если это причинит мне боль.

– Я долгое время пребывала в депрессии. Целиком погрузилась в новую работу. Через пару месяцев после переезда я встретила парня, который стал мне по-настоящему хорошим другом. Его звали Джереми. Он был таким милым и очень хорошо ко мне относился. Мы дружили почти полгода, а потом у нас начался роман. Он все знал о наших отношениях. – Обри усмехнулась, впервые подняв на меня глаза. – И ненавидел тебя.

Я улыбнулся, хотя ее слова и причиняли мне невыразимое страдание.

Она продолжала:

– Я воздвигла стену между нами и не пускала его в свое сердце. Ты все еще оставался всем, что я хотела, всем, о чем мечтала. Куда бы я ни пошла, все напоминало мне о тебе. Джереми об этом прекрасно знал. Он хотел от меня большего, чем я могла дать ему. Он хотел заполучить мое сердце, но, даже разбитое, оно все еще принадлежало тебе.

– А как ты познакомилась с Ричардом?

– После того, как мы с Джереми порвали отношения, мне действительно нужна была помощь. Несмотря на карьерные перспективы, новых друзей, семейные дела... я почувствовала, что заиклилась, и начала посещать психотерапевта. Доктор помогла мне настроиться на изменения и перестать винить себя за то, что ты меня бросил. Благодаря ее советам я перестала

бесконечно думать об обманутом доверии и предательстве. Хотя я все еще работаю над этими проблемами. А еще заставила меня осознать, что ты больше не вернешься. К тому времени, как в мою жизнь вошел Ричард, я уже была открыта для новых отношений. Он стал партнером нашей фирмы. Вот так мы и познакомились.

– Как бы я ни изгалялся по поводу его имени, кажется, он неплохой парень.

– Я никогда не рассказывала ему о тебе. Да, он действительно прекрасный человек. У нас с ним много общих интересов. Он приветствует мои увлечения. Именно благодаря ему я стала заниматься проектом строительства приюта для животных.

– Действительно благородное дело.

– Но не был он первым, кто вдохновил меня следовать зову сердца, Чэнс. За то короткое время, что мы были вместе, ты научил меня, как жить полноценной жизнью. Именно поэтому мне и было так хреново. То, что я сейчас из себя представляю, сложилось во многом благодаря тебе.

– Ты его любишь?

– Да, – без малейших колебаний произнесла она. Ее ответ был для меня словно выстрел в упор.

Сглотнув, я произнес:

– Хорошо...

– Я в полной растерянности. Я очень привязана к Ричарду и не хочу ему лгать... Твое неожиданное появление перевернуло все в моей жизни с ног на голову. Я бы никогда не догадалась об истинных причинах твоего побега. Все, что я себе напридумала, оказалось неправдой. Я-то полагала, что ты бросил меня совсем по другим причинам.

– Мне казалось, что так будет лучше для тебя.

– Почему ты не захотел позволить мне ждать тебя? – По ее голосу было слышно, какое ей это доставляет мучение. – Я бы ждала, думая о тебе каждую секунду.

Я нежно погладил ее волосы – просто не смог удержаться.

– А я никогда в этом и не сомневался. Но считал, что такой расклад в конечном итоге заставит тебя испытывать раздражение ко мне. Я ведь представления не имел, как перенесу тяготы тюремного заключения, и не хотел, чтобы ты тратила жизнь, ожидая мужчину, который, возможно, окажется тебя недостойн. На самом деле этот опыт сделал меня сильнее, но тогда я этого еще не мог знать. В чем я был совершенно уверен, так это в том, что ты не должна откладывать свою жизнь на потом – ты вовсе не заслуживала такой печальной участи.

– Несмотря на то, что сейчас я понимаю, почему все так сложилось, все же твое бегство было весьма травмирующим опытом. Даже если бы у меня не было отношений с Ричардом, не уверена, что я когда-либо смогла бы полностью поверить, что ты меня больше не бросишь.

Мне было крайне обидно слышать это. Пора прекращать ходить вокруг да около.

– Просто честно ответь на мой вопрос. Я безнадежно опоздал?

Сердце мое колотилось. Обри молчала, но что-то в ее глазах все же давало мне хоть маленькую, но надежду. Мне казалось, что это мой последний шанс, и я готов был отбросить гордость и умолять Обри о прощении.

Она сидела на краешке кровати, и я упал перед ней на колени, прижав голову к ее животу.

– Просто скажи мне, Обри, – повторил я. – Просто скажи, что мне сделать, чтобы ты дала мне второй шанс.

Целых два года я не касался женщины, и, когда она зарылась пальцами в мои волосы, я готов был поклясться, что это самое волнующее ощущение за всю мою жизнь. У меня перехватило дыхание. Она тоже дышала прерывисто. Каждый вздох, срывающийся с ее губ, казалось, отзывался у меня в паху. Ее близость пьянила меня, и мне безумно захотелось попробовать ее на вкус. Я в отчаянии готов был сейчас на все, даже попытаться обратить себе на пользу ее явное сексуальное влечение ко мне.

Если, чтобы завоевать ее, мне придется вести не совсем честную игру, я без колебаний пойду на это. И я медленно произнес, прижимаясь к ее животу:

– Позволь мне загладить свою вину. Клянусь, ты позабудешь всю боль и обиды. Ты даже не сможешь вспомнить свое имя...

– Нет, – едва слышно ответила она.

Я слегка опустил голову и заговорил, касаясь губами полоски кожи под пупком.

– А с ним тебе хорошо? Он дает тебе все, что надо?

Ее ноги задрожали.

– Чэнс, прекрати...

Реакция ее тела была тем ответом, который я хотел получить.

Я снова в игре.

– Принцесса, посмотри-ка сюда. Ты видишь, мои чемоданы упакованы. Я готов уехать из города уже утром. Есть ли у меня причина для того, чтобы остаться? Пожалуйста, скажи.

Ее прелестное лицо исказилось от боли.

– Я ничего не могу обещать тебе.

– А я и не прошу ничего обещать. Просто дай мне шанс. Я хочу начать с того, чтобы снова стать твоим другом... как тогда, когда все начиналось.

Она поднялась на ноги и принялась ходить взад-вперед по комнате.

– Я сейчас с Ричардом. И не собираюсь его обманывать.

– А я и не прошу тебя это делать. – Я медленно приблизился к ней, стараясь не походить на льва, крадущегося к жертве, несмотря на то, что меня обуревал хищнический инстинкт. – Просто снова задам тебе тот же вопрос. Ты хочешь, чтобы я остался?

Она посмотрела мне в глаза и прошептала:

– Да.

– Тогда я остаюсь.

Она отступила от меня.

– Пора идти. Я сказала, что съезжу заправить машину и заодно куплю мороженое.

– Тогда лучше поезжай и раздобудь его. Будь осторожной, уже поздно. Когда я увижу тебя снова?

– Ричард с утра пораньше отправляется на деловую встречу. Так что встретимся за завтраком в «Старбаксе» в девять.

– Предлагаешь позавтракать с тобой? В «Старбаксе»?

– Да. Только не заказывай то же, что и я, а то мне как-то жутковато от этого становится. Я улыбнулся.

Когда дверь за ней закрылась, моя легкая улыбка сменилась улыбкой во весь рот. Лицо мое сияло.

Я подошел к мусорной корзине, вытащил «обручальное кольцо» и снова надел его на палец.

Медленно, но верно дело все-таки идет к победе.

Глава 22

Я полночи не ложился спать, пытаюсь разработать хитроумный план, как завоевать доверие Обри. Эти два года были столь мучительно долгими, и мне так хотелось быть с ней – и в ней, – что, казалось, я вот-вот взорвусь. Но, в конце концов я понял, что не надо никакого мудреного плана действий. Пусть все случится естественным путем, как это и было в начале наших отношений. Надо просто оставаться собой и дать эту возможность и Обри, действуя по обстоятельствам и не форсируя событий.

Тем не менее это вовсе не означало, что я не буду использовать любое дарованное судьбой преимущество. Просто надо осторожно использовать эти возможности, действуя осторожно и продуманно.

Принимая душ, я старался вспомнить те вещи, которые заставляли сиять глаза Обри. В первый раз я увидел блеск в ее глазах во время обеда в ресторане, когда я кормил ее кусочками еды со своей тарелки. Вредный жирный омлет и сосиски были обильно политы «петушиным» соусом «срирача», а все мои мысли были заняты тем, что я никогда не смогу наслаждаться едой в одиночку после того, как видел, как эта женщина ест из моих рук. Кроме того, я был совершенно уверен, что она без ума от моего австралийского акцента. Думая об этих двух маленьких преимуществах я простоял под душем немного дольше, чем планировал. Ну, вот, наконец, я готов к свиданию за завтраком. Боже, я был чертовски голоден – и больше всего на свете я изголодался по Обри.

Я заскочил в магазинчик деликатесов и выбрал кое-какие вкусности, необходимые для австралийского завтрака. Прежде чем уехать из дома, я захватил кое-какие продукты из запасов моей сестрицы. Сложив все в большой бумажный пакет с продуктами, я направился в «Старбакс» пораньше, чтобы до прихода Обри решить с Мелани вопрос о принесенном угощении.

– Что-то вы сегодня припозднились. – Мелани достала бумажную кружку и приготовилась писать на ней название напитка для баристы, стоявшего за ее спиной.

– Не могла бы ты приготовить два таких напитка? Я сегодня встречаюсь кое с кем за завтраком. – Моя довольная улыбка говорила сама за себя, и Мелани сразу поняла, кого я имел в виду.

От удивления она вытаращила глаза. Похоже, девушка за меня действительно переживает.

– Это значит, что сегодня вы пьете кофе с ней, а не просто оплачиваете для нее завтрак?

– Угадала.

Она захлопала в ладоши.

– Так и знала! Ричард, конечно, отличный парень. Но вы другой. Вам удалось вытащить на свет божий ту часть души Обри, которую мы раньше никогда не видели.

Я тешил себя надеждой, что это была настоящая Обри, но она все еще скрывала от меня, что стала прежней. Интересно, подозревал ли старина Дик, что моя девочка любит хорошую драчку и далеко не такая уж непорочная святоша, как кажется. Я готов был поклясться, что этот придурок и понятия об этом не имел.

– Послушай, Мелани. Ты не будешь возражать, если мы сегодня позавтракаем кое-чем, что я принес с собой. Специально приготовил, чтобы порадовать Обри.

– Разумеется, не буду. На здоровье, ешьте все, что хотите. И вообще, поступайте, как считаете нужным.

– Спасибо, Мелани.

Я выбрал самое уютное место – небольшой столик в углу с двумя довольно потрепанными коричневыми кожаными креслами. Придвинув кресла поближе друг к другу, я принялся раскладывать угощение. Обри появилась ровно в девять.

Я встал, когда она приблизилась к столику. В этот первый момент было заметно, что мы оба смущены. Мне хотелось наклониться и поцеловать ее, хотя бы в щеку, но я вовремя заметил, что все ее тело напряжено и она явно нервничает.

– Доброе утро, – кивнул я.

Обри через силу улыбнулась и выдавила из себя:

– Привет.

Я жестом указал на столик за моей спиной.

– Вот, я уже заказал кофе и к тому же принес кое-что нам с тобой на завтрак.

Она села в кресло.

– И что же это такое?

– Это настоящий австралийский завтрак. Я все это принес с собой. Мелани была так добра, что позволила мне эту вольность.

Обри через плечо бросила взгляд туда, где за кассой стояла Мелани, которая вместе с двумя другими девушками с широкими улыбками на лицах откровенно наблюдала за этой сценой. Обри закатила глаза, снова взглянув на меня.

– Можешь мне объяснить, что пытаешься мне скормить?

Я ухмыльнулся. Обри нахмурилась.

– Нам надо установить основные правила игры.

– То есть ты с ходу программируешь меня на их нарушение?

– О чем это ты говоришь?

– Ты же знаешь, если ты устанавливаешь правила, я ничего не могу с собой поделать, и у меня сразу же возникает импульс их нарушить. Что поделаешь, такова моя природа.

– Итак, правило номер один. Никакого нарушения правил.

– Ну, это уж слишком. Получается, если я нарушил правило номер четыре, значит, я нарушил не одно, а два правила. Ты заходишь слишком далеко.

– Я могу уйти.

– Зачем же тебе уходить? Мне больше всего на свете нравится, когда ты заходишь слишком далеко.

– Можешь уйти ты.

– Почему бы нам, наконец, не покормить тебя? Думаю, ты такая раздражительная именно потому, что еще ничего не ела.

– Замечательно. – Она бросила взгляд на еду, разложенную на столе, и облизнулась.

Вот черт! Это будет сложнее вынести, чем я думал.

Я поднял тост, намазанный густой пастой темно-коричневого цвета, чтобы она могла получше рассмотреть его.

– Это называется веджимайт¹⁵. Австралийцы от него без ума. – Надо сказать, уехав из Австралии, мы с сестрой поняли, что есть некоторые связанные с ней вещи, с которыми невозможно расстаться.

– Выглядит как-то подозрительно....

– Согласен, но только в том случае, если ешь его в чистом виде. А вот если намазать сверху маслом, то эта паста приобретет просто фантастический вкус, голову даю на отсечение.

Я протянул ей маленький кусочек тоста. Она попыталась было взять его пальцами, но я отдернул руку, чтоб она не могла достать.

---

¹⁵ Веджимайт (Vegemite) – густая паста темно-коричневого цвета на основе дрожжевого экстракта и овощных вкусовых добавок, национальное австралийское блюдо.

– Согласно австралийской традиции, веджимайт принято есть из рук. Его обычно предлагают новым друзьям в знак дружбы. – Разумеется, эту часть я полностью выдумал. Однако я пропустил поцелуй в честь встречи, и это упущение надо было чем-то компенсировать.

Она покачала головой, но было видно, что все это ее забавляет.

– Ну, хорошо. – Обри закрыла глаза и открыла рот.

Боже мой. Эта женщина создана мне на погибель. Два года разлуки. И теперь я мог любоваться той, о ком все это время мечтал, а она сидела с закрытыми глазами, словно в ожидании моих ласк, и приоткрытым ртом, накрашенным блестящей помадой. А я-то думал, что тюремное заключение было мне ниспослано судьбой для того, чтобы научиться воздержанности.

В отличие от многих американцев, Обри веджимайт пришелся по вкусу. Руководствуясь каким-то неведомым чутьем, я знал, что так и будет. Мы слопали все угощение, что я принес, перебрасываясь ничего не значившими репликами, чтобы избежать выяснения отношений. Я знал, что завоевать вновь ее доверие можно, лишь показав, что значит для меня Адель. Мне так хотелось излить Обри душу, ведь откровенность порождает доверие, как учит доктор Фил¹⁶ – американский психолог, писатель, ведущий телевизионной программы «Доктор Фил», где дает советы по проблемам межличностных взаимоотношений и жизненной стратегии). Токшоу доктора Филадельфии было рекомендовано для показа обитателям тюрьмы и пользовалось среди них немалой популярностью.

– Когда мы с Адель были маленькими, я очень любил подшучивать над ней, иногда весьма жестоко. То прикручивал ее ночью скотчем к кровати так, что она не могла утром встать. То обматывал пищевой пленкой унитаз, и она писала на пол. Прятался под ее кроватью и ждал, пока она не уляжется спать и не погасит свет, и тогда выскакивал с диким воплем, пугая ее до смерти.

– Какой ужас! А я-то в детстве так жалела, что у меня не было брата.

– Вот таким я был гадом. Но однажды она мне отомстила. – Я протянул Обри последний кусочек тоста, и она покорно приняла его. Должен признаться, я не мог не позлорадствовать по поводу того, что с Диком она наверняка заказывала полезные для здоровья салаты, а мне разрешала пичкать ее вредными углеводами и пустыми калориями.

– И что же она сделала?

– Ей тогда было восемь или, может, девять, а мне – то ли десять, то ли одиннадцать. В тот период я как раз открыл для себя футбол и девчонок. Была одна девочка, которой я интересовался и которая, в свою очередь, интересовалась мной. Звали ее Иззи. Однажды случилось так, что она проходила мимо поля, где шли мои тренировки. Я принялся выпендриваться, жонглируя мячом с помощью то головы, то коленки. На Иззи это явно произвело впечатление. Мне казалось, что я уже привел ее в нужное состояние. Это и было так, пока я не повернулся к ней задом.

– Так что же сотворила Адель?

– Она измазала мои белые футбольные трусы веджимайтом. Это та самая субстанция, которой были намазаны тосты. Надо сказать, трудно придумать более отвратительное зрелище. Обри расхохоталась.

– Рада, что ты рассказал мне эту историю после того, как мы закончили завтрак.

– После этого инцидента Иззи потеряла ко мне всякий интерес, а ко мне намертво приклеилось прозвище «Чэнс Грязные Штаны».

Мы оба расхохотались.

– Подумать только, годы спустя парень, которого обзывали Грязными штанами, станет знаменитым именно благодаря своей заднице.

¹⁶ Филлип Кельвин «Доктор Фил» МакГроу (Phillip Calvin McGraw).

– Вообще-то, как тебе известно, на этом постере присутствует и моя физиономия. И лишь малая часть задницы.

– Поверь мне, постер улетает, как горячие пирожки, именно благодаря этой самой заднице.

– То есть ты хочешь сказать, что моя задница привлекательнее, чем лицо?

Она покачала головой и ничего не ответила, но щеки ее слегка покраснели.

– И как же ты рассчитался с Адель за эту выходку?

– А никак. – Я пожал плечами. – Если честно, я ею прямо возгордился.

Мы проговорили еще два часа. Болтали ни о чем и в то же время обо всем. Я мог сидеть так с ней много дней подряд. Когда, наконец, телефон Обри зазвонил, мы оба увидели, что на экране высветилось имя Ричард.

Черт бы побрал этого Дика.

– Мне пора идти. Глазам своим не верю – мы просидели здесь почти два с половиной часа. Я даже не позвонила в офис, чтобы предупредить об опоздании.

Обри поднялась из-за стола, и я встал вместе с ней.

– Какие у тебя планы на сегодня?

– Вывести на прогулку несколько шавок, а потом прополоть клумбу для своего юриста. Все как обычно.

Она покопалась в сумочке и вытащила связку ключей. Отцепив один от кольца, она протянула его мне.

– Вот, держи. На всякий случай, вдруг тебе понадобится ванна или что-нибудь еще во время работы.

Ее дом значил для меня гораздо больше, чем просто место, где можно отдохнуть. Я взял ключ и сжал ее ладони.

– Благодарю.

И сделал шаг к ней. Черт, как соблазнительно она пахнет.

– «Private Collection Tuberose Gardenia», – пробормотал я себе под нос. Почтенный академик Павлов слюной бы изошел, если бы мог видеть мой условный рефлекс на этот чудесный аромат. Я словно вернулся в наш первый вечер в соседних номерах в отеле. Этот запах наполнял ее ванную комнату. Блин! Я пытался сдерживать свое желание, но не мог полностью обуздать страстное влечение, которое испытывал к Обри. Брюки внезапно стали мне тесны.

– Значит, ты помнишь название моих духов?

На сей раз я не смог противиться искушению. Обняв ее за плечи, я привлек ее к себе и крепко сжал в объятиях.

– Я все помню, что касается тебя, – прошептал я, уткнувшись ей в шею.

Когда мы разомкнули объятия, лицо ее было лишь слегка покрасневшим, но приобрело багровый оттенок, когда она опустила глаза и заметила ярко выраженную выпуклость в моих джинсах.

– Понимаешь, вот уже два года я не... – тихо попытался оправдаться я.

– Прекрати, пожалуйста...

– ...не был с женщиной. – Затем мне в голову пришла лучшая формулировка. – Я не прикасался ни к одной женщине с тех пор, как встретился с тобой. И не планирую этого делать.

Я видел, как она сглотнула, прежде чем заговорить.

– Спасибо за завтрак.

– Мы увидимся снова, Обри?

– Завтра утром мне придется уехать из города. Я планирую выехать рано и вернуться поздно. Может быть, пришлю тебе сообщение послезавтра.

Мне очень не понравился такой ответ. Но ничего не оставалось делать, кроме как смириться.

– Счастливого пути. И береги себя.

Я выгулял нескольких собак, отправился в тренажерный зал и решил в тот день не ездить к дому Обри. Просто после чудесного времени, проведенного с ней утром, не хотелось портить отношения, сталкиваясь с ней, когда она вернется домой с работы. И я сомневался, что удержусь от соблазна провести расследование, как только попаду в ее дом, пытаюсь понять, как обстоят дела. Вместо этого я принял душ и направился в бар, надеясь пообщаться со своей подружкой барменшей и получить от нее полезный совет. Это заведение всегда пустовало в такое время дня.

– Ты выглядишь сегодня особенно роскошно, Крошка Карла.

На ней была короткая красная блузка в белый горошек, завязанная под пышной грудью и оставлявшая открытой значительный кусок гладкой кожи. Волосы, уложенные в стиле моделей 40-х, были стянуты красным шарфом.

Карла налила мне любимый напиток.

– Вижу, ты сегодня в отличном настроении. Неужели отрастил, наконец, яйца и решил приударить за этой красоткой?

– Я работаю над этим вопросом.

– Ты работаешь над ним уже больше двух недель подряд.

– Это марафонский, а не спринтерский забег. – Я с шумом втянул в себя ром с колой.

– Ты что, воплощение Далай-ламы?

– Да уж, начинаю себя чувствовать настоящим буддийским монахом. Они же дают обет безбрачия, да?

– Можно задать тебе вопрос? Почему бы тебе не отправиться в бар, не подцепить покладистую женщину и не заняться с ней грязным делом? Я имею в виду просто секс. Пот, трущиеся друг о друга тела – бесцельный грязный секс. Может, после этого ты почувствуешь облегчение.

По правде говоря, я в последнее время обращал внимание на нескольких привлекательных женщин. И это было естественно – я ведь живой человек. Но мое тело жаждало только одну женщину на свете, не оставляя мне выбора.

– Мне тогда будет казаться, что я ее предаю.

– Даже несмотря на то, что она трахается с другим парнем?

Боже, как больно...

– Спасибо за горькую правду, Карла.

– Прости. – Она улыбнулась. – Но все же дай мне знать, если вдруг передумаешь.

Я опустил глаза и посмотрел на кольцо на моем пальце. Возможно, в Лас-Вегасе мы принесли брачные обеты перед «Элвисом» под влиянием винных паров, но я почему-то считал своим долгом их соблюдать. Эта мысль заставила меня задуматься о том, помнит ли Обри слова этих обетов, особенно теперь, когда я снова появился в ее жизни.

Глава 23

Говорят, процент рецидива среди преступников составляет более пятидесяти процентов. Похоже, я подтверждал эту статистику. Несмотря на то, что у меня был ключ, врученный хозяйкой, и, с юридической точки зрения, я не являлся преступником, я не удержался и принялся шарить по углам в надежде найти хоть какую-нибудь подсказку и чувствовал себя при этом полным негодяем.

Все началось весьма невинным образом. Сначала мне приспичило пойти в ванную, потом мне показалось, что Пикси мучает жажда. Поэтому я обшарил все кухонные шкафчики в поисках миски. В этом ведь не было никакого преступного умысла. Там я обнаружил изысканные винные бокалы, кофейные кружки с логотипами юридических фирм, консервные банки, аккуратно расставленные так, чтобы были видны этикетки. Я не мог сдержать улыбку при виде двух бутылочек с красным соусом и нахальным петухом на этикетке, гордо стоявших в первом ряду. Моей девочке нравится «петушинный» соус.

С этого момента я приступил к более активному расследованию. В ванной я обнаружил лишь одну розовую зубную щетку. В тазике плавало только женское белье. Я открыл банку с кремом и понюхал его – он пах Обри. На моем лице снова появилась идиотская улыбка. Но она тут же улетучилась, когда я добрался до большого зеркального шкафчика в ванной. Тайленол, дезодорант, бритвы, еще всякие мелочи и... противозачаточные таблетки. Я открыл небольшой овальный контейнер и увидел, что дозы, предназначенные для понедельника, вторника и среды, уже были выдавлены из серебристой фольги. У меня возникло непреодолимое желание спустить оставшиеся таблетки в унитаз, но мысль об ужасающих последствиях этой диверсии все же остановила меня – даже в страшном сне я не мог представить такое. Я проследовал дальше по коридору.

Попав в спальню, я не удержался и открыл раздвижные дверцы платяного шкафа. Одна из дверей вышла из паза и чуть не упала прямо мне на голову. Все ясно – принцессин хахаль ни черта не делает по дому. Одно радовало – в шкафу не обнаружилось мужской одежды, что явилось своего рода компенсацией после переживаний по поводу противозачаточных таблеток, найденных в шкафчике в ванной.

На туалетном столике стояли несколько фотографий, изображавших, видимо, Обри с отцом на вручении дипломов юридического факультета. Она смотрела на отца, а он с гордым видом смотрел в объектив. Я вспомнил, что он тоже был юристом. Там стояло еще несколько фотографий. На одной была Обри с подружкой в подростковом возрасте. На другой – Обри в компании пожилой женщины. Они были на удивление похожи – скорее всего, это была ее бабушка. При виде последней фотографии у меня перехватило дыхание: на ней были Обри и Дик, а между ними стоял Пикси. Ну, Каракуль, ты и предатель! Несмотря на то, что мне было больно смотреть на эту идиллию, я целых пять минут смотрел на нее, не отрываясь. На лице Обри сияла улыбка во весь рот. Обри выглядела... счастливой. На месте Дика должен был быть я.

Не в силах вынести это зрелище, я собирался уже покинуть спальню, как вдруг резко остановился перед ящичками туалетного столика. Мой взгляд упал на верхний квадратный ящик – в таких обычно хранят нижнее белье. Оправдывая себя тем, что в тот день я уже достаточно нагрешил, я осторожно выдвинул его. Ящик был полон воздушных кружевных вещиц, а сверху лежала записка:

«Нахал, так как тебе больше нечем заняться, не мог бы ты починить дверь шкафа?»

Я хохотал без остановки целых пять минут. Мы знали друг друга как облупленных. Насмеявшись вдоволь, я починил злосчастную дверь.

От Обри со вчерашнего утра не было никаких вестей. Я надеялся, что завтра она пришлет сообщение, и невозможно описать мою радость, когда на экране телефона около девяти вечера высветилось ее имя.

Обри: *Спасибо за то, что починил двери, извращенец.*

Чэнс: *Для тебя – все, что угодно.*

Прошло несколько минут. Я испытывал сомнения по поводу того, стоит ли извиняться перед ней за то, что столь бесцеремонно обшаривал ее дом.

Обри: *Надеюсь, ты не дошел до того, чтобы примерять мои трусики?*

Чэнс: *Я не трансвестит и люблю только нюхать трусики. К тому же, мне больше нравится твоя попка в кружевах, чем моя.*

Обри: *Не смешно.*

Чэнс: *Я вовсе не шушу насчет того, что тащусь от твоей попки в кружевах.*

Телефон замолчал. Очевидно, ее смутило то, что наша перепалка приняла вовсе не дружеский характер. Я подумал, а почему бы не испытать удачу и не продвинуться в отношениях несколько дальше.

Чэнс: *Скучаю по тебе. Когда смогу увидеть тебя снова?*

Обри: *Как насчет того, чтобы прогуляться с собаками завтра после обеда? Я закончу работу с последним клиентом около четырех.*

Чэнс: *Встретимся в приюте в 16:30.*

Обри: *ОК.*

Чэнс: *Приятного вечера, принцесса.*

Обри: *И тебе того же, Чэнс.*

На следующий день после обеда мы встретились в приюте для животных. Обри пришла позже меня и выглядела как всегда прекрасно в своем элегантном костюме. Но когда она удалилась в ванную и вышла в джинсах, белой майке, резиновых шлепанцах и с конским хвостом, я просто рот открыл, настолько она была великолепна. Я не мог оторвать от нее глаз, когда мы направились в парк, ведя по две собаки на поводках.

– В чем дело? Ты смотришь на меня так, словно со мной что-то не в порядке.

– Просто люблюсь тобой. Не знаю, как такое возможно, но с каждым разом ты становишься все красивее и красивее.

Она молчала, когда мы входили в парк. Некоторое время мы прогуливались, а затем уселись на скамейку.

– Можно у тебя кое-что спросить?

– Спрашивай, отвечу на любой вопрос.

– Каково это? Я имею в виду, сидеть в тюрьме?

Было логично с ее стороны интересоваться, чем я занимался эти два года. Я понимал, почему она проявляет любопытство: она просто наверстывала упущенное.

– Это довольно... унижительный опыт. Тюрьма была битком набита заключенными, но мы в каком-то смысле проявляли солидарность.

– Тебя там кто-нибудь навещал?

– Адель приходила дважды в месяц.

– А как же твоя мама? Она все еще ухаживает за больной бабушкой?

– Нет. Она умерла.

Обри посмотрела на меня с грустью.

– Прости. Это был неуместный вопрос. Твоя бабушка была больна, и я могла бы догадаться...

– Ты не могла этого знать. – Я откашлялся. – На самом деле они обе умерли. Мама скончалась от аневризмы в первый же год моего пребывания в тюрьме.

– О Боже, Чэнс. Мне так жаль...

– Спасибо за сочувствие.

Я открыл бутылку с водой и напоил дворняжек, которые, высунув языки, тяжело дышали от жажды. Обри все еще смотрела на меня, когда я закончил поить собак. Я переключил внимание на нее и приготовился выслушать, что она думала по этому поводу.

Когда она заговорила, по ее щекам текли слезы.

– Так много потерь...

Я смахнул слезинки и взял ее за подбородок. Она подалась ко мне. Я еле дышал, вспоминая, что потерял за это время.

– Да, ты права.

Я закрыл глаза на пару секунд, чтобы прийти в себя. Когда я их открыл, Обри все еще смотрела на меня.

– Иногда надо потерять все, что имеешь, чтобы осознать, чем ты действительно дорожишь.

Она переплела свои пальцы с моими и легонько сжала их. Так мы и сидели на скамейке еще целый час, пока четыре пса, которых мы выгуливали, не решили, что пора отправляться домой. Я рассказал ей о клинике для футболистов, которую организовал во время пребывания в тюрьме. Она поведала о своей деятельности по организации и содержанию приюта для животных. Адвокатское бюро, в котором она работала, оказывало ей в этом безвозмездную помощь, и Обри была счастлива. Казалось, она обрела душевное равновесие, о котором так мечтала два года назад.

После того, как мы вернули собак в приют, я все еще не хотел ее отпускать. Мы стояли на улице, и я испытывал смятение, как во время первого свидания, когда приходит время расставаться.

– Может, зайдём куда-нибудь перекусить? – робко спросил я.

Она закусила нижнюю губу.

– У меня есть планы на вечер...

Понятно, она встречается с Диком. Я кивнул и опустил глаза.

– Но...

Я поднял глаза и посмотрел на нее с надеждой. Наверное, в тот момент мой взгляд был полон шенячьего обожания, но я этого не стеснялся.

– Но планы эти весьма неопределенные. Может, я даже могу их изменить.

Я ответил с полной искренностью:

– Я был бы просто счастлив. Не готов делиться тобой сегодня вечером.

Она кивнула и, извинившись, отлучилась на минуту, отойдя в сторону, чтобы поговорить по телефону так, чтобы я не слышал. Потом вернулась и сунула телефон в сумочку.

– Куда бы тебе хотелось пойти? Мне придется заскочить домой, переодеться для похода в ресторан. Собаки меня всю испачкали, а мне не хочется снова облачаться в деловой костюм.

Она обдумывала мое предложение лишь пару секунд.

– Не думаю, что это хорошая идея, Чэнс.

Я поднял вверх три пальца.

– Буду вести себя хорошо. Даю честное бойскаутское слово.

Она сощурила глаза и посмотрела на меня оценивающе, обдумывая мои слова.

– Ну, хорошо.

Она не знала, что все это время я держал за спиной два скрещенных пальца.

Мы заказали спагетти карбонара и куриные котлеты с сыром пармезан в итальянском ресторане в двух кварталах от ее дома. Когда привезли еду, мы тотчас же набросились на нее и уничтожили в мгновение ока. После того, как тарелки опустели, Обри принялась макать хлеб в соус.

– Вижу, ты сняла запрет с поедания углеводов. Помнится, ты говорила, что позволяешь себе нарушать диету лишь раз в месяц.

– Я передумала, решив, что все-таки слишком люблю вкусно покушать. Поэтому позволяю себе и хлеб, и спагетти, компенсируя это интенсивными занятиями в тренажерном зале. Ричард приучил меня к бегу, и я поняла, что могу сжигать калории от кусочка чизкейка менее чем за полчаса. Удовольствие от еды стоит получасовых мучений.

Я отвернулся от нее. Всякое упоминание о Ричарде и осознание того, сколько хорошего он сделал для нее, приводили меня в смятение. Я был счастлив, что она вновь обрела радость жизни, но не мог не испытывать грусти из-за того, что не я был тем человеком, который помог ей в этом. По правде говоря, любое упоминание имени соперника вызывало у меня ужасное раздражение.

– Прости, – искренне сказала она, заметив мое расстроенное выражение.

– Ничего. Я веду себя как свинья. На самом деле я рад, что ты получаешь удовольствие от еды и тренировок. – Мне надо было прийти в себя, поэтому я встал, чтобы отнести пустые тарелки в раковину. Обстановка была такой... домашней. Такой естественной. Интересно, с ним она так же непринужденно ведет себя?

Наш совместный ужин закончился около восьми часов. Я не желал злоупотреблять ее гостеприимством, но так не хотелось уходить. Внимательно осмотрев пол на кухне, я заметил трещины в цементном покрытии – вот и работа на следующий день.

– Ты хочешь, чтобы я ушел? – произнес я не без смущения, но глаза мои были полны надежды.

Она покачала головой и мягко произнесла:

– А может, посмотрим какой-нибудь фильм?

Пикси присоединился к нашей компании в гостиной. Не успели мы усесться на диван, как этот засранец тут же вскочил на соседнюю кушетку. Он положил голову на подлокотник дивана и преданно уставился на нас.

– Это его обычное место, – произнесла Обри.

Некоторое время мы спорили о том, какой фильм смотреть, но в конце концов остановились на одном из сериалов, который взхлеб хвалила Обри. Речь там шла о банде байкеров, и одну из главных ролей исполняла актриса, игравшая мать семейства в сериале «Женаты и с детьми». У нас в тюрьме в комнате отдыха стоял телевизор, но сериал о байкерах не был в списке разрешенных к показу. Получается, я на несколько лет отстал от жизни даже в смысле телевизионных шоу.

– Знаешь, когда я в тот день впервые увидела на парковке у дороги твой мотоцикл, я представила, что мчусь на нем, обхватив руками его владельца. – Она указала на какого-то блондинистого типа в белых кроссовках, который ехал на «харлее» на экране. – Мне было интересно, каково это – со скоростью нестись на мотоцикле.

– Правда?

Она положила ноги на диван и вытянула их. Они были слегка согнуты в коленях, и ее ступни почти касались моего бедра. Я без раздумий взял ее ножку в ладони и принялся растирать. На ее лице появилось задумчиво-настороженное выражение, но потом плечи ее расслабились.

– Ну как, хорошо?

– М-м-м...

– Сдается мне, что придется слетать в Хермоса-Бич.

– Зачем это?

– Забрать байк. Я обязательно должен покатать тебя на нем.

Я продолжал разминать ее ступню, и Обри даже закрыла глаза от удовольствия.

– Мне нравится эта идея.

А уж мне как нравится, Принцесса.

– Хочешь знать, что я подумал, когда впервые увидел тебя?

Она усмехнулась.

– Не знаю.

– Я просто глаз не мог от тебя оторвать. Ты и так выглядела роскошно, но твоя улыбка, когда ты играла с этой идиотской статуэткой Обамы, просто покорила мое сердце...

– А мне-то казалось, что ты с первого взгляда меня возненавидел.

– На самом деле мне тогда тоже захотелось покататься. Но только вовсе не на байке.

Наши глаза встретились, и я заметил, что зрачки ее расширились. Твою мать. Она явно возбудилась. Я сильнее прижал большие пальцы к подъему ее стопы, и Обри закрыла глаза и издала слабый стон.

– Боже, как же мне нравится этот звук... – Мой голос прозвучал хрипло, и я почувствовал напряжение в паху.

Я продолжал массировать ее ножки, и мышцы ее расслабились, но росло напряжение иного рода – между нами пульсировала сексуальная энергия в ее чистейшем виде. Обри явно наслаждалась моими прикосновениями, постепенно поддаваясь страсти, которая захлестывала ее все сильнее. Мои пальцы постепенно переместились на ее лодыжки. Ее дыхание учащалось с каждым поглаживанием. Боже, мне безумно хотелось почувствовать ее обнаженную кожу под своими пальцами. Я жаждал почувствовать ее тело под тяжестью моего, но приходилось сдерживать свои порывы, чтобы не форсировать события, хотя это и причиняло почти физическую боль. Моя рука скользнула на ступню, и я придвинулся ближе еще на один дюйм. Я почувствовал, что ее тело отвечает на мои ласки.

– Чэнс... – простонала она, закрывая глаза. Я медленно склонился над ней.

– Об...

Внезапно раздавшийся звонок в дверь произвел на Обри такой эффект, словно на нее опрокинули ведро ледяной воды. Она широко распахнула глаза, и ее тело застыло. Не нужно быть семи пядей во лбу, чтобы понять, что она подумала и чего так испугалась.

– А вдруг это... Ричард?

– Ну и что? Мы же не делали ничего предосудительного.

– Но... я ведь ничего не рассказывала ему о наших отношениях. Прошлым вечером ты появился у меня на пороге и заявил, что уезжаешь из города. Абсолютно уверена, что уже одно это вызвало у Ричарда подозрения. Если он обнаружит тебя здесь, то, конечно же, подумает, что между нами что-то происходит.

Я внезапно понял, что лучшая защита – нападение, и поднялся с дивана.

– А между нами действительно кое-что происходит.

– Ты понимаешь, что я имею в виду...

Тут снова раздался настойчивый звонок в дверь. Мне ничего на свете так не хотелось, как подскочить к двери, распахнуть ее и послать Дика в пешее эротическое путешествие. Но Обри явно была в панике. Я запустил пальцы в свою шевелюру.

– Может, мне уйти через заднюю дверь? – Голос мой был полон сарказма. Хотя, судя по тому, как умоляюще она на меня смотрела, именно этого она и хотела. – Ты что, издеваешься?

– Прости меня. Просто... я не хочу, чтобы он видел тебя здесь.

Некоторое время мы смотрели друг на друга в упор. То, что мне предлагали тайком покинуть дом, многое проясняло. Мне ясно давали понять, что это я третий лишний в этом раскладе. А вовсе не Дик. Мне было очень больно, но я все же выполнил ее просьбу и без лишних возражений вышел через заднюю дверь.

Я дождался у заднего окна, пока Дик появился в комнате, и обошел дом. У меня больше не было сил подглядывать за ними – это казалось равносильно смерти. Никакие силы ада не заставили бы меня ждать, пока он уедет среди ночи. Поэтому я предпочел уйти.

Полный душевного смятения, я выехал на шоссе и помчался в Хермоса-Бич. У меня не было выбора – либо ехать к сестре, либо плакаться в жилетку подружке Карле, утопая в жалости к себе, а мне в тот момент не хотелось торчать в городе. Я ехал уже почти час, когда начал мигать индикатор уровня топлива. Въехав на заправку, я припарковался на площадке для отдыха и некоторое время сидел, опустив голову на руль.

Что я делал? Ведь Обри сейчас счастлива. По крайней мере, была, пока я, под влиянием эгоистических побуждений, не появился снова в ее жизни. Я так безумно жаждал, чтобы она тоже захотела меня вернуть, и теперь гадал, уж не вообразил ли то, чего на самом деле не существовало. После часа безумной езды я метался между двумя крайностями – уверенностью в том, что ей лишь нужно время, чтобы научиться вновь доверять мне, и мыслями о том, что я поступаю неправильно и снова порчу ей жизнь, ошиваясь вокруг нее.

Не успел я решиться вылезти из машины, как небеса разверзлись, и начался проливной дождь, который колотил по раскаленному калифорнийскому асфальту, отчего тот дымился, словно сухой лед. Это зрелище было завораживающим и одновременно пугающим. А может, это знак провидения?

Я бегом бросился к магазинчику на стоянке. От сильного дождя одежда промокла насквозь, и я сразу же направился в туалет. Поплескав воды на лицо, я с сочувствием посмотрел на свое отражение в зеркале, словно пытаясь подбодрить себя. Я не мог убедить даже свою жалкую задницу, что наша встреча закончится хорошо, а еще хотел убедить в этом Обри. В этот момент в кармане у меня завибрировал телефон, и на секунду я встрепенулся, охваченный новой надеждой. Но это было лишь сообщение от провайдера, предупреждающее, что я почти исчерпал установленный тарифом лимит. Вот еще одно знамение – отведенное мне время истекает.

Чертыхаясь под нос, я вышел из туалета и решил все-таки немного перекусить перед тем, как заправиться и снова пуститься в путь. Я засмеялся, увидев названия кафешек: выбор был невелик – «Старбакс» или «Чикен Папай». Ирония судьбы, не иначе. Может, на обратном пути зайти в сувенирную лавчонку – а вдруг там окажется статуэтка кивающего Обамы? Я мысленно выругался при мысли о том, какой же я все-таки сентиментальный сукин сын.

Желая как можно быстрее убраться отсюда, я заказал жареного цыпленка и сунул руку в карман за кошельком, чтобы расплатиться. Из кармана что-то вывалилось и с громким стуком упало на пол. Это был ключ. Тот самый ключ, который дала мне Обри. Я поднял его и сжал в руке, а потом расплатился за еду.

И тут меня словно молнией ударило. Я искал всевозможные высосанные из пальца знаки судьбы, и все это время у меня в кармане лежал ключ. А Дик звонил в дверь, чтобы ему открыли. Они вместе уже семь месяцев, а она так и не удосужилась дать своему хахалю ключ от дома. И вовсе я не третий лишний. В глубине души она так и не убедила себя в том, что я ей не нужен. И теперь у меня есть полное основание убедить ее в обратном.

Глава 24

Адель со скрещенными ногами сидела на диване.

– Значит, ты сегодня же собираешься ехать обратно?

Я кивнул.

– Нельзя терять времени. Каждую секунду, которую я провожу здесь, он использует, чтобы одержать надо мной верх. Я просто приехал забрать свой мотоцикл. Сейчас погружу его в фургон. – Я наморщил лоб. – Она хочет покататься со мной.

– Это, конечно, замечательно. Просто надеюсь, что она не будет ездить на тебе самом.

– Именно к этому я и стремлюсь, сестричка.

– Ты что, не понимаешь, что я имею в виду? Будет водить тебя за нос. У нее есть друг, который вроде бы неплохой парень, и это сильно осложняет дело. Вряд ли она захочет причинять ему боль.

– Я прекрасно понимаю, что ситуация далека от идеала. Но у меня есть ключ, дающий ответ на интересующий меня вопрос. – Сунув руку в задний карман джинсов, я вытащил ключ от дома Обри. – Вот он.

– Но это самый настоящий ключ!

– Вот именно. – Я подмигнул сестре. – А у этого парня ключа нет. Она дала его только мне. Конечно же, предполагалось, что это только для того, чтобы пользоваться туалетом, когда я приводил в божеский вид ее газон. Ну, и о чем, по-твоему, говорит тот факт, что у него-то ключа нет?

– Лишь о том, что он не стрижет ее газон. – Адель рассмеялась. – Поверь, мне так хочется думать, что в конечном итоге ты завоеешь сердце этой девушки, но возможность иного исхода заставляет меня нервничать. Вот что я имею в виду. Что в этом случае с тобой будет?

– Ну, тогда твой безутешный старый братец с разбитым сердцем будет мозолить тебе глаза, целыми днями валяясь в пижаме на диване и пожирая несметное количество шоколадного печенья.

Она швырнула в меня подушкой.

– Вот это-то меня и пугает.

– Я понимаю твою сестринскую заботу обо мне. – Я бросил подушку обратно. – Это, конечно, очень трогательно с твоей стороны, но ты тревожишься напрасно.

– Хотелось бы надеяться, что ты не ошибаешься.

Когда я вернулся в Темекулу с полностью запрограммированным байком, мне просто не терпелось сразу броситься к Обри. Была пятница, вторая половина дня, и Обри, наверное, еще находилась на работе. Не в силах сдержать волнение, я набрал текст сообщения:

Чэнс: Не пропало еще настроение обхватить меня ногами?

Обри: Что, прости?

Чэнс: Долой грязные мысли, испорченная девчонка. Я привез свой «харлей» из Хермоса-Бич. Хочешь воплотить в жизнь свои эротические фантазии о байкере?

Обри: Ты приглашаешь меня покататься?

Чэнс: Да, помимо всего прочего.

Обри: Когда?

Чэнс: В выходные, в любое время, если у тебя найдется несколько часиков. Думаю, сможем прокатиться с ветерком по шоссе.

Обри: В последний раз, когда я с тобой это проделала, все закончилось печально.

Чэнс: Ну же, решайся! Позволю называть себя Чарли Хаммером.

Обри: *Его зовут Ханнэм. Чарли Ханнэм, запомни!* ☺

Чэнс: *А мне больше нравится Хаммер¹⁷. Могу продемонстрировать.*

Обри: *Кто бы сомневался, извращенец.*

Чэнс: *И кто это из нас извращенец? Я имел в виду автомобиль. А ты что подумала?*

Обри: *Ты невыносим.*

Чэнс: *Ты сейчас улыбаешься?*

Обри: *Может быть.*

Чэнс: *Вот и отлично. Так что ты скажешь на мое предложение?*

Обри: *Завтра не могу. Как насчет воскресенья?*

Меня охватило острое разочарование – так не хотелось проводить весь день впустую, в ожидании встречи.

Чэнс: *В воскресенье я свободен.*

Обри: *Мне что-нибудь захватить с собой?*

Чэнс: *Я обо всем позабочусь.*

Обри: *Это меня пугает.*

Чэнс: *И правильно, бойся меня.* ☺

Обри: *Тогда до воскресенья.*

Чэнс: *Когда мне за тобой заехать?*

Обри: *Может, в полдень?*

Чэнс: *Отлично.*

Она не ответила. Я не удержался и послал еще одно сообщение.

Чэнс: *С нетерпением жду встречи.*

Весь остаток дня и вечер пятницы я провел в подготовке к нашей воскресной поездке. Первоочередным делом была покупка шлема для Обри. В магазине я чуть не умер со смеху при виде шлема, стилизованного под полосатый черно-зеленый арбуз. В нем был вырезан треугольник, словно кто-то отрезал от него кусочек. Но я быстро сообразил, что она меня убьет, если я заставлю ее это надеть. Поэтому решил выбрать шлем другой модели, который идеально подходил для моей девочки.

Ездить с пассажиром мне было непривычно, поэтому я подправил заднюю подвеску, чтобы моей спутнице было удобнее.

Вернувшись в гостиницу, я полез в Интернет, чтобы выбрать маршрут следования и место, где мы могли бы отдохнуть. Мне приглянулся городок под названием Джулиан, расположенный в семидесяти шести милях от Темекулы. Значит, ехать нам придется около двух часов. Это гористая местность в часе езды от Сан-Диего, знаменитая своими яблочными пирогами. Это прекрасно – яблочные пироги для моей девочки, у которой попка словно спелые яблочки. Да, Джулиан действительно замечательно подойдет.

Я продолжал фантазировать с надеждой на то, что удастся уговорить ее остановиться там, чтобы поужинать и переночевать, но в то же время знал, что она на это никогда не согласится. Поэтому надо было планировать путешествие туда и обратно, чтобы вернуться в Темекулу не слишком поздно.

Наконец наступило воскресенье. Я приложил все усилия, чтобы выглядеть точь-в-точь как байкер из фантазии Обри. Облачившись в потрепанную коричневую кожаную куртку, свет-

---

¹⁷ Hammer – одно из сленговых значений слова «пенис» (англ.). Также известная марка автомобиля-внедорожника.

лые джинсы и сияющий черный шлем, я был исполнен решимости покорить сердце единственной женщины, которую я представлял сидящей за моей спиной на мотоцикле. Теперь я выглядел так, что Чарли Хаммер мог нервно курить в сторонке.

Вместо того, чтобы подойти к двери ее дома, я заставил мотор моего байка оглушительно взрывать, приглашая Обри выйти на улицу. Теперь все соседи были оповещены о моем прибытии.

Обри, наконец, появилась на пороге, и сердце мое возликовало при виде ее улыбки. На ней была короткая, облегающая черная кожаная курточка, подчеркивающая грудь. Все, мне конец! Волосы Обри были распущены, джинсы заправлены в тяжелые черные кожаные ботинки.

Я протянул ей шлем, расплываясь в широкой улыбке.

– Черт, ты выглядишь очень сексуально.

При виде розового шлема Обри расхохоталась, прикрыв рот ладошкой. На боку его красовалась яркая надпись «Принцесса байкеров».

– Надо же, Принцесса байкеров. Ты это сделал на заказ?

– Ничего подобного. Купил готовый в магазине товаров для байкеров. По-моему, тебе подходит просто идеально. Не иначе, знак судьбы.

– Было бы лучше, если бы на твоём было написано Чертов Нахал. – Она подмигнула мне. Я был счастлив видеть, что сегодня Обри решила явить миру еще одну свою ипостась – безбашенную байкершу. Мой дружок немедленно среагировал на это зрелище.

– Ну как, готова прокатиться?

– Честно говоря, мне немного страшно. Ни разу в жизни не приходилось ездить на этих зверюгах.

– Ты помнишь, что испытываешь при езде на автомобиле с откидным верхом?

– Конечно.

– Умножь эти ощущения на десять, и это и будет то, что тебе придется испытать. Просто дух захватывает от ветра и скорости.

Было видно, что она все еще нервничает.

– Волнуешься?

– Прости, ничего не могу поделать с собой.

– Не надо бояться. Просто держись за меня крепче и не отпускай. Это главное, о чем тебе надо помнить.

Пожалуйста, никогда не отпускай меня.

– Можешь быть уверен, не отпущу, – произнесла она.

– Обещаешь?

Обри покраснела, прекрасно понимая, на что я намекаю, и проигнорировала мой вопрос.

– А ты знаешь, у меня это тоже в первый раз, – признался я.

– Что ты имеешь в виду? Ты же в свое время не слезал с мотоцикла.

– Разумеется, но, прикинь, ты первая женщина, которая сидит на нем за моей спиной.

– Неужели?

– Так оно и есть. – Я надел шлем на голову. – Дай-ка я тебе помогу. – Подтягивая ремень, я взглянул в ее прекрасные глаза и сказал: – А теперь я научу тебя некоторым штучкам, прежде чем мы отправимся в путь. Я тут прочитал в Интернете кое-что о безопасности во время езды вдвоем.

– Хорошо. – Она выглядела обворожительно с огромным розовым шлемом на голове.

Я уселся на байк и произнес:

– Запрыгивай назад. – И добавил, когда она так и сделала: – А теперь обхвати меня руками. – Я замер на мгновение, ощутив тепло ее рук, крепко обнимающих меня. – Запомнила это положение? Вот так и держись все время. Хватайся за меня как можно крепче.

– Хорошо.

Я обернулся и посмотрел на нее.

– То, что я скажу сейчас, очень важно. Когда я буду заходить на поворот, просто расслабь тело. Не надо наклоняться в другую сторону. Реакция твоего тела будет именно такой, но этого делать не надо. Запомнила?

– Разумеется.

– И еще кое-что. Нам будет трудно услышать друг друга. Поэтому если ты не захочешь кричать, а тебе надо по какой-то причине попросить меня остановиться, просто похлопай меня по плечу. И это единственный случай, когда тебе разрешено оторвать от меня руку.

Конечно, мои правила безопасности для сохранения ее драгоценной жизни были несколько преувеличены, но я собирался выжать из этой близости максимум.

– Ну, что, поехали? Готова?

Обри пожала плечами.

– Готова, как всегда.

Я завел мотор, и, сорвавшись с места, мы помчались по боковым дорогам, пока не въехали на шоссе. Обри крепко держалась за меня, ни разу не разомкнув рук. Я даже не представлял, насколько приятно ощущение, когда кто-то сидит у тебя за спиной. Ну, конечно, это потому, что за спиной у меня сидела она. Я уж позабыл, насколько здорово мчаться на мотоцикле, когда ветер бьет в лицо и ты испытываешь перегрузку от скорости. Ты получаешь почти такое же наслаждение, как от секса, испытывая ощущение абсолютной власти. Необходимость сосредотачиваться на дороге и окружающей обстановке странным образом умиротворяла.

Несмотря на испытываемое удовольствие от езды, я все время помнил, что нужно проявлять предельную осторожность, ведь я нес ответственность за жизнь Обри. Когда несешься на мотоцикле, тебя не покидает осознание собственной смертности, особенно если ты едешь по шоссе. Наш путь лежал по шоссе и проселочным дорогам, окруженным горами. Несмотря на то, что здешняя природа потрясала своей красотой, я не обращал на нее внимания, желая видеть только прекрасное лицо своей спутницы, и не мог дождаться, когда же, наконец, увижу ее со взъерошенными ветром волосами.

Самой забавной частью нашей поездки были попытки общения с Обри. Она не могла слышать, что я ей говорил. Поэтому я мог кричать во весь голос все, что накопилось на душе и что мне хотелось ей сказать.

Мы уже почти доехали до места назначения, когда я крикнул:

– Хочу целовать тебя во все места.

– Что ты говоришь?

– Хочу показать тебе эти места.

В другой раз я крикнул:

– Думаю, нам обязательно надо скоро пожениться.

– Что ты сказал?

– Думаю, нам надо скоро остановиться.

Когда мы приехали в Джулиан, Обри выглядела именно так, как я и ожидал. Лицо ее покраснело от ветра, а волосы были растрепаны, что было ей очень к лицу. Я невероятным усилием воли удержался от того, чтобы не впиться поцелуем в ее губы.

Тряхнув волосами, она произнесла:

– Итак, с чего начнем?

– Я был так поглощен ею, что не сразу понял, о чем она говорит?

– А-а?

Она повторила:

– Что будем делать?

– Слышал, что это место знаменито своими яблочными пирогами. Почему бы нам не найти место, где можно их попробовать?

Обри хихикнула.

– Мы почти два часа ехали на мотоцикле для того, чтобы поесть яблочные пироги?

– В какой-то степени да.

– Только ты можешь такое придумать. Но именно это мне в тебе больше всего нравится. Ты все превращаешь в приключение. Даже поедание яблочных пирогов.

– Это что, комплимент?

– Конечно. – Она мило улыбнулась, сверкнув зубами. – Ничего на свете мне так не хотелось бы, как отведать яблочный пирог в твоей компании.

Я видел, что ее отношение ко мне определенно смягчилось. Может, это последствия поездки на мотоцикле? Это, конечно, в некоторой степени интимный опыт, особенно для пассажира, учитывая, что он доверяет свою жизнь тому, кто управляет машиной. Полагаю, мне удалось произвести на нее впечатление.

Еще одно очко в твою пользу, Найтмен.

И ноль очков у Дика.

Мы пошли к кафе «Джулиан», где, как считалось, можно было попробовать лучшие в городе яблочные пироги, и устроились за уютным столиком в углу у кирпичной стены. Нам принесли огромную порцию теплых яблочных кусочков, запеченных в тесте до румяной корочки с маслом и корицей, с шариками ванильного мороженого сверху. Нас не обманули – это был лучший яблочный пирог, который я когда-либо в жизни пробовал. Поедая его, я почти испытал оргазм. Надо хоть какое-то физическое удовольствие получить в этот день.

Нам довольно легко удалось разговориться. Наша беседа крутилась вокруг проблем с приютом для животных, ее планов превратить спальню для гостей в рабочий кабинет, а также новой разновидности йоги, которой она начала заниматься. Я молил Бога, чтобы мне удалось воспользоваться преимуществами, которые давала мне эта ситуация. Рассказал ей о кратком визите в Хермоса-Бич и своих планах построить на ее участке небольшой сарайчик для хранения садового инвентаря. А потом я взял и чуть все не испортил, нарушив сложившуюся мирную, благожелательную атмосферу.

– Скажи, а что Дик... извини, Ричард думает по поводу твоего сегодняшнего отсутствия?

– Я сказала, что встречаюсь с другом.

Я рассмеялся с самым саркастическим видом.

– Вот и хорошо. Ты лишь чуть-чуть искажила правду.

– А что тут такого смешного? Разве мы не пытаемся стать друзьями? Это ведь твоя идея, верно?

– Я понимаю слово «друг» в довольно широком смысле. Как, например, не знаю даже, как сказать... моя девушка, что ли...

– Я вовсе не твоя девушка.

– Конечно, нет. Ты же моя жена, черт побери!

– Чэнс...

– Успокойся. Я всего лишь шучу. – Не совсем, конечно. – Послушай, я хочу сказать, что ты можешь убеждать себя, что между нами сейчас все очень невинно, но сомневаюсь, что Дику понравится то, что ты проводишь время с предполагаемым другом, который на самом деле только и мечтает о том, чтобы увести тебя у него. Вышеназванный друг имеет ключ от твоего дома, а у Дика его нет. Не думай, что я не заметил этой маленькой детали. Не надо питать иллюзии, Обри. Моя заветная цель – это украсть тебя у него, даже если я еще не заявил об этом открыто. Это сейчас я твой друг, но мне этого недостаточно. И никогда не будет достаточно. Твою мать, мы с тобой завтракаем, а я хочу съесть тебя без остатка. И не успокоюсь, пока на заполучу тебя целиком. – Рассвирепев на себя за то, что потерял самообладание во время так

называемой дружеской поездки за яблочными пирогами, я подергал себя за волосы, глядя в пустую тарелку, и произнес уже спокойнее:

– Прости меня. Я просто не могу больше притворяться.

Обри молчала с совершенно ошарашенным видом, однако кивнула головой в знак понимания.

– Все нормально.

После моих неловких излияний нам нужно было срочно сменить обстановку. Я поднялся из-за стола.

– Хочешь, пойдем, прогуляемся, осмотрим достопримечательности, прежде чем снова пуститься в путь?

– Очень хочу.

Мы отправились на прогулку и остановились около маленькой книжной лавки, в которой продавались также и всяческие безделушки. Обри с интересом глазела на браслет с буддийским символом мира. Когда она погрузилась в чтение книги Дипака Чопра¹⁸, я отнес один из браслетов к кассе и купил его.

Когда мы вышли из магазинчика, я вручил ей браслет.

– Держи. Мне хотелось подарить тебе что-нибудь, что напоминало бы о твоей первой поездке на мотоцикле. Надеюсь, она не последняя.

– Да разве я смогу забыть этот день, – произнесла она. – Я тебе очень благодарна. И мне безумно нравится эта вещица.

– Знаю. Я видел, как ты на него смотрела. А я в тот момент смотрел на тебя, потому что не могу оторвать от тебя глаз. Вот поэтому... – Я смущенно сунул руки в карманы, огляделся по сторонам, и слова мои повисли в воздухе.

Она надела браслет на узенькое запястье.

– Может быть, он поможет привлечь в мою жизнь хоть немного мира, который мне так нужен.

Мы стояли на тротуаре у книжной лавки, и до меня вдруг дошло, что ей так же нелегко, как и мне. Я все время был погружен в свои страхи и совершенно не думал, что испытывает в этой ситуации Обри. Встретить человека, которого она давно для себя похоронила, именно тогда, когда ее жизнь начала налаживаться... Это перевернуло ее привычный мир с ног на голову.

Мне так хотелось взять Обри за руку, но, стиснув зубы, я остановил себя и сказал:

– Здесь прекрасные места для пеших походов. Если бы у нас было больше времени, мы могли бы остаться в одном из этих домиков и провести здесь все выходные. Но я знаю, что тебе надо возвращаться.

– Может быть, в другой раз, – с улыбкой произнесла она.

– Хорошо.

Около часа спустя мы вернулись на шоссе. Обратная поездка проходила совсем в другой атмосфере. Рыжеватое солнце опускалось за горизонт, и я почувствовал, что она уже не так крепко держится за меня. Мы оба хранили молчание, и где-то на полпути Обри вдруг прижалась подбородком к моей спине. Возможно, для нее это был ничего не значащий жест, но меня словно волна электричества пронзила. Для меня это значило так много. Теперь легко представить, что мы можем каждые выходные так путешествовать. Это ни с чем не сравнимое наслаждение – сидя на байке, ощущать любимую женщину за своей спиной.

Она действительно была моей женщиной. Но считает ли она меня своим мужчиной – вот в чем вопрос.

---

¹⁸ Дипак Чопра – американский врач, писатель индийского происхождения, написавший множество книг о духовности и нетрадиционной медицине.

Мы подъехали к ее бунгалу, рев мотора сменился стрекотанием цикад. Мы оба сидели в полном молчании. Она не спешила слезать с мотоцикла и не размыкала рук, обхватывающих мою талию, а я боялся даже пошевелиться.

Наконец, она заговорила. Голос ее был на удивление тихим.

– Я не буду вечно держать тебя в подвешенном состоянии, Чэнс. Обещаю. Это несправедливо. Но мне надо подумать.

Я схватил ее руки, все еще обнимающие мою талию, и крепко прижал их к груди.

– Я никуда не собираюсь уезжать в ближайшее время, Принцесса.

Она издала тяжелый вздох и прыгнула с мотоцикла, а я остался сидеть на нем. В окне виднелась мордочка Пикси, с любопытством наблюдавшего за нами. Слепой козлик, как же!

Я игриво подергал Обри за распахнутую куртку.

– И когда я снова смогу тебя увидеть?

– Понятия не имею.

– Подумай об этом.

– Спасибо за сегодняшнюю поездку. Я ее никогда не забуду.

От ее последних слов у меня сжалось сердце.

– Ты просто молодчина, Обри. Мне не терпится повторить этот опыт.

По пути в гостиницу в тот вечер я принял нелегкое решение. Залягу-ка я на дно на некоторое время, чтобы предоставить ей свободу выбора. Говорят, если ты что-то отпускаешь и оно к тебе не возвращается, значит, так суждено судьбой и это просто не твое. Но учитывая, что в прошлом именно я оставил ее, боюсь, судьба окажется не на моей стороне.

Глава 25

Два дня спустя я принялся за строительство нового сарайчика на участке Обри. Будет удобно хранить все мои садовые принадлежности в одном месте вместо того, чтобы таскать их взад-вперед. К чести своей должен признать, к тому времени у Обри был уже самый прекрасный садик во всей Темекуле.

День стоял особенно жаркий, и мне захотелось немного остудиться. Чувствуя признаки обезвоживания, я решил, что пора прекратить работу, так как был вполне доволен ее результатами на сегодня.

Воспользовавшись ключом, я вошел в дом, чтобы утолить жажду и воспользоваться перед отъездом туалетом. Пикси уже привык к тому, что я захожу в дом, и даже глазом не моргнул, когда я появился в комнате.

Я не посылал Обри никаких сообщений со времени нашей поездки на байке и понятия не имел, как она настроена. Казалось, со времени нашего последнего разговора прошла целая вечность. Ключи к пониманию ее чувств и стремлений находились в этом доме, но я не мог позволить себе рыться в ее вещах, пытаясь что-то разнюхать, так как чувствовал себя при этом полным негодяем. К своему великому счастью, я не обнаружил явных следов недавнего пребывания Дика, и это меня изрядно порадовало. В доме и духа Дика не было, и душа моя пела.

По спине у меня катился пот, когда я осматривал комнаты, а Пикси следовал за мной по пятам. Интересно, Обри очень рассердится, если я быстренько приму душ в ее ванной? Учитывая, что я дал себе клятву некоторое время не вступать с ней в контакт, я решил, что послать ей сообщение и спросить разрешения будет не лучшим выходом из положения. Хотя, может, зря я считаю, что она будет возражать?

– Ты же ей ничего на расскажешь, Каракуль?

– Бе-е-е...

– Вот хороший мальчик.

Я разделся и небрежно бросил грязную одежду у порога ванной. Когда я стоял под струями теплой воды, все мои мысли, конечно, были устремлены к предмету страсти. Намыливая тело ее фруктовым мылом и поливая себя душистыми шампунями, я ощущал, что таким образом словно погружаюсь в океан по имени Обри. Все мое тело ныло от сладкой боли. Я обхватил своего дружка и начал мастурбировать, но вовремя остановился, одернув себя. Желание было просто невыносимым, но я не мог позволить себе кончить в ее ванной. С моей невезучестью я обязательно оставлю улики. Привет, Обри. Вот тебе мой подарочек. Она, конечно же, поймет, что это моих рук дело (в прямом и переносном смысле слова). А это никак не будет способствовать достижению моей цели. Несмотря на то, что я находился в крайней степени сексуального возбуждения, я твердо решил, что лучше закончу этот процесс в своем мотеле.

Я нехотя вылез из-под душа. Ванная была наполнена ароматным паром. Вытершись полотенцем, я взглянул на свое отражение в зеркале и, согнув руку, напряг бицепсы.

Черт, а я совсем неплохо выгляжу.

После нескольких недель, проведенных под солнечными лучами, и изнурительных тренировок мое тело было, пожалуй, в наилучшей форме за всю мою жизнь. Как жаль, что сейчас я не могу использовать его так, как мне больше всего хотелось.

Энергично растирая голову полотенцем, чтобы высушить волосы, я вернулся в спальню Обри и вдруг заметил на стене картину, изображающую женщину с обнаженной грудью. Ее не было здесь в последний раз, когда я посещал домик. Вот это да! Это была стильная картина, но я никак не ожидал увидеть здесь что-либо подобное.

Я стоял, в изумлении уставившись на картину и думая о тех сторонах Обри, которые у меня не было возможности узнать. Она была, конечно, полна неизведанной сексуальности, и мне стало грустно от того, что я так и не имел возможности до конца познать ее тайны, вместе исследовать пределы дозволенного и открыть ей наслаждение, которого она еще никогда не испытывала.

Блин, я снова возбуждился. Да так, что вот-вот был готов кончить.

Я внезапно вздрогнул от звука ее голоса.

– Боже, что ты тут делаешь! – закричала она.

Я резко повернулся к ней, демонстрируя всего себя во всем великолепии.

Вот дьявол!

Я быстро завернул полотенце вокруг бедер, чтобы прикрыть своего не в меру возбужденного друга. Она не только видела мою голую задницу, когда вошла в спальню, но и узрела впечатляющий вид спереди, когда я так опрометчиво повернулся.

Казалось, она задыхается от возмущения.

– Что ты здесь делаешь?

– М-м-м... Я... Мне стало жарко. Я решил освежиться. И принял душ. – Я нервно рассмеялся. – Не думал, что ты будешь возражать.

– Я, конечно, не возражаю, но, скажи на милость, это, по-твоему, нормально – стоять голым посреди комнаты и глазеть на стену?

– На самом деле я просто любовался твоей очаровательной картиной.

Я невольно оглядел Обри с ног до головы. На ней была одежда, которую она обычно носила в тренажерном зале, – лиловый спортивный лифчик, тесно облегающий прелестную грудь, и эластичное трико, подчеркивающее фигуру. Такой наряд свидетельствовал о том, что она явно не ожидала увидеть меня здесь в послеобеденное время. Обычно я никогда не задерживался на участке так долго, но, увлекшись строительством сарайчика, видимо, потерял счет времени. Но ведь и она никогда не приходила домой так рано.

– А ты почему здесь? – спросил я.

– Мне кажется, это я должна задавать этот вопрос. Вообще-то это мой дом.

– Знаю, но обычно ты не приходишь домой раньше пяти часов.

– Я ходила к врачу, а после этого не стала возвращаться в офис. Решила поехать в тренажерный зал и вернулась домой, чтобы принять душ.

– Жаль, я тебя не дождался. Мы могли бы принять душ вместе.

Она закатила глаза, но все же чуть кривовато улыбнулась.

Нет зрелища более возбуждающего, чем Обри с разгоряченным тренировкой телом, покрытым капельками пота. Я был больше не в состоянии контролировать себя. Я по-прежнему стоял, завернувшись в полотенце, которое не могло скрыть моего возбуждения. Не удержавшись, я медленно начал приближаться к ней. Она не двигалась с места, но приняла оборотительную позу.

– Я безумно скучал по тебе, Обри. Но я честно пытался дать тебе свободу выбора.

Ее грудь вздымалась от волнения.

– Я знаю, что пытался. Но, очевидно, не сейчас.

– Ты права. Не сейчас.

Она перевела взгляд на мой живот и снова подняла глаза. Она не избегала смотреть мне прямо в глаза, и было очевидно, что она совершенно правильно оценивала ситуацию. Зрачки ее расширились.

Сделав еще один маленький шаг к ней, я не мог удержаться, чтобы не заговорить о своих чувствах.

– Ты хочешь знать, почему я смотрел на стену? Хочешь знать, о чем я думал, когда ты вошла?

– И о чем же?

– Я думал о том, что ты являешь миру образ приличной и благовоспитанной девочки, а в глубине души ты еще та горячая штучка. Эта картина на стене лишь лишнее тому доказательство. Ты глубоко сексуальна по своей натуре, и пресные отношения не для тебя. Они никогда не принесут тебе удовлетворения. Ты – женщина, которая – признаешь ты это или нет – хочет попробовать в жизни все, раздвинуть границы возможного. И я знаю, что, если бы мы были вместе, ты позволила бы мне проделывать с твоим телом все, что я хочу. И тебе бы это понравилось.

– И что же ты хочешь?

Ее вопрос удивил меня.

Хорошая девочка. Продолжай в том же духе.

– Прежде всего, давай поговорим о том, что бы я сделал прямо сейчас, если бы мог. Мне хочется медленно слизать соленые капельки пота с твоего тела, и начал бы я с этих роскошных сисек. Я очистил бы тебя своим языком и трахал бы без удержу, пока ты не завелась бы так же, как и я, пока моя сперма не оказалась бы в тебе, где она и должна быть.

Мне казалось, она дрожит от желания.

– А что еще ты хотел бы проделать со мной? – спросила она, отступая от меня и практически вынуждая подойти к ней вплотную, наши лица разделяли хорошо, если пара дюймов.

– Потом я бы до потери сознания трахал тебя языком. Я бы лизал тебя и сосал, а ты бы взяла мой член в рот глубоко-глубоко. Думаю, тебе бы это понравилось. Я бы овладел тобой всеми возможными способами – сверху, снизу, стоя на коленях, оставляя следы рук на твоей красивой белой попке. Я просто умираю от желания снова тебя оттрахать. Когда я говорю так, я имею в виду – заниматься с тобой любовью до самозабвения, потому что именно это и связывает нас – бесконечная любовь и безудержный секс, и так должно быть всегда.

– О, Боже, – пробормотала она, закрывая глаза.

Воспользовавшись ее минутной слабостью, я жадно впился губами в ее губы и принялся страстно целовать, ведь об этом я мечтал целых два года. Она приоткрыла рот, и я начал исследовать его языком, ища ее язычок. У нее вырвался стон, который, прокатившись по моему телу, ударил прямо в член. Она запустила пальцы в мои мокрые волосы, а я прижал ее к стене, чуть не сбив лампу с прикроватного столика. Я все еще был завернут в полотенце и понимал, что надо остановиться, но не знал, как это сделать.

В конце концов Обри отпрянула от меня.

– Пожалуйста, не надо.

Почти задыхаясь, я выкрикнул:

– Разве ты не видишь, как реагируешь на меня? Разве не очевидно, что мы созданы друг для друга?

Она прошла к другой стене и начала ходить взад-вперед по комнате.

– Отношения строятся не только на сексуальном влечении, Чэнс.

– К черту нравоучения! Это тоже очень важная сторона жизни. Мне без разницы, какой замечательный парень твой Дик, если он не умеет использовать свой член так, чтобы доставить тебе удовольствие, то ты никогда не будешь с ним счастлива. Но и это не имеет значения. Ты же прекрасно знаешь, что именно эмоциональная связь между нами пугает тебя больше всего. Чего не хватает для полного счастья? Доверия? Да я жизнь готов отдать, лишь бы доказать тебе, что ты можешь мне доверять.

Обри подняла руку, словно отталкивая меня, и покачала головой.

– Сейчас это уже слишком... Я не ждала тебя сегодня.

– А когда это не будет слишком? Когда ты соизволишь выбрать для этого время? – заорал я и тут же пожалел, что повысил голос.

Пикси жалобно заблеял. Он сидел, забившись в угол, и наблюдал за нашей бурной перепалкой, словно смотрел кино.

– Ты его пугаешь, – произнесла Обри. – Слава Богу, хоть в обморок не упал.

Она направилась к ванной, я последовал за ней.

– Перестань убегать от меня, едва только почувствуешь, что тебя влечет ко мне. – Я положил руки ей на плечи, не пуская в ванную. – Посмотри на меня, Принцесса.

Она обернулась, и мне показалось, что она готова вот-вот расплакаться.

– Что тебе нужно?

И тут я понял – сейчас или никогда. Я закрыл глаза, потом снова открыл и сделал глубокий вдох.

– Я люблю тебя, Обри. Разве ты этого не видишь? Я до потери пульса влюблен в тебя. Я люблю тебя больше всего на свете. Когда я смотрю тебе в глаза, я вижу не только красивую женщину – я вижу наших детей. Вижу ферму, полную детишек и глухих, немых и слепых козликов. Я вижу свое будущее. Без тебя я не вижу ничего. Ничего, понимаешь? Я ничто без тебя. Даже в тюремном аду лишь воспоминания о тебе придавали мне силы выносить все тяготы этих двух лет. Я понимаю, что тебе надо разобраться с Ричардом, и не ожидаю ответа прямо сейчас, стоя тут перед тобой в одном полотенце. Я готов ждать. Я полностью принадлежу тебе. Остаюсь пока в городе. Главный вопрос: захочешь ли ты сохранить наши отношения или выкинешь меня из своей жизни?

Когда она, наконец, открыла рот, то произнесла то, что я никак не ожидал услышать.

– Некоторое время назад Ричард сообщил мне, что фирма прекращает свою деятельность и к концу года сворачивает лавочку. Ему предложили работу в патентном бюро в Бостоне, куда его пригласили в качестве партнера. Я узнала об этом только вчера. Он попытается устроить меня туда. В любом случае, он попросил меня уехать с ним.

Адреналин понесся по венам со страшной скоростью, и я весь собрался для решающей схватки. Я сглотнул, чтобы избавиться от огромного комка в горле и спросил:

– Когда он уезжает?

По щеке Обри поползла слезинка.

– Через две недели.

Глава 26

Я провел бессонную ночь после того, как накануне вечером Обри огорошила меня сногсшибательной новостью. Мне казалось, что я уже был на пути к тому, чтобы вернуть Обри, хотя она все еще сопротивлялась. У меня осталось всего две недели, чтобы снова завоевать ее доверие, и этого было явно недостаточно. Но в сложившейся ситуации какой у меня был выбор?

Тринадцать дней. Я поднял мобильный телефон и посмотрел на время. Проклятые минуты бежали быстрее, чем обычно. В тюрьме дни тянулись, как вечность. А теперь казалось, что стрелки часов крутились с невероятной скоростью.

Я помчался в «Старбакс», взял кофе и заплатил за порцию Обри. Еще я заказал яблочные оладьи и попросил Мелани подогреть их для моей девочки, прежде чем подавать. Я надеялся, что это подсознательно напомнит ей о нашей поездке на байке за яблочным пирогом.

Мои мозги все еще кипели, мне было необходимо скинуть растущее чувство отчаяния, так что я направился в тренажерный зал. К полудню я все же добился того, что мои мускулы горели так, что заставили забыть о последних тринадцати днях.

Не зная, куда себя девать, я направился к дому Обри с еще двенадцатью кустами, которые планировал посадить на участке. Это была трудоемкая работа, и только недели через две можно будет любоваться результатами моих усилий. Но сейчас я просто не мог позволить себе думать об этом. Я как раз шел с заднего двора с тачкой, полной дернового грунта, когда увидел Дика, остановившегося у дома Обри. Он смотрел прямо на меня, а я больше не собирался прятаться от него.

Возможно, принцессин хахаль не узнает меня без рубашки и мокрого от пота. Я продолжал идти по дорожке ему навстречу.

– Мистер Найтмен? – Дик прищурился и явно растерялся, узнав меня.

– Да, это я. Чем могу помочь?

– Что вы здесь делаете?

Я посмотрел на тележку и снова на Дика, приподняв бровь, с выражением, которое вполне могло означать: «А у самого-то мозгов не хватает, чтобы разобраться?»

– Цветы сажаю. – Я пожал плечами.

– Это я вижу. Но почему вы сажаете цветы именно здесь?

– Полагаю, потому что Обри обожает цветы. – А ты этого даже не знал, или тебе было все равно, и ты предпочитал не замечать, как все плачевно выглядело здесь, когда я впервые приехал сюда.

Дик сложил руки на груди.

– Я полагал, что вы собираетесь вернуться в Австралию.

Я невольно сжал челюсти. Меня разрывало между желанием отругать этого придурка последними словами за то, что он не занимался участком Обри и совершенно запустил его, и стремлением врезать ему по морде за попытку увести у меня женщину, которую я любил. В этот момент машина Обри как раз завернула за угол. И как бы мне ни хотелось высказать этому козлу все, что накопело на душе, и поставить все точки над *i*, ради Обри я не мог этого сделать.

– А-х-х. – Я покачал головой, как будто до меня только что дошло. – Вы, должно быть, приняли меня за моего брата, Чэнса.

– Извините?

– Чэнс. Конечно, он красавчик, не мне чета. Но мы близнецы и очень похожи друг на друга. Меня зовут Гарри. – Я протянул ему руку.

В первый момент он смотрел на меня с недоверием, но в конце концов жертва достаточно легко угодила в мою грязную ловушку. Моя ладонь была горячей, потной и испачканной в

земле. Пожав ее, сноб в костюмчике принялся растерянно осматриваться, словно искал, где бы ему вытереть руку. Не знаешь, каковы руки у настоящего мужчины, да, Дик?

– Тогда это все объясняет. Ваш брат был клиентом Обри. Я познакомился с ним в ее офисе.

– Точно. Это я направил его к Обри. Больше никому не позволено касаться токли¹⁹ братьев Найтменов. Это право принадлежит исключительно Обри.

– Извините, не понял?

– Токли – это австралийский термин, он означает важные документы.

Дик кивнул и посмотрел в сторону улицы, где как раз припарковывалась Обри.

Блин! Пососи мой токли, придурок!

Теперь, когда я в роли своего брата якобы не знал, с кем имею дело, я мог позволить себе немного поиздеваться над Диком.

– Как вам нравится это место? Приятно посмотреть, согласны? Тут все было иначе, когда я приехал сюда. Я удивлен, у Обри что, нет мужчины в доме, чтобы обустроить участок?

Дик откашлялся.

– Есть, конечно. Просто у него нет ни времени, ни желания заниматься подобными вещами.

– Ему должно быть стыдно. Обри могла бы позволить себе мужчину, который позаботился бы обо всех ее проблемах.

Дик, прищурившись, с подозрением посмотрел на меня, а в это время Обри поспешно выскочила из машины. Выглядела она бледной и измученной.

– Ты не говорила мне о том, что брат мистера Найтмена – твой садовник.

– Брат? – Обри недоуменно уставилась на меня, я, в свою очередь, расплылся в идиотской ухмылке.

– Я принял Гарри за Чэнса, столкнувшись с ним несколько минут назад. – И этот придурок добавил с важным видом: – Теперь, конечно, я вижу разницу. Близнецы при ближайшем рассмотрении не совсем похожи.

– Гарри? – На лице Обри паника сменилась неким подобием улыбки.

– Обри зовет меня Гаррисон, – пояснил я, обращаясь к Дику. – Она предпочитает обращаться к человеку, называя его полным именем, так ведь, Обри?

Дик проигнорировал мое замечание. У меня сложилось впечатление, что этот индюк игнорировал любого, кто не носил деловой костюм. Вместо того, чтобы ответить мне, он заговорил с Обри:

– Я только что собирался сказать Гарри, что его услуги больше не понадобятся, поскольку вскоре мы переезжаем в Бостон.

Обри спокойно ответила:

– Это еще не решенный вопрос.

– Я же тебе сказал, остались только формальности. Я уже переговорил с партнерами. Они хотят, чтобы ты работала у них. – Дик обнял Обри за талию. Я едва сдержался, чтобы не скинуть его руку. – Приятно было с вами познакомиться, мистер Найтмен. – Он даже не посмотрел в мою сторону. – Нам лучше забрать эту папку с документами, дорогая, а то мы опоздаем на судебное заседание.

Обри молча кивнула. Она дважды оглянулась через плечо, прежде чем скрылась в дверях дома. Через несколько минут они снова вышли вместе. Дик небрежно кивнул в мою сторону, а Обри прошла мимо, опустив глаза. Я начал копать лунку для посадки цветов, когда они ушли в дом, и продолжал копать как заведенный. Я вырыл целый кратер глубиной по пояс. У

---

¹⁹ Tockley – австралийское жаргонное слово, обозначающее мужской пенис.

меня не хватило духа оглянуться на улицу, где они садились в машины. Я был на волосок от эмоционального взрыва.

Одна из машин отъехала. Не услышав второго старта, я осторожно выглянул на улицу. Дик уехал, а Обри все еще сидела в своей машине. Она склонила голову к рулю. Я подошел и сел на пассажирское сиденье.

Какое-то время мы оба молчали.

– И что же мне делать? – наконец прошептала Обри.

Я тяжело выдохнул:

– Обри, делай то, что подсказывает тебе сердце. Если ты выберешь не меня, врать не буду, для меня это будет полный пипец. Но я хочу, чтобы ты была счастлива. И это так же верно, как то, что я люблю тебя. Если выбирать между твоим счастьем и моим... тут не может быть никакого выбора. Главное – ты.

Обри горестно покачала головой.

– Знаешь, я верю тебе.

Я бережно снял ее руку с руля, поднес к губам и поцеловал.

– Верь мне, потому что я говорю то, что думаю. На свете нет ничего такого, Принцесса, что я бы не сделал для тебя.

Она грустно улыбнулась. Это был шаг в правильном направлении. Она верила мне.

– Мне надо ехать. Через пятнадцать минут у меня показания под присягой на другом конце города. А я была так замотана, что даже не заметила, что оставила дома папку.

Я открыл дверцу машины. Если бы у нас было сегодня больше времени, я бы предпочел остановиться на этом. Но тринадцать дней... Мне пришлось задать этот вопрос:

– Приедешь ко мне в эти выходные?

– Чэнс...

– Я все понимаю, но не могу позволить себе такую роскошь, как потеря времени, которого нет. Тебе придется принять решение. Дик с тобой все время. Я хочу, чтобы ты съездила ко мне домой. Хочу показать тебе, какой может быть наша жизнь. Никаких сумасшедших гонок по дорогам. Никакого постороннего вторжения. Только ты и я. Дай мне знак, если ты решишься на это. Выбор за тобой.

– Я говорила тебе, что не могу позволить себе близость с тобой. Ричард – хороший человек. Несправедливо так обманывать его. Даже наш поцелуй прошлым вечером... это была плохая идея.

– Плохая идея? А я-то считал, что это было просто феерично.

– Я не это имею в виду, и ты меня понимаешь.

– Ладно, пусть так. Я не прикоснусь к тебе, я имею в виду – в сексуальном смысле. Обещаю.

Она посмотрела на меня так, словно не верила в искренность моих намерений.

– Поверь мне. Даю тебе слово. Я и пальцем к тебе не прикоснусь. – Казалось, она всерьез обдумывала мои слова. Мне, наверное, следовало бы остановиться на этом и прикусить язык. Но это был бы уже не я. – А когда ты сама покусишься на мою привлекательную задницу, я тебе не поддамся.

Брови Обри вопросительно приподнялись.

– Когда?

– Это верный вопрос. Когда.

– Как обычно абсолютно уверен в себе, да, Нахал?

Она и не подозревала, как много для меня значило то, что она назвала меня как прежде.

– Ну, да, уверен. Похоже, что только один из нас не может контролировать себя, и это именно ты.

– В отношении тебя я полностью себя контролирую.

Я наклонился к ней.

– Тогда поехали со мной. Подари мне хоть одни выходные, прежде чем примешь решение. Пожалуйста.

Я видел, как ей мучительно больно принять решение.

– Дай мне подумать.

Что ж, это все же лучше, чем отказ.

– Хорошо.

– Мне действительно пора ехать.

Я вышел из машины и встал рядом, когда она запустила двигатель. За секунду до того, как тронуться с места, она опустила стекло окна.

– Хорошее имя, кстати. Мне нравится, – бросила она, отъезжая.

Прошло почти два дня с тех пор, как я говорил с Обри на лужайке перед домом, а она все еще не давала знать о своем решении. Одиннадцать дней. Время отсчитывало часы и дни, и я был бессилён остановить его бег.

Оставалось только надраться до чертиков.

Что я и сделал, сидя все в том же баре через дорогу от мотеля. Подозреваю, что в тот вечер я выпил больше, чем за все последние пять лет своей жизни.

– Карла, дорогуша, налей, еще.

– А не хватит ли тебе, горячий парень?

Мои мозги, к сожалению, еще не отключились.

– Как бы не так. – Я поднял бокал и потряс его, заставив звенеть кусочки льда.

Она взяла бокал и наполнила его жидкостью, по цвету подозрительно напоминающей простую газировку, затем обошла стойку с другой стороны и присела рядом со мной. Приблизилось время закрытия, и я сидел на этом стуле уже около шести часов. Кроме нас двоих, в баре никого не осталось.

Карла подождала, пока я подниму на нее взгляд, и только тогда сказала:

– Она – идиотка. Ты – классный парень. Мне даже не надо знать Дика, чтобы понять, что она делает большую ошибку. И это не только потому, что ты горяч в постели и что твое тело так же совершенно, как и твое лицо. Все дело в том, что вы обречены быть парой.

Я издевательски фыркнул.

– Я-то уж точно обречен.

– Я серьезно, Чэнс. Если бы какой-нибудь парень предпринял хотя бы половину твоих усилий, пытаясь меня впечатлить, уж я бы это оценила. Ты не отступаешь и выкладываешься перед ней день ото дня, хотя знаешь, что она вполне способна отбить чечетку на твоём сердце.

– Спасибо тебе, Карла.

– Всегда пожалуйста. Но это правда. А еще... я сама видела, как многие женщины пытались подцепить тебя здесь, а ты даже не взглянул ни на одну из них. Если подумать, что ты ни разу ни с кем не перепихнулся за эти два года, то это сам по себе подвиг.

– Осталось одиннадцать дней. Полагаю, мне следует подумать, как, в конце концов, удержаться в седле, если события сложатся не в мою пользу.

– Вот что я тебе скажу. Через одиннадцать дней все прояснится. Допустим, у тебя ничего не получится, и ты потерпишь поражение. Ты встретишься здесь со мной. Я почту за честь помочь тебе пережить это. Никаких разговоров. Никаких удавок. Мы просто пройдем в твой номер на той стороне улицы, и я позволю тебе, ковбой, оседлать себя и в этой скачке выплеснуть все твое отчаяние.

– Ты бы действительно это сделала?

– Для тебя? Я мечтала сделать это с тобой с тех пор, как однажды ты вошел в эти двери. – Она быстро поцеловала меня в губы и выпроводила из бара.

Глава 27

На следующее утро я проспал, и мне пришлось нестись в «Старбакс» во весь опор. Когда я ворвался туда, было около девяти, и очередь выстроилась длиннее обычного. Я еще не проверил свой телефон, поэтому включил его, пока стоял за заказом. Чертово устройство зажужжало прямо у меня в руках.

Я испытал радостное волнение, когда увидел, что пришло новое сообщение:

Обри: ОК. Пятница, в шесть вечера. Я в твоём распоряжении на все выходные.

Я выдохнул с огромным облегчением. Было такое чувство, что все последние дни я жил, задержав дыхание. Мелани позвала меня по имени, когда я все еще тараторчил на экран телефона.

– Два кофе?

– Конечно! – кивнул я, продолжая улыбаться, как идиот.

– А что Обри будет сегодня на завтрак?

Я откинулся на спинку стула и заглянул в меню.

– Мне два маффина с шоколадной крошкой, пирог с замороженным лимоном, три песочных полоски с солеными орехами пекан, овсяное печенье и это ваше навороченное йогуртовое мороженое с фруктами.

Мелани посмотрела на меня как на умалишенного. В тот момент я действительно не дружил со здравым смыслом, так что она была не далека от истины.

– Тебе упаковать заказ? Это все для Обри?

– Ну, да. – Я заплатил и глянул на время в телефоне. Обычно она не появлялась до половины десятого. – Мел, поддержи мой кофе. Я туда и обратно, хорошо?

Я понесся в цветочный магазинчик, который заметил чуть ниже по улице, и вернулся с таким гигантским букетом, что это граничило с нелепостью. Но мне было все равно. Обри поедет со мной и целые выходные будет принадлежать только мне. Это стоило отметить.

Мелани улыбнулась мне во все свои тридцать два белоснежных зуба.

– Ты вручишь ей это сегодня за завтраком?

– Несомненно.

Я припарковал свой грузовик за углом и встал в дверях магазинчика чуть ниже «Старбакса». Если бы я не был в таком приподнятом настроении, эта новая техника слежения мне самому показалась бы жутковатой. Ровно в половине десятого Обри вышла из кафе с коробкой и гигантским букетом цветов. Ее улыбка еще никогда не была такой ослепительной, как в эту минуту.

Я постоял еще минут десять, пока не пришло еще одно сообщение.

Обри: Неужели было похоже, что сегодня утром я умираю от голода?

Чэнс: Извини. Я немного увлекся. Сегодня у нас праздник.

Обри: Что же мы празднуем?

Чэнс: Твою поездку ко мне домой в эти выходные.

Мой телефон молчал несколько минут, затем снова завибрировал.

Обри: Я волнуюсь. Не уверена, что это хорошая идея.

Я тоже ни в чем не был уверен, но не хотел признавать это. Последствия провала моих планов были бы настолько невыносимы, что я отказывался думать об этом.

Чэнс: *Доверься мне. Пожалуйста.*

Ее последнее сообщение задержалось на несколько минут.

Обри: *Согласна.*

Я в полной боевой готовности подъехал к ее дому в пятницу к шести часам. Я постучался, и Обри подошла к двери, как абсолютное воплощение фантазии, которую я лелеял два последних года. На ней был белый облегающий топ, короткие белые шорты, а на ногах – пара серебристых сандалий. В этот день влажность была особенно высокой, и распущенные волосы Обри выглядели еще более непослушными, чем обычно. Довериться мне? Ведь я пообещал не приставать к ней. Твою же ма-а-ать!

– Что-нибудь не так? – Она заметила мое огорченное лицо. – Мы что, собрались ехать на мотоцикле? Может, мне тогда лучше переодеться?

– Нет. Да. Нет.

Брови Обри удивленно взметнулись вверх, поэтому я пояснил:

– Нет, мы не едем на мотоцикле. И да, тебе нужно переодеться.

Она посмотрела вниз, на шорты.

– А что не так с моей одеждой?

– Абсолютно ничего. Она великолепна.

– Но...

Я провел пятерней по своей шевелюре.

– За исключением того, что в моих навязчивых фантазиях ты всегда была во всем белом. Она улыбнулась.

– Как мило. Значит, я в твоих мечтах была похожа на ангела?

– Ну, не совсем так, – многозначительно подмигнул я.

Щеки Обри вспыхнули.

– О-о-х!

– Можешь не переодеваться, но имей в виду, если я смогу сохранять выдержку по дороге, то только потому, что буду проигрывать эту ситуацию в своих фантазиях снова и снова.

У дверей стоял красный чемодан, и я подхватил его.

– Мне только нужно взять кошелек.

Козлик потерял о мою ногу, привлекая внимание.

– И прихвати поводок для Каракуля. У меня не такой большой двор, как у тебя. Нам придется его выгуливать.

Обри обернулась.

– Ты хочешь взять Пикси? – удивилась она.

– Разумеется. Ведь мы семья.

Казалось, дьяволенок понял, о чем мы говорим. Он уткнулся носом в мои ладони и тихо заблеял:

– Бе-е-е.

– Все в порядке, дружок. Нас будет только трое – я, ты и мамочка. – Я почесал его лобик. – Ты доволен, да?

– Ну все, я готова. – Обри вернулась с кошельком и поводком в руках. – Мне только нужно заглянуть к Филомене и предупредить, что не надо присматривать за Пикси.

– К Филомене?

– Ну да, это моя соседка. Она заботится о Пикси в те дни, когда я работаю допоздна. Когда я зашла к ней вчера, чтобы попросить приглядеть за ним, она просто вздохнула восхищаясь моим палисадником. Прикинь, она заявила, что не прочь украсть тебя у меня. Затем она

сменила тему, и последовала тирада о том, что ей доставили четыре чудо-агрегата, которые она не заказывала, и она настаивала на том, чтобы я взяла себе один из них. – Обри указала на открытую коробку на стойке. – Она немного чокнутая, но очень славная.

– Что еще за чудо-агрегат? Что-то типа твоей волшебной палочки? Ты все еще играешь в эти игры?

– Да нет же! Это блендер... для смузи.

Путь от Темекулы до Хермоса-Бич обычно занимал два часа езды, но в часы пик это время практически удваивалось. Впрочем, мне было глубоко наплевать. Солнце светило ярко. Я был свободен, а моя девушка ехала ко мне на выходные. Поскольку я не мог делать с ней то, чего хотел бы больше всего, то я решил показать Обри, каковы могут быть обычные выходные, когда мы вместе. Мы оба знали, что между нами сильная химия, но интуиция подсказывала мне, что ее сдерживал недостаток доверия, и это будет продолжаться до тех пор, пока я не докажу ей, что между нами нечто большее, чем обычное физическое влечение.

Когда мы приехали, Адель была еще дома. Она сделала вид, что очень торопится уйти, но я-то знал, как она жаждала познакомиться с Обри.

– Извините. Я вообще-то собиралась быть у Гарри к тому времени, когда вы приедете. Я тут немножко прибиралась.

Обри посмотрела на меня, словно не веря своим ушам.

– Гарри?

– Гарри, Гарри, но не тот, о котором ты подумала. Прикинь, выйдя из тюрьмы, я приезжаю домой и обнаруживаю какого-то типа в боксерских трусах, который гладит штаны у меня на кухне. Оказалось, его зовут Гарри.

Мы с Обри расхохотались. Адель не поняла шутки, но все равно весело улыбнулась и протянула руку.

– Рада познакомиться, Обри. Я так много слышала о тебе.

Обри и Адель задержали взгляд друг на друге. Я не понимал, что происходит, но это было что-то необычное. Затем они обе буквально бросились друг к другу и обнялись. Это походило на встречу старых подруг, потерявших и вновь нашедших друг друга. Так они простояли целую вечность, тихо всхлипывая.

Глядя на это, я почувствовал, как к горлу подкатывает ком. Когда девушки, наконец, разомкнули объятия, у обеих на глаза блестели слезы. До меня долетел шепот сестры:

– Мы обе многое потеряли в жизни. Я смогла найти путь к самой себе. Надеюсь, что ты тоже сможешь.

Я кашлянул, прочищая горло, но слова все равно застряли у меня внутри, когда несколько минут спустя я на прощание обнял сестру. Она подхватила дорожную сумку, так как собиралась провести выходные у Гарри.

– Я наполнила холодильник всем необходимым и закупила все остальное, так, по мелочи, – сказала она напоследок.

– Сосиски, шоколадное печенье и палочки «Пикси»?

– Конечно. А еще я позаботилась о том, чтобы этот парень тоже получил свою порцию удовольствия. – Она потрепала мохнатую спинку Пикси и вышла из дома.

Когда мы остались вдвоем, я устроил Обри экскурсию по дому. Мои владения представляли собой старый перестроенный склад – высокие потолки и просторные комнаты. Было три спальни, но одну из них я переделал под художественную студию. Другую спальню использовала моя сестра с тех пор, как переехала жить ко мне. Когда я сказал ей, что Обри остановится в гостевой комнате, она, похоже, не поверила мне, но, тем не менее, все подготовила для гостя.

Сначала я задержался у своей комнаты.

– Это наша спальня.

– Чэнс...

– Знаю, знаю. Не сейчас. Но, если мы решим поселиться здесь, у пляжа, это будет наша комната. – Вся хрень заключалась в том, что я уже начал думать об этой комнате как о нашей.

– Здесь довольно уютно. А это картина Густава Климта?

Я улыбнулся ей в ответ. Обожаю мою испорченную девчонку.

– Да. Это фрагмент картины «Три возраста женщины». Убедилась, как много общего у нас с тобой? Нам обоим нравятся женские груди на холсте. Хотя, когда мы здесь, я не в состоянии замечать что-либо, кроме этих крошек. – Я выразительно посмотрел на ее соблазнительную грудь.

– Извращенец.

– За это ты меня и любишь.

Я показал Обри весь дом и под конец с сожалением оставил ее сумку в комнате для гостей. Предпоследней комнатой, в которую мы зашли, была моя художественная студия. Я уже долгое время не пытался ничего создавать. Тут стояли закрытые холстами незаконченные работы, над которыми я трудился до того, как моя жизнь превратилась в кучу дерьма. Я намеревался пройти мимо студии, не задерживаясь, но Обри остановилась и заглянула внутрь.

– Это твоя работа? – Она указала на большой мотоцикл, собранный из переработанных отходов. Этот экспонат ранее уже побывал на нескольких художественных выставках, а теперь был покрыт пылью в палец толщиной.

– Угадала.

– Ух ты! Это нечто... невероятное. – Обри обошла мотоцикл, внимательно рассматривая его. – Неужели он полностью сделан из мусора?

– Я не использую покупные детали. Только утильсырье, которое нахожу.

– У тебя это здорово получается. Не знаю, чего я ожидала. Но эта скульптура очень выразительна и таит какую-то свою историю.

Я улыбнулся в ответ. Разумеется, она проникла в самую суть. Я всегда чувствовал, что каждый найденный мной искореженный кусок металла был носителем своей истории. То, как эти детали складывались в одно целое, напоминало мне чтение книги. Я зашел с другой стороны байка, показал Обри несколько разных деталей и рассказал, откуда взялась каждая часть.

Хотя это было невозможно, но в тот момент мне показалось, что я влюбился в нее еще больше.

Тем вечером мы заказали еду из китайского ресторана и ели прямо из коробок. Обри заснула во время просмотра фильма, положив голову мне на колени. Храня свое обещание, я накрыл ее одеялом и ушел в свою спальню.

На следующее утро Обри еще спала, когда я осторожно, стараясь не шуметь, вывел Пикси на прогулку. Но к тому времени, когда я вернулся, принеся два кофе и всякой дорожкой, но вредной вкуснятины из «Старбакса», Обри уже встала.

– Доброе утро.

Она села на диван и закинула руки за голову. Ее рубашка задралась, открывая соблазнительную мягкую кожу. Мне чертовски захотелось укунить ее, так что даже пришлось отвернуться.

– Когда ты выгуливаешь козла, то выглядишь, мягко говоря, странно, – хихинула Обри.

– Да, я догадываюсь.

Она прошла в кухню и села на стул с другой стороны длинного стола.

– Хочу кое-что спросить у тебя. Это по поводу обещания, которое я дал так необдуманно. Оно касается только физического контакта, верно? Но я ведь могу говорить то, что думаю?

Обри глотнула кофе.

– Боюсь сказать «да». Но... все же да. Полагаю, на слова ограничение не налагалось.

– Хорошо. Ведь я намерен сказать тебе, что видеть утром твои сиськи, которые приветствуют меня, много лучше, чем встречать солнечный восход.

Она с упреком покачала головой.

– У вас грязный язык, мистер Найтмен.

– О, если бы я только мог доказать вам это, миссис Блум-Найтмен?

– Миссис Блум-Найтмен – это как?

– Ну, ты вообще-то моя супруга. Полагаю, ты захочешь сохранить и свою фамилию, учитывая, что ты профессиональный адвокат и все такое.

– В твоих устах это звучит как проститутка.

– Проститутка... адвокат. – Я ухмыльнулся. – Почти никакой разницы.

– Очень мило. Но если подумать... Я собиралась отказаться от фамилии Блум и взять фамилию мужа. Однако теперь я уже не так уверена в этом.

– В самом деле? Двойная фамилия тебе бы пошла.

– Ну, уж нет. Это не для меня. Я женщина старомодного воспитания и планирую все делить со своим мужем.

– Рад слышать это, миссис Найтмен. Потому что я планирую взять все без остатка. На постоянной основе.

Я хотел показать ей свой город. Теперь, когда ее фирма закрывалась, возможно, мы могли бы поселиться в Хермоса-Бич. Для меня было очень важно жить вблизи океана. Хотя я бы согласился и на пустыню, если бы Обри была со мной. После обеда мы прогулялись по идущей вдоль пляжа дорожке. Это был божественный день, и Обри не стала возражать, когда я взял ее за руку.

– Может, искупаемся? – Я порадовался, что перед выходом предложил Обри надеть купальник. Было жарко, как в аду.

– Давай.

Мы спустились к воде, и я стянул рубашку. Следуя моему примеру, она скинула свою маечку, и мои глаза едва не вырвались из орбит, как у какого-нибудь мультяшного героя. Ё-моё! Может, в конечном итоге это все же была не самая хорошая идея. Сверху на ней была только узкая красная полосочка ткани, и ее фантастические груди так и просились наружу. Когда она скинула шорты, я, уже не таясь, плотоядно пожирал ее глазами, и мне стало на все наплевать. Если я и дал слово не прикасаться к ней, то никто не запрещал мне любоваться ею сколько душе угодно.

– Мне почти жаль тебя.

– Меня? Почему?

– Потому что, когда ты, наконец, позволишь мне взять тебя, – я окинул взглядом ее невыносимо соблазнительное тело, – я буду любить тебя, как дикарь, наверстывая упущенное время.

Мне было необходимо охладиться, и мы с Обри пошли к воде. Застав ее врасплох, я наклонился, подхватил и перекинул ее через плечо, как пожарный. Обри визжала и отбивалась, болтая ногами и лупя меня по спине, но по ее интонации я расудил, что ей это доставляет удовольствие. Я смачно чмокнул ее в попу, прежде чем вместе с ней броситься в воду.

Мы долго плавали, потом гуляли вдоль берега до самого заката. И я хотел только одного – чтобы этот день никогда не кончился.

– Пора возвращаться, – наконец сказала она. – Уже пора выгуливать Пикси.

– Ох уж эти дети. Всегда портят взрослым удовольствие, – пошутил я.

На обратном пути наш разговор принял серьезный характер.

– Ты хочешь детей?

Я ответил честно:

– Никогда не думал об этом, пока не встретил тебя. Но теперь ничего не желаю больше, чем увидеть тебя матерью моего многочисленного потомства.

Обри рассмеялась.

– И сколько же потомков ты хочешь?

– Шесть, – брякнул я, не задумываясь.

– Шесть? – Она резко остановилась на дорожке.

– Не могу объяснить, почему. Но мысль о твоей беременности что-то творит со мной. Я зажигаюсь только от одной мысли об этом.

– Тебе действительно нужна помощь психиатра. Я считаю, что ты помешан на сексе.

– Тогда я первый помешанный на сексе, не знавший женщины в течение нескольких лет.

Обри посмотрела на меня с искренним сочувствием.

– Извини. Это, должно быть, тяжело.

– Особенно когда я смотрю на тебя в купальнике. Это просто пытка.

– А ты... ну, знаешь что?

– Что?

– Ты знаешь.

– Не знаю. – Разумеется, я понял, что она хотела спросить.

– Знаешь. Тебе следует... заботиться о себе.

– Ты имеешь в виду, принимать душ и стричь волосы? Да, в этом смысле я о себе забочусь.

И даже делаю зарядку.

Обри рассмеялась.

– Это то, что ты хотел мне сказать, да?

– Принцесса, благодаря тебе этот день не прошел даром.

Мы уже шли по моему кварталу. Я держал ее за руку, но она развернулась и взяла обе мои руки в свои.

– Чэнс, скажи честно, ты мастурбируешь?

Ё-моё, разумеется, да!

– Да. На самом деле часто, особенно в последнее время. Мне достаточно почувствовать твой запах, чтобы мой дружок встал. Если бы я не удовлетворял себя, то постоянно ходил бы с синими яйцами.

– Извини.

Я притянул ее за руки ближе к себе.

– Хочешь, скажу кое-что еще?

Она закусил губу, но кивнула.

– Все эти страдания имеют смысл, только если я снова смогу оказаться внутри тебя, Принцесса.

Мы вернулись в дом, и я прежде всего предложил Обри принять душ. После дня, проведенного на берегу, песок забился всюду, где ему было совсем не место. Пока она была в душе, я включил музыку, сунул две бутылки пива «Корона» в морозильную камеру и потанцевал с козленком.

– Чэнс? – сквозь звуки музыки расслышал я голос Обри.

Ванная комната находилась в большой спальне. Я ответил через приоткрытую дверь:

– Все в порядке?

– Я забыла захватить полотенце. Здесь есть какое-нибудь?

Вода в душе все еще лилась.

– Нет. Полотенца здесь, в шкафу. Я принесу тебе.

Я выбрал самое пушистое, более-менее женское полотенце. Без всякой задней мысли я распахнул дверь. В душе были стеклянные раздвижные дверцы. Они запотели, но я все-таки мог разглядеть соблазнительный силуэт Обри. Она стояла ко мне спиной, предоставив

моему обзору свою до чертиков желанную, аппетитную попку. Я не мог пошелохнуться. Моя сдержанность быстро утекала сквозь пальцы.

Когда Обри повернулась и увидела, что я смотрю на нее, она не попыталась прикрыться. Вместо этого встала под душ и начала намыливать грудь.

А вот это уже запрещенный прием, Принцесса.

Я сделал шаг по направлению к душе, но одернул себя и остановился. Поскольку дверь позади меня была открыт, и прохладный воздух задувал в ванную, дверцы душа запотевали все больше.

– Принцесса! – У меня из груди вырвался полустон, полумольба. – Я ведь обещал не прикасаться к тебе.

Я едва различал слова, которые она шептала под упругими струями душа:

– Я знаю. Я подумала, может быть... ты захочешь, чтобы... я...

Обри замолчала. Стены, которые возвела моя девочка, рухнули. Она сама раздвигала границы. И это было настолько сексуально, что я не сравнил бы это ни с одним своим опытом. Последнее предложение она произнесла громче и увереннее.

– Я подумала, возможно, тебе понравится смотреть, как я трогаю себя.

Вот такая она, моя красивая, сладкая, грязная девчонка.

– Малышка моя... Даже если бы я ослеп, наблюдая за тобой, я пожалел бы лишь о том, что не увидел чего-то еще. Позволь мне помочь тебе? Я подскажу, что я хотел бы увидеть, и ты это сделаешь для меня. То самое, что мы будем делать вместе. Согласна?

Она кивнула.

– Хорошо, малышка. Это просто снос крыши какой-то. Ты не возражаешь, если я буду тоже... доставлять себе удовольствие, наблюдая, как ты ласкаешь себя?

– Да.

Я спустил шорты и встал перед ней. Даже если до этого моя эрекция была неполной, то все изменилось после того, как я увидел ее глаза, жадно пожиравшие меня. Она ласкала мой член взглядом. Я видел, как ее глаза неотрывно следят за моей рукой, мягко поглаживающей упругую плоть вверх и вниз.

– Вот что ты делаешь со мной. Изо дня в день. Я мечтаю погрузиться в тебя как можно глубже. Я хочу быть в тебе, в твоём сердце, в твоём теле. Я жажду сосать эти прекрасные соски, к которым ты прикасаешься. Сжимать их зубами, пока сладкая боль не пронзит каждый нерв твоего великолепного тела. – Голова Обри слегка откинулась назад, когда моя девочка начала расслабляться от звуков моего голоса и собственных прикосновений. Ее пальцы, которые совершали нежные круговые движения вокруг сосков, замерли, и я увидел, как она ущипнула их. – Сильнее. Сожми сильнее. – Она сделала это, и ее губы открылись, когда она почувствовала, как нега разливалась по телу все ниже. – Раздвинь немного ноги. – Она без колебаний послушалась. – Я хочу разложить тебя на кровати и облизывать каждый дюйм твоего тела, пока у тебя не перехватит дыхание. После этого я хочу услышать, как ты молишь меня войти в тебя. Ты сделаешь это, Обри? Ты будешь молить меня об этом?

– О, да. Я буду умолять тебя об этом.

– Так сделай это. Сделай это сейчас. Скажи мне, что ты хочешь почувствовать, как я вхожу в тебя, и я позволю тебе погрузить пальцы внутрь себя.

Ее рука начала мучительно медленно скользить по телу, спускаясь все ниже и ниже. Мне пришлось напрячься, чтобы услышать ее голос.

– Я грежу о том, чтобы ты снова был внутри меня. Эта твоя манера погружаться, словно тебе недостаточно глубины... Пожалуйста, мне так не хватает тебя внутри. – Ее голос ломался, а рука, накрывшая нежный треугольник между ног, трепетала.

– Потри пальцами клитор. Но не запускай пока их внутрь. Я скажу тебе, когда пора.

Ее тело хранило следы там, где сегодня на берегу его коснулось своими поцелуями солнце, а щеки пылали от возбуждения. Это зрелище было лучше, чем что бы то ни было еще, подвластное моему воображению. Я двигал рукой все сильнее и быстрее. Говорить стало очень трудно.

Я приблизился на пару шагов к дверце душа. Мне понадобилась вся моя выдержка без остатка, чтобы не распахнуть ее и не накинуться на Обри. Но мне было просто необходимо оказаться как можно ближе, чтобы слышать ее неровное дыхание.

– Умоляю тебя, Чэнс.

Я жаждал знать, что она сторает от желания и умоляет меня продолжать. Что она так же хочет почувствовать меня внутри, как и я изнываю от нетерпения погрузиться в ее сладкое тело.

– Введи два пальца внутрь. Закрой глаза и представь, что это я. Почувствуй мой член внутри себя.

Когда ее пальцы скрылись внутри, я больше не мог сдерживаться. Вскоре ее рука начала двигаться вглубь и обратно почти с такой же скоростью, что и моя. Она открыла рот, и я знал, что Обри вот-вот достигнет оргазма.

– Чэнс...

– Давай, крошка! Кончим вместе.

Это был самый невероятный опыт в моей жизни. Доходя до высшей точки кульминации, Обри громко застонала, шепча мое имя, и это было бесконечно эротично.

Нам обоим потребовалось некоторое время, чтобы восстановить дыхание. Постепенно ее тело расслабилось, и она прислонилась к покрытой плиткой стене душевой. Обри не открыла глаз, когда я протянул руку и выключил воду. Я подхватил ее на руки и отнес на свою кровать. Устраиваясь рядом, я как можно осторожнее скользнул под простыню, чтобы не прижаться к Обри. Это нарушило бы правила. Как ни странно, сейчас я насытился ею.

Минут через пятнадцать она пробормотала: «Извини...», и вскоре я услышал, как она посапывает во сне.

Вскоре и я заснул, чувствуя облегчение и радость от того, что любимая женщина спала рядом в нашей общей постели.

Когда я проснулся на следующее утро, это чувство, к сожалению, очень быстро испарилось. И в тот момент я решил, что навсегда.

Глава 28

Поговорим о взлетах выше облаков и падениях в бездну ада. Впервые до меня с полной ясностью дошло, что должна была почувствовать Обри в момент пробуждения, когда обнаружила, что я покинул ее в отеле в Вегасе.

Она ушла.

Пикси тоже не было.

Свет утреннего солнца заливал кухню, когда я зашел туда в поисках Обри. Мое сердце бешено колотилось, и вдруг я заметил листок белой бумаги на кухонной стойке. Развернув его, я потер заспанные глаза, чтобы не упустить ни единого слова из написанного.

Чэнс,

Вчерашний день был восхитителен. Но вечером я позволила себе увлечься. Это еще раз доказывает, что у меня совершенно нет воли, чтобы противостоять влечению к тебе. До тех пор, пока я с Ричардом, такая слабость с моей стороны является несправедливостью по отношению к нему. Я не хотела рисковать и оставаться еще на один день, так как абсолютно уверена, что большие не смогла бы устоять перед тобой физически. Прости меня. Я знаю, что обещала тебе все выходные. Но я просто пытаюсь поступить честно.

Скомкав письмо и швырнув его через комнату, я проорал грязное ругательство. Мой вопль отозвался эхом в пустой кухне. Значит, это все? Вчера был мой последний шанс произвести на нее впечатление, прежде чем она примет окончательное решение, и последнее, что я сделал, – это дергал себя за член до тех пор, пока мы не вырубались. Неужели все так и закончится после всего пережитого? Отличная игра, Найтмен. Ты просто гений! Как, черт возьми, ей удалось так быстро заполучить транспорт до Темекулы, да еще и с козлом? Наверняка она продумала план отступления, прежде чем согласилась поехать сюда. Скорее всего, Обри на всякий случай заранее заказала такси. «Чэнс вынул свой член, так что забирайте меня отсюда поскорее!»

В состоянии полной беспомощности я облокотился о стойку и потер виски. Я раздумывал, позвонить ли ей прямо сейчас или подождать... не знаю, чего. Впервые за все то время, когда я снова вошел в жизнь Обри, я не имел никакого плана действий. Я правда не представлял себе, что делать дальше.

Примчалась Адель, которой я сообщил по телефону, что Обри от меня уехала и, похоже, навсегда.

Меряя шагами комнату, я то и дело ерошил руками волосы, что для меня означало крайнюю степень растерянности.

– Я думаю вернуться в Темекулу сегодня вечером.

– Не делай этого, прошу.

– Нет?

– Нет. – Адель взяла меня за руки, чтобы остановить мои метания по комнате. – Послушай, она мне действительно понравилась. Надеюсь, что все наладится. Ты же сделал все, что в твоих силах, чтобы показать ей свои чувства. Теперь настало время предоставить Обри немного свободы, которая ей очень нужна для принятия правильного, будем на это надеяться, решения. Она сама должна понять, что ты для нее единственный мужчина на свете. Я видела в ее глазах, как много ты значишь для нее. И она плакала! Единственное, что ее удерживает, – это страх снова пережить боль.

– Но что, если она позволит страху взять верх и останется с этим придурком?

– Тогда тебе придется жить с этим дальше.

Смогу ли я жить дальше? Я не мог даже вообразить, что когда-нибудь еще в своей жизни буду желать кого-то так же страстно. Но если она выберет его, я знаю, что мне придется начать свою жизнь заново, встречаться с другими женщинами и, в конце концов, покончить со своим двухлетним воздержанием.

Адель открыла пачку с шоколадными вафлями и налила две большие порции молока. Поскольку она не могла найти этот сорт молока в Америке, то просила друга из Мельбурна присылать его ей в большом количестве.

Я обмакнул покрытую шоколадом вафлю в стакан и откусил кусок. Потом заговорил с полным ртом:

– Как, по-твоему, я смогу торчать здесь, в Хермоса-Бич, зная, что, возможно, никогда ее больше не увижу, если она решит уехать с ним? Он отправляется в Бостон буквально на днях.

– Сколько примерно времени ей понадобится, чтобы закончить здесь все дела перед переездом в Бостон? Разве ей не нужно будет продать дом и избавиться от барахла? – в замешательстве спросила Адель.

– Она арендует дом и как-то упоминала, что большая часть мебели уже там была, когда она въехала в него. Думаю, самая большая проблема – это перевезти нашего козлика.

– Ты осознаешь, что только что сказал «нашего» козлика, так ведь? Значит, это и твой козлик?

– Блин... Я имел в виду, ее козла.

Адель сочувственно улыбнулась.

– Нет, ты не это имел в виду.

– Ты права. Не это.

Позже, в тот же вечер, когда Адель вернулась к Гарри, когда гнев пересилил все остальные эмоции, я послал Обри сообщение.

Чэнс: Больше не буду тебя преследовать. Даю тебе полную свободу. Если я тебе понадоблюсь, ты знаешь, где меня искать.

Ее ответ был более чем лаконичным.

Обри: *Спасибо.*

Я был чертовски горд собой... несколько первых дней следующей недели. Я не звонил и не писал Обри, занимался домашними делами в Хермоса-Бич, работал над новой инсталляцией из мусора, доводил до конца брошенные ремонтные работы в доме. Но, хотя я был занят с утра до вечера, в душе я чувствовал себя полностью раздавленным.

Было очень непросто держаться в стороне от Обри, но я последовал совету сестры и соблюдал дистанцию в надежде, что Обри по доброй воле примет правильное решение.

Чем ближе оказывался конец недели, тем сильнее во мне нарастало нетерпение. Как-то вечером, безуспешно пытаясь отвлечься от своих мрачных мыслей просмотром очередного выпуска передачи «Top Gear», я внезапно нарушил данную себе клятву и написал Обри.

Чэнс: *Ты на связи?*

Обри: *Я здесь.*

Чэнс: *Привет.*

Обри: *Извини, что не писала.*

Чэнс: *Все нормально. Я специально старался держаться в стороне, чтобы ты разобралась в себе.*

Обри: *Ты вернулся в Темекулу?*

Чэнс: *Нет. Там меня ничто не держит, кроме тебя, а я обещал не нарушать твоего пространства. Мой дом здесь. Хотя теперь, когда здесь побывала ты, он уже не кажется без тебя таким родным.*

Обри: *Извини, что заставила тебя сожалеть о своем приглашении.*

Чэнс: *Единственное, о чем я сожалею, – это о том, что я не вломился в душ через те двери, Принцесса.*

Она ответила не сразу. Прошло несколько минут, прежде чем мой телефон завибрировал.

Обри: *Спасибо, что ты не сделал этого.*

Чэнс: *Ты бы осталась, если бы я все-таки поступил так.*

Обри: *По-твоему, это было бы правильно?*

Чэнс: *Возможно, ты испытывала бы проблемы при ходьбе, но ты бы все еще была здесь.*

Обри: *Понятно.*

Она больше не писала, поэтому снова написал я.

Чэнс: *С тобой все в порядке?*

Обри: *Да. Я больше не могу писать. Обещаю позвонить тебе на этой неделе.*

Чэнс: *Он там, с тобой?*

Обри: *Да.*

Ревность обрушилась на меня, словно целая тонна кирпичей. И снова прозвучал тот самый голос, напоминающий голос матери: «Оторви свою задницу от дивана и иди завоевывать свою женщину». Неожиданно меня осенило. Что удерживало меня здесь? Гордость? Да. Всего лишь моя гребаная гордость. На всем белом свете для меня существовала только Обри. Ради того, чтобы вернуть ее, можно было переступить и через гордость.

Мне было плохо. То, что происходило, было неправильно. В глубине души я знал, что она любит меня. Я видел это в ее глазах. Она просто боялась новой боли. Мое решение не вмешиваться в ход событий лишь давало сопернику преимущество. Если я собираюсь отпустить ее, то, по крайней мере, должен знать, что сражался за нее до конца. Я должен быть рядом с ней.

Итак, планы меняются.

Схватив ключи, я сел в свой грузовик и рванул в сторону Темекулы. Дорога была свободной, поэтому я выжимал восемьдесят пять миль в час.

План действий был следующий: провести ночь в мотеле и с утра пораньше быть готовым к решающему сражению, что бы мне ни сулил грядущий день. При этом я абсолютно не был уверен в исходе завтрашней битвы. Я просто знал, что буду рядом с ней до конца, а там будь что будет.

Я выхожу на чертовски длинную дистанцию, Принцесса.

Я настроил радио на музыкальный канал. Видимо, мои нервы были не в состоянии выдерживать что-либо еще.

Было уже поздно, когда я, наконец, добрался до мотеля. Каким-то чудом я быстро заснул. Я планировал с самого раннего утра припарковаться на Джефферсон-стрит и пригласить ее на завтрак. До завтра оставалось еще много времени.

Следующий день начался вполне обыденно. У здания, где располагался офис Обри, царили все те же шум и суета. Когда я вошел в «Старбакс», чтобы сделать заказ на завтрак, сразу стало ясно, что в это утро меня ждут сюрпризы.

– Привет, Мелани.

– Чэнс, я думала, что ты уехал из города.

– Я вернулся.

– Честно говоря, удивлена.

– Почему ты так говоришь?

– А ты разве не знаешь?

– Не знаю что?

– Вчера был последний день с Обри. Она зашла и со всеми нами попрощалась.

Что?

– Ее здесь больше нет?

– Нет. Извини. Я же считала, что вы с ней друзья. Вот и подумала, что ты в курсе, что она уволилась с работы.

– Друзья. Ну, да. Действительно. Она, должно быть, просто забыла упомянуть о такой мелочи. Она сказала, куда едет?

– Она просто сказала, что уезжает и что мы больше не будем с ней видеться каждое утро.

Потирая подбородок, я, словно слепой, уставился в пустоту, пытаюсь переварить услышанное.

– Тебе что-нибудь принести? – прервала Мелани мой тяжелый мыслительный процесс.

Не успев подумать, я сказал:

– Конечно. Ванильное латте с нежирными сливками, немного пены и погорячее.

– Ты заказываешь то, что пьет на завтрак Обри?

– А?.. Ну да. – Я не отдавал отчета в том, что заказывал. – Почему бы и нет? – Я пожал плечами.

Я сел за столик в углу и, покручивая чашку с пенным напитком в руке, попытался убедить себя, что, если Обри покинула работу, не сказав мне ни слова, это совсем не обязательно означает, что она сделала выбор в пользу Бостона и Дика. Я мог написать ей, но какая-то часть меня не была готова к ее ответу. Возможно, Обри решила уехать только потому, что фирма сворачивала свою деятельность. В любом случае это будет моя последняя трапеза в «Старбаксе», который служил мне убежищем, и где я проводил время с Обри. Больше не будет этих утренних ожиданий, когда я выслеживал ее на Джефферсон-стрит, ведь она здесь больше не работает. Я опустошил кошелек с наличными и сунул сотню долларов в банку для чаевых.

– Спасибо, друзья. Ценю вашу помощь, которую получал здесь все эти недели.

Мелани в недоумении уставилась на меня.

– Как скажешь, спасибо. Ты что же, больше не вернешься?

– Боюсь, что нет.

Когда я подрулил к дому Обри, мне бросился в глаза бело-голубой щит с какой-то надписью, воткнутый на передней лужайке. Сердце отчаянно забилося в груди в предчувствии неизбежного.

Какого черта?

Я вышел из машины и, подойдя к дому, прочитал надпись: «Сдается в аренду». У меня скрутило все внутренности. Достав ключ, я бросился к передней двери и открыл ее. Миска, из которой обычно пил козленок, все еще стояла на кухне, но она была пуста. Ни единого следа пребывания Пикси где бы то ни было. Вся мебель была на месте, но личные вещи Обри исчезли.

Я метался по дому, как безумная птица. Убранная до полной чистоты спальня подтвердила мои наихудшие опасения. Ни единой забытой вещи, даже какого-нибудь пустака. Я при-

сел на кровать Обри и оглядел спальню – ужасная реальность постепенно начала проникать в мое сознание. Адреналин, запульсировав в венах, бросился в голову.

Спокойно. Возьми себя в руки, Чэнс.

Словно в полусне я вернулся под ослепляющее солнце. Я открыл сарайчик и стал складывать свой садовый инвентарь в кузов грузовика. В этот момент я услышал свист.

Обернувшись, я обнаружил, что это была соседка Обри, Филомена, тащившая коричневую коробку. Она, видимо, выбежала, чтобы встретить курьера, доставившего ей очередной чудо-товар, который она заказала, клюнув на «уникальное торговое предложение».

Она побрела ко мне, волоча по асфальту ноги в шлепанцах. В волосах торчали бигуди, а губы были криво обведены ярко-розовым карандашом, но без помады.

– Эй, горячий парень.

Стараясь вести себя дружелюбно, несмотря на отвратительное настроение, я ответил:

– Приятно снова встретить вас, Филомена. Что там, в коробке?

– Кто его знает? Я заказываю разную ерунду в полусонном состоянии, а потом даже не помню, что именно заказала. – Она фыркнула.

– А, понятно. Какой-нибудь чудо-агрегат. Один из тех, что вы подарили Обри.

– Хочешь, и тебе подарю? А взамен прокачусь на твоей газонокосилке.

– По рукам. С сегодняшнего дня я уволился с этой работенки.

– Хочешь сказать, теперь, когда она уехала?

Я быстро взглянул на нее.

– Вы знаете, куда она уехала?

– У меня не было возможности потолковать с ней. Видела, как вчера уезжал ее дружок. Она в это время упаковывала вещи в доме. Я спросила его, что случилось, и он сказал, что она переезжает в Бостон вместе с ним.

Я почувствовал, как загорелись мои уши.

– Вот оно что...

– Да.

Не помню, что я сказал Феломене после этого. Я даже не помню, как доехал до мотеля. Я мог ожидать от себя взрыва гнева или даже замешательства, но в действительности я просто оцепенел и не чувствовал ничего.

Зажав в руке телефон и плюхнувшись на кровать, я хотел написать Обри. Но чем больше я думал об этом, тем менее удачной казалась мне эта затея. Раз уж Обри действительно переезжала в Бостон и при этом даже не удосужилась сообщить мне, что приняла окончательное решение, то мой звонок уже ничего не изменит. Интересно, добралась ли она уже до места? И действительно ли она собиралась позвонить мне в эти выходные, как обещала? А ведь она обещала! Внезапно мое оцепенение прошло, его сменила чистая, неудержимая ярость.

Схватив кошелек, я направился в бар. Я не желал страдать от чувства потери. Я вообще ничего не желал чувствовать этим вечером.

– Плесни-ка мне рома, Крошка Карла, – с горечью попросил я, плюхаясь на свое обычное место.

Карла потрясенно посмотрела на меня.

– Я не ожидала увидеть тебя снова, Крокодил Данди.

– Ну, я просто пришел попрощаться. Завтра уезжаю домой и больше не вернусь.

Карла поспешила наполнить мой стакан, чувствуя, что я как никогда нуждаюсь в выпивке.

– Что случилось?

Я сделал глоток и стукнул стаканом по барной стойке.

– Все кончено.

– Вот как? Кончено? Обри осталась-таки с этим придурком Диком?

Мне понравилось, что она тоже подхватила эпитет, который я употреблял по отношению к нему.

– Да. Сегодня я приехал к ее дому, а там уже никого нет. Дом сдается в аренду. Этот засранец сказал соседке, что Обри уезжает с ним в Бостон.

– Это что, гребаная шутка? Ты издеваешься надо мной?

– Все. Конец истории.

– Так у нее, что, даже не хватило совести честно сказать тебе об этом лично?

– Совесть или решительности, уж не знаю.

– На чем вы с ней остановились?

– Я на некоторое время вернулся в Хермоса-Бич. Она думает, что я все еще там. Она обещала позвонить мне в эти выходные. Однако я решил вернуться раньше и посмотреть, что происходит. Теперь я понимаю, что она планировала позвонить и сказать мне о своем решении уехать в Бостон.

– Мне так жаль! Извини.

– Ты тут ни при чем.

– Я действительно надеялась, что твоя история закончится хорошо. Ты заслужил хеппи-энд.

– Могли бы мы больше не говорить на эту тему? Я имею в виду, о ней? – Я с трудом проглотил комок в горле.

– Хорошо. Все, как ты захочешь.

Карла, ничего не говоря, ставила передо мной стакан за стаканом. Она понимала, что я не настроен на разговоры, и просто оставила меня в покое. В какой-то момент она остановила меня, наотрез отказавшись обслуживать дальше. Я опустил голову на стойку и сидел так, пока она вытирала столы. Бар готовили к закрытию. Я потерял счет времени. Звук телевизора и голоса нескольких посетителей звучали приглушенно... кажется, я отключился.

Карла похлопала меня по плечу.

– Давай, двигайся, парень. Я переправлю тебя через улицу.

Я забрался в красный «приус» Карлы и, откинув голову на спинку сиденья, закрыл глаза. Я был все еще пьян, но уже начал трезветь. Мне, возможно, следовало выпить до смерти, до того уровня опьянения, который помог бы забыть этот день. Поэтому в каком-то смысле, я был обижен на Карлу за то, что она отказалась и дальше наливать мне алкоголь, но в то же время я чувствовал благодарность за то, что она позаботилась обо мне.

Она завела меня в мой номер и спокойно вошла следом за мной. Я лег на спину, скрестил руки на груди и закрыл глаза. Когда я открыл их, Карлы в комнате не было. Слышался звук льющейся воды, и я понял, что она в ванной.

Я снова закрыл глаза. На этот раз, когда я их открыл, Карла стояла у моей кровати. Она распустила волосы, которые обычно убирала наверх в стиле ретро. Она смыла толстый слой своей обычной красной помады. Но наиболее примечательным было то, что она скинула всю одежду и осталась только в красном кружевном лифчике и таких же трусиках. Грудь Карлы были готовы вырваться из сдерживающих их полосок ткани, а трусики едва прикрывали аппетитную попку.

– Что ты делаешь? – сонно пробормотал я.

– Помнишь, о чем мы с тобой договорились? Предложение все еще в силе. Позволь мне помочь тебе забыть все. Никаких условий, Чэнс. Только ты, я и сумасшедший секс.

Мой член дернулся, тело было не в силах контролировать естественную реакцию на такое предложение.

– Карла, крошка, ты не должна...

– Но я хочу этого. Боже, Чэнс, я так хочу тебя. Ты понятия не имеешь, что творишь со мной.

Твою же мать...

Прежде чем я успел хоть что-то сказать, она уселась поверх моих джинсов и стала тереться о мой не до конца набухший член.

– Думаю, ты готов, – пробормотала она, склонившись к моим губам.

Она поцеловала меня, и я неохотно ответил на ее поцелуй, так и не решив, принять ее предложение или столкнуть прочь.

– У тебя есть презерватив? – шепнула она.

– Нет.

– Это ничего. Тебе не о чем беспокоиться. Я принимаю пилюли, и я чистая.

Карла задрала мою рубашку, и я снова закрыл глаза. Она осыпала поцелуями мою грудь, а мой отравленный алкоголем разум рисовал образ Обри.

Обри.

Обри.

Обри.

Я попытался приподняться, но Карла осторожно пихнула меня обратно на кровать. Она принялась расстегивать пряжку ремня, а я продолжал безучастно лежать. Когда мой член высвободился и я почувствовал на нем прохладу воздуха, Карла начала гладить меня. Я знал, что она готова сделать мне минет, но что-то внутри меня воспротивилось этому. Не надо.

Я резко отодвинулся, натянул трусы, потом вскочил и застегнул молнию на джинсах.

Проведя руками по волосам, я покачал головой, глядя в пол.

– Я не могу так поступить. – Схватив рубашку и снова натянув ее через голову, я пробормотал: – Прости меня.

Карла подбоченилась, закусила нижнюю губу и кивнула, с пониманием глядя на меня.

– Все в порядке, Крокодил Данди.

– Дело не в тебе... просто...

– Дело в ней. Я понимаю. Это все она.

– Я просто еще не готов...

Она заговорила чуть громче:

– Ты не должен ничего объяснять.

Карла явно расстроилась. Я ненавидел себя за то, что ранил ее чувства, но переспать с ней вот так было бы совсем нечестно.

– Я сейчас оденусь и уйду, хорошо?

– Тебе не обязательно уходить.

– Так будет лучше.

Одевшись, Карла подошла ко мне и нежно поцеловала в щеку.

– Однажды она пробудится от сна и пожалеет о том, что натворила. Надеюсь, что к тому времени ты встретишь ту, с которой тебе действительно предназначено быть вместе. Потому что это не она.

– Спасибо, Крошка Карла. Спасибо за все.

– Пожалуйста, вернись, когда твои мозги снова встанут на место, обещай мне это, Крокодил Данди. Я хочу знать, что ты счастлив.

– Я обещаю тебе это.

Вот так Карла ушла от меня в ночь.

С довольно неприятными, но терпимыми ощущениями в слегка посиневших яйцах я удалился в душ. Позволив струе теплой воды свободно стекать по телу, я выдавил на ладонь немного шампуня, обхватил член руками и стал грубо драть. Несмотря на все усилия вытеснить из сознания образ Обри, в этот момент я не мог думать ни о чем, кроме нее. Перед глазами стояла яркая картина обнаженной, ласкающей себя Орби с закушенными от наслаждения

губами. Я никак не мог избавиться от этого видения. Я дрожил, представляя себе, как вхожу в нее, как не мои руки, а ее горячая узкая плоть сжимает мой член. Когда я кончил, голова шла кругом. Я прислонился к гладкой, скользкой стене душевой, едва справляясь с эмоциями в то время, как оргазм сотрясал мое тело.

Да пошла ты на хер, Обри!

Ненавижу тебя.

Люблю тебя.

Ненавижу!

Люблю!

Вот дерьмо!

Я все еще безумно люблю тебя.

Глава 29

В следующее воскресенье я вернулся в Хермоса-Бич, так и не получив от Обри ни единой весточки. Я решительно не желал писать ей первым. Если ей было настолько наплевать на меня, что она даже не удосужилась сообщить о своем решении, то и я не собирался доставлять ей такое удовольствие и унижаться перед ней.

Стая чаек сопровождала меня, пока я гулял по берегу неподалеку от своего жилища. Подбрасывая ногами песок, я размышлял, какими путями пойдет теперь моя жизнь, чем будут заполнены мои дни, если я уже не буду прикладывать все свои силы к тому, чтобы вернуть Обри. Больше всего я думал о том, сколько времени понадобится, чтобы совсем забыть ее и продолжать жить.

Выбрав удобное место на берегу, я сел и стал смотреть вдаль. Океан был неспокоен. Порывистый ветер задувал песок мне в глаза. Вдалеке несколько серферов оседлали вздымавшиеся волны. Где-то рядом группа играла в волейбол. Одна из девушек подбежала ко мне.

– Эй, нам не хватает одного игрока. Не желаешь присоединиться?

Черт, почему бы и нет? Будет полезно немного отвлечься.

– Да, с удовольствием. – Оторвав свое расслабленное тело от земли, я присоединился к парню и девушке с их стороны сетки. Неоднократно принимая мяч, я несколько раз выводил свою команду в лидеры.

В какой-то момент мы сделали перерыв, и парень из нашей команды отошел, чтобы принести воды из торгового киоска на пляже. Вернувшись, он отчего-то хохотал до упаду.

– Вы не поверите, что я только что видел.

– Что такое, приятель?

– Класную цыпочку с козлом на поводке.

Я уронил мяч.

– Что ты сказал?

– Прикиньте, дурацкий козел на поводке! И эта горячая штучка с ним. Она по...

– Где они?

Парень указал в направлении, откуда я недавно пришел.

Когда я сорвался с места, одна из девушек крикнула мне вслед:

– Эй, постой, не уходи! Мы начинаем новую игру.

– Играйте без меня, – крикнул я, не оглядываясь.

Мое сердце бешено колотилось.

Когда я подбежал к киоску, там уже никого не было. Оглядываясь вокруг, как безумный, я думал, что это не могло быть простым совпадением. Козел на поводке? Нет, невозможно. Это была она – Обри. Она была здесь.

Затем я увидел ее.

Обри.

Бог мой!

Они с Каракулем одиноко сидели на песке. Она кормила его мороженым из рожка и смотрела на воду. Ветер трепал ее волосы. Обри выглядела умопомрачительно красиво. Не веря своим глазам, я стоял там, казалось, бесконечно, онемев от потрясения.

Так получилось, что козел первым увидел меня. «Слепой» козлик рванулся ко мне, чуть не сбив с ног.

Не поняв, почему животное сорвалось с места, Обри в панике вскочила и в следующую минуту увидела, как я обнимаюсь с козлом.

Она отряхнула песок с бледно-желтого сарафана и посмотрела на меня.

– Чэнс.

– Вот так встреча. Что ты здесь делаешь?

– Я припарковалась у твоего дома. Ты не получил мое сообщение?

Я достал из кармана телефон и обнаружил, что пропустил ее сообщение, скорее всего, во время игры в волейбол.

– Нет, но я вижу его сейчас.

Стараясь обуздать вспыхнувшую надежду, я напомнил себе, что Обри могла приехать только для того, чтобы сообщить о своем решении лично. Несмотря на желание коснуться ее, я застыл, как механизм со встроенной самозащитой.

– Мы можем пойти к тебе домой? Я не хочу начинать этот разговор здесь. – Обри улыбалась. И эта улыбка лишь укрепила меня в самых худших подозрениях. Внутри все похолодело.

– Конечно, идем.

Недолгая прогулка до моего убежища прошла в напряженном молчании. Машина Обри действительно была припаркована перед домом. Мы присели на ступеньки, ведущие в мансарду. Козлик рядом жевал траву. Обри нервно потерла ладони. Было видно, что она никак не может заставить себя заговорить.

– Ну же, начинай, Обри. И давай покончим с этим.

Казалось, она вот-вот заплачет.

– Ты с кем-то встречаешься? – огорошила меня Обри неожиданным вопросом.

Возможно, я ответил с излишней резкостью:

– Это я-то встречаюсь? Кто бы говорил!

– Просто ответь мне.

– Нет, Обри. Все эти недели я только ел, спал и страдал по тебе. – Я едва сдерживался. – Почему ты задаешь мне такой вопрос?

– Вчера вечером я вернулась в свой дом, чтобы взять кое-какие вещи, которые забыла при переезде. Филомена увидела мою машину и вышла, чтобы сказать, что ты уже побывал здесь чуть раньше. Тогда я пошла в твой мотель. Перед ним была припаркована твоя машина. Когда я заглянула в окно, с тобой была девица, и она стягивала с тебя рубашку. Мне кажется, что это была та барменша.

Черт! Черт! Черт!

Ты издеваешься надо мной?

Твою ж мать!

– Обри, послушай меня. – Я взял ее за подбородок, заставив смотреть мне в глаза. – Даю тебе слово, я никогда не стану обманывать тебе. Ты мне веришь?

– Просто скажи мне правду.

– Это была Карла. Она – мой друг. Ты права, она работает в баре, куда я часто заходил. Она помогла мне дойти до комнаты, потому что в тот вечер я слишком надрался. Она разделась и хотела меня трахнуть, но я остановил ее. Шутка ли, но между нами ничего не было.

– Это правда?

– Клянусь могилой матери. Карла поцеловала меня и стала раздевать, но я сказал ей, что не гожусь ни на что, да и не хочу.

Обри с большим облегчением выдохнула.

– О, господи. А я-то просто сон потеряла. Хотя и понимаю, что не имею права расстраиваться.

– Я вообще плохо соображал тем вечером. Из меня словно душу вынули после того, как я узнал о твоем решении ехать в Бостон. Я чувствовал себя так, словно моя жизнь кончена.

– Бостон? Но я и не собиралась в Бостон.

– Как же так? Я видел, все твои пожитки исчезли... и объявление...

– Да. Я действительно переехала... только не в Бостон.

– Но Филомена говорила с Диком, пока ты паковала вещи. И он сказал ей, что ты приняла решение ехать с ним.

– Нет. Это неправда.

– Черт возьми! Обри! Ведь я так напился тем вечером только потому, что думал, что потерял тебя навсегда.

– Ричард был слишком самонадеян. Видимо, поэтому он сказал Филомене, что я еду с ним. Он продолжал считать, что сможет убедить меня, манипулируя обещанием работы. Я отказалась ехать с ним, но до последнего дня ничего не говорила ему о тебе. Мне просто хотелось спокойно собрать вещи, и я старалась избежать скандала.

– Постой. Ты хочешь сказать...

– Я никогда не собиралась ехать в Бостон, Чэнс. Я приняла решение задолго до этого, но все еще боялась полностью довериться тебе. Страх всегда будет сопровождать меня. Я всегда буду бояться потерять тебя, потому что моя любовь к тебе бесконечна. Но тот день, который мы провели здесь вместе, убедил меня, что я поступаю правильно. Никогда в жизни я не была столь уверена в правильности того, что делаю. Я знала, что должна вернуться в Темекулу и обрубить концы. Я должна была положить конец отношениям с ним.

– Ты порвала с Диком?

– Да. Объяснение вышло бестолковым. Я все рассказала ему. Он обвинил меня в совращении тебя и твоего брата-близнеца, садовника Гарри.

Мы оба покатались со смеху, напугав козла, который, по какой-то невероятной причине, на этот раз не грохнулся в обморок.

– Если бы только я действительно мог раздвоиться и устроить тебе двойное проникновение... Ты, надеюсь, сказала ему, что на самом деле нет никакого близнеца?

– Нет. Раз уж он обвинил меня в грязном разврате, то мне нет дела до того, что он будет обо мне думать.

– Вот ведь придурак гребаный.

– На самом деле он неплохой парень, но с того момента, как ты вернулся, Чэнс... В общем, ты должен знать, что ты вне конкуренции.

Я с облегчением вздохнул, и мозаика из разорванных в клочья мыслей стала складываться в упорядоченный рисунок того, что случилось на самом деле.

– Так ты ушла с работы не для того, чтобы ехать в Бостон, а чтобы...

– В любом случае я не была бы там счастлива. И еще, если бы я переехала в Хермоса-Бич, то я...

– Переехала сюда? – Моя физиономия расплылась в широкой, идиотской улыбке. Я сощурился, чтобы лучше рассмотреть машину Обри, и заметил, что она была припаркована с краю, причем со всеми пожитками, точно как в ту первую неделю, когда мы встретились. Черт побери. Мы прошли полный круг и замкнули его. – И это все твое барахло?

– Да. – Она положила руку мне на грудь, туда, где билось сердце. – Но мне больше ничего и не нужно.

Наклонившись, я поцеловал ее от всей полноты чувств, а потом подхватил на руки и закружился вместе с ней. Мимо проезжали люди и сигналили нам.

Когда я опустил Обри на землю, в ее глазах стояли слезы, она обвила руками мою шею.

– Надеюсь, твои жилищные условия позволяют содержать козликов?

– Если хоть одна душа будет возражать, мы просто переедем отсюда. Я подумываю о нашем собственном доме, где я мог бы посадить и вырастить для тебя еще один сад.

Мое дыхание учащалось по мере того, как до меня стала доходить вся важность происходящего, поражая все сильнее. Меня буквально скрутило ненасытное желание взять то, что теперь с полной уверенностью я мог считать своим. Я больше не мог ждать ни секунды.

– Принцесса, надеюсь, у тебя нет никаких планов на данный момент?

Она вскинула бровь.

– А что?

– Потому что мы должны немедленно наверстать два упущенных нами года.

Я взял Обри за руку и повел за собой в дом. Мы практически ввалились в комнату, споткнувшись в дверях. В предвкушении того, что должно было произойти, мой член мучительно затвердел.

Я схватил самую большую миску, какая была в доме, и наполнил ее водой, чтобы Пикси не загнулся от жажды, если мы не выйдем из комнаты в течение многих часов.

– Ну-ка, налегай, засранец, – сказал я, подсовывая миску ему под нос. – Я как раз тем же собираюсь заняться с твоей мамочкой.

Обри стояла сейчас передо мной, и мне показалось, что с плеч свалился непомерный груз. Впервые я мог быть с ней по-настоящему, без опасений и неопределенности.

Я дернул себя за волосы, глядя на Обри сверху вниз, и покачал головой.

– Я даже не знаю, с чего начать. Я столько всего хочу проделать с тобой.

– Я ко всему готова.

– Уверена?

– Да.

– Тогда я думаю, для начала, я должен оттрахать тебя как следует. Ты не против такого предложения?

В ответ она молча скинула через голову сарафан. Когда она сняла трусики, я тоже поспешно начал раздеваться. То, как она смотрела на мое тело, возбуждало меня еще больше. Вся моя сдержанность, выработанная за последние несколько недель, к этому моменту испарилась, как будто ее и не было.

– Боже милосердный, – только и смог выдохнуть я, глядя на ее обнаженное тело при дневном освещении. Она выбрила свой великолепный холмик, оставив тонкую полоску волос посередине. Мне так хотелось смаковать каждый участок ее прекрасного тела, но только не в этот раз. Все это будет позднее. А прямо сейчас я должен был просто удовлетворить свою страсть.

Я схватил ее за талию и рывком притянул к себе. В следующее мгновение ее ноги обвились вокруг меня, а я приподнял ее и нанизал на мой изголодавшийся член.

– А-а-а... – не смог сдержать я вопля, настолько нестерпимо мучительным и сладким было проникновение в ее тело. Ничего лучше этого не происходило со мной за всю мою жизнь.

Мы даже не пытались сдвинуться с этого места. Ее спина была прижата к двери моей спальни, и я входил в нее снова и снова, жестко и беспощадно, подчиняясь бешеному ритму нашей страсти, а Обри умоляла меня удвоить усилия. То ли потому, что я был сейчас с любимой женщиной, то ли потому, что ждал этого так долго, но никогда еще я не испытывал такого острого наслаждения. Ее тесная горячая плоть, истекающая влагой... ее стоны и дыхание – все было абсолютно идеальным, словно сотворенным только для меня и на всю жизнь.

Плотно обхватив руками ее ягодицы, я почувствовал спазм мускулов вокруг моего члена.

– Давай, Обри. Кончай прямо сейчас. Освободи себя.

– Произнеси мое имя, когда будешь кончать. Мне так нравится, как ты произносишь мое имя, – прошептала она.

Когда я кончал внутри нее, я непрерывно повторял ее имя, с каждым толчком:

– Обри...блин...Обри... боже... Обри...Обри...Обри-и.

Мы стояли, все еще соединенные, прижавшись друг к другу лбами.

– Я люблю тебя, Обри.

– Это был долгий путь навстречу друг другу, но он того стоил, – сказала она.

– Стоил, каждую секунду.

Мы долго стояли, не меняя позы, пока я наконец не отпустил Обри.

– Есть хочешь?

– Немного.

– Давай покормим тебя чем-нибудь... кроме меня самого. Тебе потребуются силы для второго раунда.

Я натянул трусы и майку и набросил на Обри свою тенниску. Мне нравилось смотреть, как ее соски натягивали ткань, словно стремились ее проткнуть. Она последовала за мной в кухню, накрыв рот рукой, словно реальность только начала доходить до нее.

– Черт, а ведь у меня нет работы. Я еще никогда в жизни не была безработной.

– Вам повезло, миссис Найтмен. У меня есть вакансия секс-рабыни.

– После того, что ты делал со мной, я с удовольствием и совершенно добровольно соглашусь занять эту должность.

– Мы найдем для тебя работу. Что-нибудь, что непременно придется тебе по душе, – сказал я уже серьезно.

– Мне по душе ты, и то, что я могу с тобой... вместе с тобой делать снова и снова.

– Ну что ж, договорились. Секс-рабыня, и точка.

– Но, если серьезно, я бы не хотела быть зависимой. При таком раскладе я, в буквальном смысле слова, жила бы за счет доходов с твоей задницы.

– Похоже, что в дальнейшем уже я буду претендовать на твою задницу, и это представляется мне вполне справедливой сделкой. Задница за задницу.

Обри

Вегас. Год спустя

Я и Чэнс стояли в дверях маленькой белой церкви, места нашей шуточной свадьбы, состоявшейся три года назад. Мурашки бегали по коже, потому что казалось, что все это было только вчера. Пребывание здесь вызывало чувство ностальгии, и в то же время мне было немного грустно за годы, которые мы потеряли.

Зельда с копной рыжих вьющихся волос, в своем невообразимом разноцветном одеянии выглядела точно такой же, какой я ее запомнила.

Она прищурилась и смотрела прямо на Чэнса.

– Вы ведь здесь уже были прежде?

Он улыбнулся. Это была его идея – снова вернуться сюда.

– Восхищаюсь вашей проницательностью. На этот раз у нас назначено время. Под именем Найтмен, в шесть часов, – сказал Чэнс, показывая лист бумаги. – Это фактическое свидетельство о браке. На этот раз мы женимся по-настоящему.

– Точно. Ты тот самый парень из Австралии... эти обеты... как я могла забыть? Мне следовало понять, что вы двое созданы для настоящего союза. Вы одна из немногих пар, которых я вспоминала после того, как вы ушли. Что же вы так долго раздумывали?

– Да так, встретили несколько ухабов на пути. Но мы приземлились на ноги, так, Принцесса?

Слушать его было одновременно и горько, и сладко. Когда бы я ни вспоминала о тех двух годах, разлучивших нас, мне было невероятно грустно. Чэнс посмотрел на меня с обожанием. Боже милостивый, как же могло мне так повезти, что я встретила парня, который так сильно полюбил меня?

– Вы готовы к началу церемонии? – спросила Зельда.

– Да. – Я улыбнулась, все еще глядя в глаза Чэнса, серо-синие глаза оттенка номер тринадцатый.

Адель и ее парень Гарри были тут же в качестве свидетелей. Поскольку мы приехали на машине, то взяли с собой и Пикси. Он был самым почетным гостем.

На этот раз я уже подготовилась и явилась в платье, которое выбрала по своему вкусу. Чэнс выглядел невероятно сексуально в белой льняной рубашке с закатанными рукавами и в парадных брюках, которые обтягивали его божественный зад – тот самый зад, который по сей день способствовал поддержанию нашего материального благополучия. Я оставила карьеру юриста ради куда более приятной для меня работы – управляющего приютом для бездомных животных в Хермоса-Бич. Оплата была ерундовой, но каждое утро после пробуждения я с нетерпением ждала общения с животными и никогда не испытывала досады от того, что нужно идти на работу. Чэнс все еще неплохо зарабатывал на отчислениях за свою карьеру футбольной модели, однако тоже открыл свое дело по ландшафтному дизайну с полным штатом наемных рабочих. В свободное время он продолжал заниматься своим хобби – создавал скульптуры из мусора.

Ступая по проходу, я была застигнута врасплох музыкальным выбором, который сделал Чэнс: «Длинная извилистая дорога» группы «Битлз». Для него это был необычный выбор, но песня идеально подходила нам.

Можно было подумать, что теперь, спустя столько времени после нашей шутейной свадьбы, я не стану так нервничать. Но, когда церемония началась, мои руки дрожали. Все было не менее волнующим, чем в тот, первый раз.

Как и тогда, «Элвис» произнес:

– Дорогие влюбленные, мы собрались здесь сегодня, чтобы свидетельствовать о соединении Чэнса Найтмена и Обри Элизабет Блум в святом браке, который является блаженным состоянием, установленным Самим Богом от начала времен, и подходить к нему надо благоговейно, благоразумно, трезво и в страхе Божьем, а не необдуманно и легкомысленно. Если в этом собрании есть кто-нибудь, кто может указать причину, по которой этот брак не может быть заключен, пусть говорит сейчас или никогда.

Словно по сигналу, Пикси издал продолжительное: «Бе-е-е-е».

Чэнс обернулся и пошутил:

– Именно сейчас тебе приспичило мутить воду, засранец ты эдакий.

– Кто выдает эту женщину замуж за этого мужчину?

На этот раз вместо Зельды эту роль выполняла Адель.

– Я.

Адель и я, мы очень сблизились, почти как сестры. Я была бесконечно благодарна за то, что приобрела новую семью. И очень тронута, когда Чэнс взял мои руки в свои и сказал:

– Как бы я хотел, чтобы матушка могла познакомиться с тобой.

Тут Элвис прервал наше маленькое отступление от церемонии.

– Вы желаете дать стандартные брачные клятвы, или у вас есть свои варианты?

Мы, как и тогда, ответили почти одновременно.

– Стандартную, – ответил Чэнс, в то время как я сказала:

– У меня есть своя версия.

Похоже, Чэнс был не на шутку изумлен. Он наклонился ко мне и прошептал:

– Принцесса, на этот раз ты сочинила текст брачных обетов? Я просто хотел как можно быстрее официально жениться на тебе. Поэтому и решил пропустить эту часть.

Я понимающе кивнула, но ответила:

– Сейчас мой черед. Поверь, мне есть что сказать.

Когда Чэнс закончил повторять за Элвисом стандартные слова брачного обета, я решительно откашлялась.

Какими словами можно было выразить то, как много значил для меня Чэнс?

Вздыхнув поглубже, я привела в порядок мысли, прежде чем заговорить.

– Чэнс, когда мы встретились, я не знала, что именно поразило меня в тебе. Тогда впервые я почувствовала, что живу полной жизнью. За какую-то неделю ты научил меня многому, показал, что действительно важно в этой жизни. Ты научил меня получать удовольствие от жизни и не относиться к себе слишком серьезно. Ты заставил меня безумно влюбиться в тебя, так, что даже потом, когда я верила, что ты предал меня, я все равно не могла изгнать тебя из своего сердца. Я могла только притвориться, что мне больше нет до тебя дела. Тогда я думала, что любила тебя. Но я и не догадывалась, что наша настоящая история любви еще даже не началась. Я никогда не любила тебя больше, чем тогда, когда ты вернулся и боролся за меня всеми возможными способами. День за днем ты забывал о своей гордости и никогда не отступался от меня, даже когда я вела себя так, что сложно было поверить, будто у нас когда-нибудь что-нибудь получится. Ты вновь заслужил мое доверие, и еще... Ты сказал, что хотел бы, чтобы твоя мама могла познакомиться со мной. Что ж, я бы тоже желала видеть ее здесь, чтобы поблагодарить за то, какого замечательного сына она воспитала. Подумать только, ведь я могла сделать один неверный поворот и никогда бы не встретила тебя там, на стоянке в Небраске. Одна минута может перевернуть всю жизнь. И все-таки я чувствую, что мы все равно где-нибудь встретились бы. Потому что сейчас я знаю, что мы родственные души. Дорога, которая привела нас сюда, не всегда была гладкой, но это сделало нас сильнее и подготовило к событиям грядущего. Я с нетерпением жду следующих приключений. Я люблю тебя, Чэнс.

Не припомню, чтобы когда-либо видела Чэнса плачущим, но сейчас в его глазах блестели слезы, он почти неслышно проговорил:

– Я люблю тебя, Обри.

Тут «Элвис» подсказал, что нам следует обменяться кольцами. Чэнс всегда отказывался снять старое фальшивое кольцо, хотя от него позеленел палец. На этот раз я надела ему платиновое кольцо. Чэнс еще раньше, несколько месяцев назад, приготовил мне сюрприз – бриллиантовое кольцо с красивой огранкой под названием «Принцесса». Он надел бриллиантовое кольцо – символ нашей вечной любви – на мою протянутую руку.

– В соответствии с законами штата Невада и властью, которой я наделен, я провозглашаю вас мужем и женой. Теперь жених может поцеловать невесту.

Чэнс поднял меня на руках и поцеловал так, словно это был последний день нашей жизни. Его теплые губы, накрывшие мои, и осознание того, что теперь он мой законный супруг, вознесли меня на небеса. Пикси стал выражать нетерпение, и его «Б-е-е» слилось с аплодисментами Адель и Гарри.

– Тот самый поцелуй! Теперь я точно знаю, почему запомнила вашу пару.

Зельда сфотографировала меня и Чэнса отдельно, а затем с Адель и Пикси.

Мы забронировали номер в том же отеле, где останавливались три года назад. Теперь мы планировали остаться в Вегасе на медовый мини-месяц. Адель и Гарри взяли Пикси в свой внедорожник. Мы обнялись на прощание, так как они решили сразу вернуться в Хермоса-Бич.

Мы вышли из церкви на сухой, пустынный воздух под закатное солнце Вегаса, и тут Чэнса ожидал специальный сюрприз, который я для него приготовила и который ждал нас перед часовней.

Чэнс расхохотался, когда увидел черный «БМВ», той же самой модели, что и тот, на котором мы начали наше первое дорожное путешествие.

– Ты арендовала «бумер»?

БУ-У-МЕ-ЕР... Моя любовь к его акценту никогда не пройдет.

– Я знаю, что мы собирались обратно лететь на самолете, но мне подумалось, что путешествие на этой машине добавило бы прелести нашему медовому месяцу.

Я попросила Адель сделать сверкающую надпись на капоте, которая гласила: «Новобрачные... Снова». Мне особенно не терпелось показать Чэнсу, что было внутри.

– Идеально. Я за рулем, миссис Найтмен?

– Да. Думаю, мне захочется без всяких помех просто любоваться своим красивым мужем. Когда мы сели в машину, Чэнс тут же расплылся в улыбке, заметив нечто на приборной доске.

– Ба! Старый знакомый! Мистер Обама! Ты хранила его все эти годы?

– Я должна рассказать тебе одну историю. Когда я впервые попала в Темекулу и пыталась продать «БМВ», я оставила эту статуэтку внутри машины. Сотрудница автосалона побежала за мной и спросила, нужен ли он мне. Я сказала ей, что она может оставить его себе. Я старалась избавиться от всех напоминаний о тебе, потому что потеря причиняла невыносимую боль. Ты все еще жил в моем сердце, и, чтобы избавиться от воспоминаний, я должна была выбросить все, что напоминало о тебе. Спустя несколько недель я припарковалась у заправочной станции. Мальчишка лет двенадцати ждал в машине рядом со мной отца, который зашел в мини-маркет. На панельной доске их автомобиля я заметила кивающую фигурку. Я не поверила своим глазам. Я была уверена, что это наш Обама. Я спросила мальчика, где он взял игрушку. Тот ответил, что получил ее от отца. Оказалось, что отец работал в автосалоне. Я не знала, что это могло означать, но каким-то образом я восприняла это как знак судьбы, говорящий о том, что мне не суждено отпустить тебя. Я спросила отца мальчика, за какую сумму я могла бы перекупить статуэтку. Он уступил за десять баксов, но я была готова заплатить сколько угодно. Весь день я прорыдала навзрыд. Тогда я все еще заставляла себя жить, не оглядываясь назад, но, когда ты снова возник в моей жизни, я постоянно вспоминала фигурку Обамы, и меня не покидала мысль, что вселенная пыталась передать мне знак, чтобы я ждала тебя, чтобы не сдавалась.

Я замолчала, а по моим щекам текли слезы. В этот момент я думала о том, как же мне повезло, что я заполучила его обратно, а вместе с ним столько счастья.

– Удивительная история, Принцесса. – Чэнс смахнул большими пальцами слезы с моих глаз и добавил: – Спасибо, что дала мне второй шанс. – Он нагнулся и поцеловал мой живот на пятом месяце беременности, который был уже заметен через кружева моего платья с приподнятой талией. Малыш мужского пола, которого мы ожидали, будет носить имя своего папочки.

Чэнс. Мой второй Шанс.

Чэнс прижался щекой к моему животу. Я взъерошила ему волосы и сказала:

– Это справедливо. Я дала тебе второй шанс, и теперь ты даешь мне мой.